

В. А. ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЙ

ОНТИ

В. А. ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЯ

СИТН

В. А. ОБРУЧЕВ

ПЛУТОНИЙ

НЕОБЫЧАЙНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
В НЕДРА ЗЕМЛИ

ИЗДАНИЕ
ЧЕТВЕРТОЕ

Главная редакция научно-популярной
и юношеской литературы
Москва-Ленинград

1937

Иллюстрации худ. Е. А. ИВАЧЕВОЙ

На страницах книги академика Владимира Афанасьевича Обручева „Плутония или необычайное путешествие в недра земли“ в форме увлекательного фантастического романа перед читателем раскрывается доисторическое прошлое нашей земли. Одни за другими перед его глазами проходят как бы ожившие ископаемые животные минувших геологических периодов в естественной природной обстановке, окружавшей их в то время. Автор последовательно знакомит с картинами природы прошлого, как бы углубляясь с каждым шагом героя своего романа в историю земли. Все это преподносится читателю на фоне экспедиционной жизни научной исследовательской партии в неизученной человеком местности.

При всей своей увлекательности роман построен на научных данных, фоном его является одна из гипотез о строении земного шара, выдвинутая в конце XVIII века и в настоящее время оставленная, знакомство же с проявлениями геологических сил и с наукой о доисторических животных и растениях раскрывается на каждой странице книги в описаниях природы и в беседах сотрудников экспедиции в Плутонию.

Книга рассчитана на молодежь.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия	5
Неожиданное предложение	7
Совещание в Москве	9
В далекий путь	14
Страна дымящихся сопок	18
Берингов пролив	23
В поисках неизвестной земли	29
Земля Фритиофа Нансена	33
Через хребет Русский	38
Бесконечный спуск	42
Необъяснимое положение солнца	55
Полярная тундра	58
Бродячие холмы	61
Незванный гость	67
Шисьмо Труханова	74
Страна вечного света	77
Непрошенные могильщики	82
Вниз по реке Макшеева	86
Охота на охотника	90
Приключения на холме	97
Летчик поневоле	102
Тропическая гроза	107
Движущийся бугор	113
Плутон гаснет	119
Чудовищные ящеры и странные птицы	125
Пояс болот и озер	134
Море ящеров	142
Переезд через море	148
Миллионы и миллиарды Макшеева	153
Лес хвощей	157
Хищные и травоядные ящеры	163
Ущелье птеродактилей	167
Ограблены дочиста	177
По следам похитителей	181
Цари юрской природы	187
Как проникнуть в муравейник	192
В глубь черной пустыни	195

	Стр.
Экскурсия в кратер Сатаны	202
Пробуждение вулкана	207
Гибель муравейника	214
Плавание на запад	219
Сверхчудовища	224
Брандер Каштанова	229
Сражение с муравьями	234
Новая экскурсия в глубь страны	238
„Шалости“ Ворчуна	243
В безвыходном положении	249
Обратное плавание	258
Загадочный след	262
В покинутой юрте	266
По следам товарищеской	270
Освобождение пленников	274
Нападение дикарей	278
Жизнь в плена у дикарей	283
Опять в юрте	288
В глубь льдов	291
Научная беседа	292
Эпилог	310
Библиография	318

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед вами лежит книга академика В. А. Обручева «Платония». Необычайное путешествие в недра земли». Задача этой книги — рассказать читателю о животном и растительном мире доисторических времен, но автор сделал это в необычайной форме. Он обратил сухую науку, которая имеет дело только с разрозненными костями и странными отпечатками на камнях и носит трудное имя «палеонтология», в увлекательный роман.

Для этого автор использовал гипотезу о существовании открытой полости внутри земного шара, серьезно обсуждавшуюся учеными в конце XVIII и в начале XIX века, и отправил на розыск этой полости научную экспедицию на судне «Полярная Звезда». Страницы, отведенные характеристике этой гипотезы, занимают одну главу книги и в популярной форме знакомят читателя с прежними и новыми взглядами на строение внутренности земли. Заметим только, что гипотеза, на которую опирается герой романа Труханов, в современной науке не принята. Зато мы получаем возможность глазами научной экспедиции заглянуть в доисторический мир и представить себе его обитателей особенно ярко потому, что нам не раз приходится волноваться за участников героев.

Благодаря этому же вымыслу книга в первой своей части выполняет еще одну службу, а именно знакомит нас с на-

шим крайним северо-востоком и с работой полярной экспедиции. За последние годы Советский союз очень много сделал для овладения и освоения своих северных окраин. О поставленных на крайнем севере радиостанциях, о колониях на островах Франца-Иосифа, Новой Земли, Врангеля, о зимовщиках на мысе Челюскина, Северной Земле и др., о рейсах «Красина», «Литке», «Малыгина», «Сибирякова», «Челюскина» и их борьбе с полярными льдами, туманами и пургами все конечно знают.

Но предоставим слово автору, книгу которого выпускаем в четвертом исправленном издании.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием полярного Урала, занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах; не для безделья — о, нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пребежал оглавление нового номера английского географического журнала и каталог научных новинок иностранного книгоиздательства. Наконец его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII 1913

Глубокоуважаемый
Петр Иванович!

Зная вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю вам принять

участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизведанной части Ледовитого океана. Если вы принципиально согласны, будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница „Метрополь“, где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказываетесь, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке во всяком случае будут возмещены.

*Вполне преданный и уважающий вас
НИКОЛАЙ ИНОКЕНТЬЕВИЧ ТРУХАНОВ.*

Каптанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии

Профессор опустил письмо и задумался.

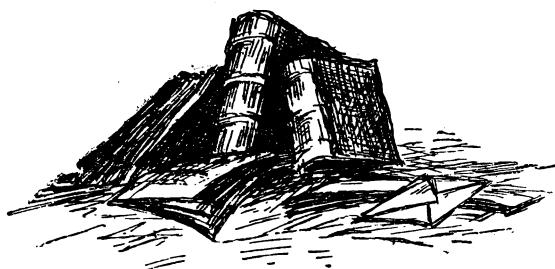
«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики¹ или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

¹ Геофизика — наука о физическом устройстве земного шара, магнитных, электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр и пр.¹

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов кончил университет в Америке и посвятил себя геофизике и астрономии. Он недавно выстроил на свои средства обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами.

Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера во всяком случае менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык.

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он конечно решил съездить в Москву.

СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, где было уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руку, воскликнул:

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштабнову:

— Зоолог, приват-доцент Семен Семенович Палочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

— Полярный мореплаватель, капитан Отто Нордстрем.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 г.¹

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь.

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой искрещены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, так близко от маршрутов «Веги» Норденшельда, «Фрама» Нансена и «Зари» барона Толя, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

— После славных экспедиций XVII и XVIII веков — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине XIX века на крайнем севере Сибири участие русских ученых в разоблачении тайн околополярной области было очень невелико и почти ограничивалось изучением Новой Сибири, Новой Земли и Шпицбергена. Последняя экспедиция барона Толя погибла близ острова Беннета, а экспедиции Седова, Брусицова и Русанова, скучно снабженные и легкомысленно организованные, вероятно постигнет или уже постигла та же печальная участь в Карском или Баренцовом море. В ту же область проник и Вилькицкий и конечно будет продолжать свои исследования. Конкурировать с ними я не хочу.

— Мои планы, — продолжал Труханов после небольшой паузы, — касаются другой части арктической области.

— Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски, — ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жанетта», скованная льдами, проплыла южнее этого пятна. Последние экспедиции

¹ Теперь она называется Северной Землей.

Свердрупа и Амундсена, в которых участвовал и капитан Нордстрем, здесь присутствующий и могущий подтвердить мои слова, работали восточнее, среди островов северо-американского архипелага.

— Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще не известная, или большой остров, только вдвое меньшее Гренландии. А может быть там лежит целый архипелаг. Посмотрите, на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что большой земли в этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка.

— Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных штатов Америки, уверен в существовании этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было, приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая. Существование материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на западе, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает двух метров. Это возможно только в узком море между двумя материками. От островов северо-американского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк, приливная волна Атлантического океана могла бы достигать берегов острова Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожать друг друга. Но наблюдения Мак-Клора у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада из моря Бофора.

— Итак, — закончил Труханов свой доклад, — существование материка или тесной группы больших островов в этой части арктической области можно считать почти несомненным, и остается только открыть их.

— Вот почему я решил организовать и послать туда

экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие. Хотя во главе судна, которое повезет нас в эту область, будет стоять норвежец, но экспедиция будет все-таки русская. Я пригласил капитана Нордстрема, известного своими успешными плаваниями в северных и южных морях.

Когда Труханов кончил свой доклад, норвежец поднялся и вкратце изложил свое мнение о существовании большой земли в северной части моря Бофора. Он опирался на рассказы эскимосов северо-американского архипелага и на наблюдения за весенним и осенним пролетом птиц у северного берега Аляски. Нордстрем был убежден, что земля существует. Его рассказ вызвал несколько вопросов со стороны Каштанова и Борового, после чего Труханов снова заговорил.

— Теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно по типу «Фрама», но более усовершенствованное на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится в Японии,— у нас на Дальнем Востоке к сожалению нет хороших верфей. На днях оно будет спущено на воду, и капитан Нордстрем поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к 1 мая оно прибудет во Владивосток за членами экспедиции. В начале мая мы снимаемся с якоря и возьмем прямой курс на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если нам это не удастся на Камчатке, мы можем взять собак на Чукотском полуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой¹ для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жанетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно вскоре мы встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше, но весьма вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой земли и высадим саниную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год, на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад, или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине

¹ Ю колой на севере Сибири называется сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая туземцами впрок для пропитания зимою себя и собак.

земли судно будет оставлять на известном расстоянии друг от друга склады с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год, в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет отправлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

— Как видите, — закончил Труханов, — хотя задачей экспедиции не является достижение северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Аляски, однако и эта задача также довольно трудна. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть, — это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После короткого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разъяснения плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому о нашем плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Каштанов, — вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выражались: «мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем все время, потому что ходить пешком почти не могу. У меня ведь одна нога ниже колена искусственная; я так неудачно сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, т. е. пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог, кроме атмосферных явлений, берет на себя определение долгот и широт. Не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении, — ответил Боровой.

— Я не настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции, — продолжал Труханов. — Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине.

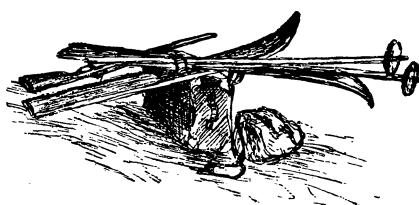
— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я к сожалению дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь я должен искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время.

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме Нордстрема, уже выехавшего в Японию.

Никто из ученых не отказался от участия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоящие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это единодущие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантирует успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения.

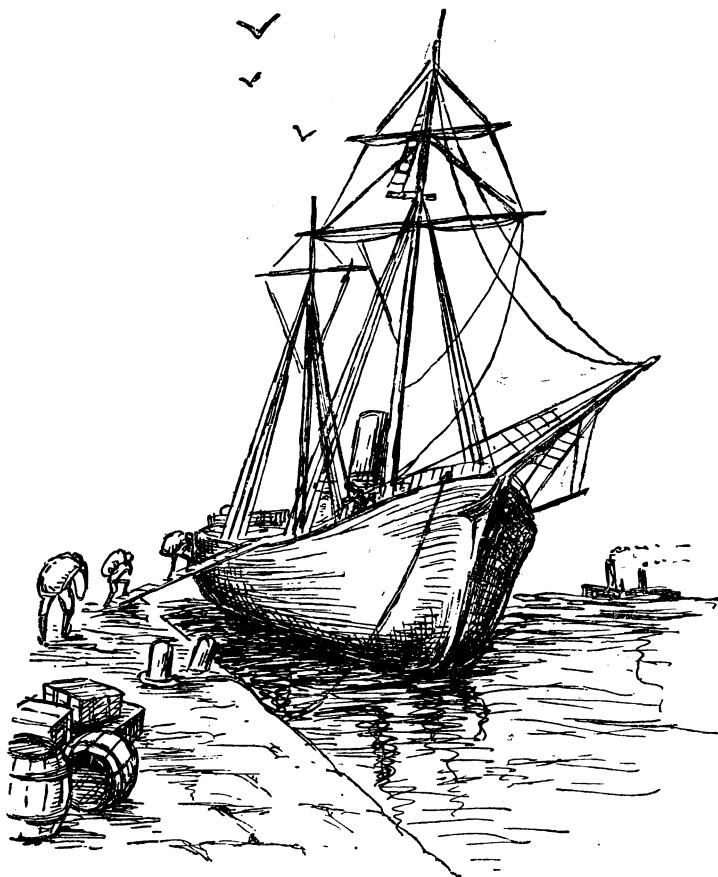
На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы приготовиться к экспедиции и закончить личные дела.

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

20 апреля с сибирским экспрессом выезжали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Папочкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по договору из разных концов России; через десять дней они прибыли к вокзалу Владивостока.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше для разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали вошедшее в

В течение трех дней производилась погрузка угля
и всевозможных съестных припасов

порт судно «Полярная Звезда», с капитанского мостика которого им улыбалось обветренное лицо Нордстрема.

В течение трех дней производилась погрузка угля, смазочных масел, всевозможных съестных припасов, разных предметов научного снаряжения и личного багажа членов

экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности кончены, экипаж и пассажиры на местах.

Плавно рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная Звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток. Все пять человек экспе-

диции с капитанского мостика провожали глазами уплывавший вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по холмам позади зеленою бухты; в душе каждого из них невольно вставал вопрос: увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще? И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро покончили с береговыми воспоминаниями.

Кроме капитана Нордстрема и его помощника, также норвежца, экипаж «Полярной Звезды» состоял из девяти норвежских матросов, подобранных моло-дец к молодцу, и шести русских — машиниста, его помощника, двух кочегаров,

Капитан Нордстрем
сходил с своего поста
в рубке только на ко-
роткое время

повара и буфетчика, исполнявшего также обязанности и эконома.

Раздался гонг, призывающий к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольда — последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав остров, «Полярная Звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавно рассекало голубые волны Японского моря, уходившего теперь на юг и восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии пятнадцати-двадцати километров, тянулась темная линия уссурийского берега. На закате солнца, за мысом Поворотным и эта линия быстро исчезла из вида.

Судно резко повернуло на северо-восток.

— В какой порт мы направляемся?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

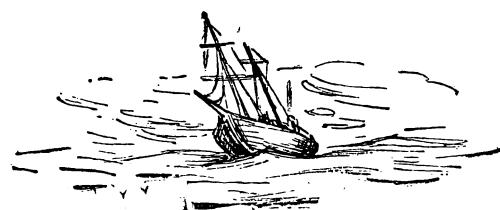
— Там холодное Охотское море наверно наделает нам

исприятностей. Этот скверный угол Тихого океана всегда дает себя знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, бывают там постоянно. Но это будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выспались отлично и отдохнули после суеты и хлопот дорожных сбров. Но на следующий день предсказание Труханова оправдалось. Барометр резко упал, подул пронзительный северо-западный ветер, небо заволокло серыми тучами и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная Звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пеня плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах. Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Нордстрем сходил со своего поста в рубке только на короткое время. К счастью шторм не был сильный и за ночь даже ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова Маканруш и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого подымался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое облако, еле заметное на пасмурном небе. В нескольких милях к югу из воды, подобно исполнскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибой резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым.

СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная Звезда» с удвоенной быстротой поспешила к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, а затем перед глазами путешественников потянулась линия вулканов-сопок. Одни были конические, другие притупленные, соединенные друг с другом ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывавшие стройные конусы сопок и гребень промежуточного хребта, ярко белели на темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно в узкие ворота Авачинской бухты. Убрав паруса, прошла «Полярная Звезда» тихим ходом между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск давно спал. Спокойные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки, подобно белому приведению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега, возле солнного городка. Грохот цепей разбудил собак, и исчная тишина была нарушена лаем и воем, на который однако никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся не один раз, очевидно представляя обычное явление.

Утром путешественники были разбужены беготней и возней, начавшейся на палубе. Происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожила.

После долгого плаванья всем хотелось почувствовать под ногами твердую почву, поэтому позавтракали наскоро и чтобы переправиться на берег воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией. Там уже все население Петропавловска, от малышей до стариков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглядеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары. Это население впрочем не превышало четырехсот человек и представляло небольшую толпу на берегу. Позади нее на пологом склоне расположились в живописном беспорядке жалкие домишкы горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки: городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишки были разбросаны так, как вздумались их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома расположились амбары, сарайчики, навесы для скота, вешалы для юколы. Во многих местах лежали еще кучи грязного тающего снега, из-под которых к морю сбегали ручейки мутной воды, и прохожим приходилось перепрыгивать через них, так как ни тротуаров, ни мостков не было.

Всех поразило полное отсутствие домашней птицы и мелких животных. Это объяснялось тем, что ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать нельзя, уничтожают всякую мелкую живность. Особенно к концу зимы, когда истощаются запасы юколы и собак держат впроголодь. Эти собаки, красивые мохнатые звери различной масти, виднелись вокруг всех домов. Одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третьи дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной Звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По случаю окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники меньше чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаить, нашлись молодые листья анемонов¹. Весна на Камчатке, вследствие обилия зимних снегов и влияния холодного Охотского моря, начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывавшихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

¹ А н е м о н ы — разноцветущие травянистые растения, например подснежники, ветреницы, веснушки и др.

Кольцо гор отступало от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишкы одноименного селения, единственного кроме Петропавловска жилого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати километров в попечнике, могущего вместить флоты всех великих и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынностью. На его гладкой поверхности не белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись с берега, наши путешественники сделались свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно, тридцать собак, предназначенные для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались погрузить эту свору. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, т. е. собаковожатый, схватил пару сопротивлявшихся и вывихших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы итти за следующей парой, собаки, очевидно недолюбливавшие путешествия по воде, выскочили на берег и смеялись с оставленными. Это повторилось несколько раз ко всеобщему удовольствию гостей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадальскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли, — гвалт стоял невообразимый.

Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров, способ посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вскакивали передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду все же не решались.

Когда лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее подвели носом к берегу. Матросы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе весел стая, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но как только лодка толкнулась о корпус «Полярной Звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было

видно, как собак попарно поднимали на палубу в корзине, спущенной с борта судна на веревке, и как каюр носил их в отведенную им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться со своей участью.

Суёта на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться наверх, чтобы бросить по-

Каюр стал бросать собак попарно через воду в лодку

следний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна.

При криках «ура», «счастливого пути», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак «Полярная Звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег быстро уходил вдаль и вместе с тем на заднем плане из-за ближайших к городу гор стал вынывать белоснежный конус Авачинской сопки. Тонкой прозрачной струей над ее вершиной подымался дымок.

— Закурила наша сопка! — произнес голос за спиной путешественников, стоявших у борта и любовавшихся красивой картиной.

Все оглянулись. Это был тот энергичный мужчина, который накануне перебрасывал собак в лодку. Теперь он был

одет в кухлянку — куртку из оленьего меха шерстью наружу. Узкий и несколько косой прорез его карих глаз, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица, приплюснутый нос и скучные черные усы сразу обнаруживали принадлежность его к монголам. Он, улыбаясь, смотрел на путешественников.

— Это новый член нашей экспедиции — Илья Степанович Иголкин, начальник тридцати собак и каюра передней наряда, который обучит нас управлять этими беспокойными животными, — сказал Труханов, здороваясь с каюром.

— Наши собачки очень спокойные, господин начальник! — возразил тот. — Они уже затихли. Ведь покидать родину никому не охота, потому они и выли.

Когда Иголкин отошел к собакам, Труханов передал товарищам сведения об этом члене экспедиции. Иголкин был родом из Забайкалья, из бурят-казаков какой-то станицы на границе Монголии, и участвовал в войне с Японией, после которой остался во Владивостоке. Его завезла на Камчатку научная экспедиция, и ему понравилась страна дымящихся сопок, ее приволье, обилие рыбы, охота на медведей. Он нашел здесь вторую родину, быстро приспособился к своеобразным условиям тамошней жизни и сделался известным всему Петропавловску ловким каюром и проводником любителей охоты. Принять участие в экспедиции Труханова его соблазнила высокая плата, выданная ему за год вперед и позволявшая построить хороший дом и обзавестись скотом и орудиями промысла.

Через час после поднятия якоря «Полярная Звезда» входила уже в ворота Аячинской бухты, которые тянутся на пять с лишком километров. Справа у входа, против отвесных скал мыса Бабушкина, из моря чернел глыбой огромный Бабушкин камень, около ста метров высотой, с плоской вершиной, весьма удобной для гнездования морских птиц.

Сотни чаек, бакланов и других пернатых, встревоженных шумом машины, летали вокруг этого утеса, оглашая воздух резкими криками.

Обогнув мыс Дальний с маяком, круто повернула «Полярная Звезда» на северо-восток и направилась вдоль восточного берега Камчатки, постепенно отдаляясь от него.

Два дня наблюдать было нечего. Кроме того дул холодный норд-вест, наносивший то дождь, то крупу или снег. Море было неспокойно, и теплые каюты казались заманчивее мокрой палубы.

Наконец ветер стих, но зато появились плавающие льды

и туманы. Два дня шли тихим ходом, чтобы не наткнуться на ледяное поле. При прояснившейся погоде справа показался берег скалистого острова св. Лаврентия, а слева — мыс Чукотский. Западнее последнего, на берегу глубокой бухты Провидения находилась фактория американской фирмы, торговавшей с чукчами; там же для экспедиции был сложен уголь, завезенный заранее зафрахтованным японским судном. «Полярная Звезда» отдала якорь, и началась погрузка угля.

После недельного плавания все поспешили на берег. Но береговые скалы не давали простора для экскурсии, а снег еще покрывал склоны, и только небольшая площадь вокруг фактории была свободна от него.

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Через два дня, погрузив уголь, «Полярная Звезда» обогнула Чукотский мыс и вошла в Берингов пролив, придерживаясь ближе к материку Азии, где низкие горы круто падали к морскому берегу или полого спускались к широким долинам, уходившим в глубь этой печальной страны. Несмотря на конец мая, повсюду еще виднелись большие поля снега. Только крутые южные и юго-западные откосы гор были совершенно свободны от него и уже зеленели молодой травкой или свежими листочками на низких, стелоющихся кустах полярной ивы и березы.

По зеленым волнам пролива часто клубился туман, скрывая даль. Небо постоянно заволакивалось низкими свинцовыми тучами, осыпавшими палубу судна то дождем, то снегом. Из-за туч иногда выглядывало солнце, дававшее много света, но мало тепла. И под солнечными лучами негостепримные берега крайнего северо-востока Азии теряли свой безотрадный характер.

Когда туман расходился или рассеивался порывами ветра, покрывавшего зеленые волны белыми барашками, на востоке можно было различить чуть синевший ровный берег Америки. Плавающие льды попадались все чаще и чаще, но не сплошными массами, а небольшими полями или же в виде красивых айсбергов, прихотливые очертания которых приводили в восторг людей, не бывавших в северных морях.

Люди, не знающие полярных стран, не имеют представления о том, какая грозная опасность таится в этих айсberгах.

Приближение более значительного ледяного поля обычно предвещалось появлением полосы тумана, так что капитан судна всегда имел возможность подготовиться к встрече и уклониться в ту или другую сторону, чтобы не столкнуться со льдинами.

Оказаться очень близко от айсберга было опасно для судна, так как эти ледяные горы, уносимые на юг течением, постепенно подтаивают в своей подводной части, омываемой водой, температура которой выше нуля. В конце концов их надводная часть оказывается уже в положении неустойчивого равновесия, и гора от пустяшной причины — порыва ветра, выстрела, даже громкого крика — внезапно опрокидывается и может потопить судно, рискнувшее подойти к ней слишком близко.

Берега казались безжизненными: не видно было ни дымка, ни фигуры человека или животного. Поэтому велико было изумление наших путешественников, собравшихся на палубе, когда из небольшой бухты, внезапно открывшейся за скалистым мысом, быстро выплыла лодка с одним гребцом, который усиленно работал веслами, идя наперерез курсу «Полярной Звезды». Но когда он заметил, что корабль его обгоняет, то начал кричать и махать платком.

Нордстрем дал сигнал замедлить ход и прокричал в рупор, чтобы лодка плыла к судну. Когда она приблизилась, оказалось, что это чукотский каяк. Капитан, предполагая, что какой-нибудь чукча остановил судно, чтобы выпросить себе спирта или табаку, хотел уже крикнуть «полный ход вперед». Но в это время гребец, бывший уже совсем близко, закричал по-английски:

— Ради бога, возьмите меня на борт.

Посоветовавшись с начальником экспедиции, капитан решил оказать незнакомцу помощь.

Машину застопорили, и каяк подплыл к борту; спустили трап. Незнакомец быстро взобрался на палубу, снял свою ме-

ховую шапку с наушниками и, обращаясь к членам экспедиции, радостно произнес по-английски:

— Благодарю вас, джентльмены, теперь я спасен!

Это был рослый, широкоплечий человек, с загорелым лицом, голубыми глазами и есклокоченной светлой бородой. Ве-

тер трепал его рыжеватые волосы, вероятно давно уже не стриженные. Он был одет по-чукотски и в левой руке держал небольшой, но повидимому очень тяжелый кожаный мешок.

Труханов подошел к нему, протягивая руку, и сказал:

— Вы очевидно европеец?

— Совершенно верно, мое имя Джакоб Мак-Шиф. Я золотоискатель, — открыл на Чукотском берегу золотой прииск.

Но шхуна, которая должна была доставить мне разные припасы на целый год из Америки, не пришла и я узнал от чукчей, что она потерпела крушение. Запасы пищи у меня кончились и поневоле пришлось бросить прииск. Я плыву уже второй день на юг в надежде встретить судно. Дайте мне пожалуйста поесть, я уже два дня пытаюсь только морскими ракушками.

Собравшиеся на палубе внезапно заметили лодку с гребцом

Мак-Шиф говорил по-английски совершенно свободно, но с легким акцентом. Его фамилия, как будто, указывала на шотландское происхождение.

В это время Громеко, наклонившийся над трапом, воскликнул по-русски:

— Каяк сносит течением, его не мешало бы поднять паверх!

При звуках русской речи лицо незнакомца просияло. Он

оглянул быстро всех членов экспедиции, поставил свой мешок на палубу и начал поочередно пожимать всем руки, говоря второпях по-русски:

— Я вижу, что вы мои соотечественники! Я ведь русский, Яков Макшеев из Екатеринбурга. Это меня в Америке в Джакоба Мак-Шифа перекрестили! Вот счастье-то — и судно встретил, и к русским попал!

Труханов, сопутствующий остальными путешественниками, повел нового пассажира в кают-компанию, где ему предложили холодную закуску и чай. Уплетая за обе щеки, Макшеев рассказал историю своих приключений: за пятнадцать лет он побывал в Аляске в Калифорнии и на Командорских островах,

В это время гребец, бывший уже совсем близко, закричал по-английски

дорских островах, служил на китобойном судне и лакеем в гостинице, кончил курс горного отделения в университете, работал на золотых приисках Клондайка и Номэ в Аляске и наконец высадился на Чукотский берег, где ему удалось найти богатую золотоносную россыпь и намыть за лето много золота.

Когда Макшеев кончил свой рассказ, Труханов объяснил ему, что «Полярная Звезда» не торговое судно и что, торопясь на север, они не могут везти его в какой-нибудь порт на Аляске, откуда есть удобное сообщение со Штатами.

— Мы можем только передать вас на встречное американское китобойное судно, — закончил он.

— Но если ваше судно не торговое, то чем же оно занимается, куда держит курс?

— Оно везет русскую полярную экспедицию, членов которой вы видите перед собой, и направляется в море Бофора.

— Ну что же, придется мне видно до поры до времени поплавать с вами, если вы не захотите высадить меня в качестве Робинзона на необитаемый остров! — засмеялся Макшеев. — Но я рассказал вам, что у меня ничего нет, кроме того, что на мне: ни белья, ни приличной одежды, ничего, кроме презренного металла, который даст мне возможность расплатиться с вами.

— Об этом не может быть и разговора, — прервал его Труханов. — Мы помогли соотечественнику выпутаться из беды и очень рады этому. Белья и одежды у нас достаточно, вы почти одного роста со мной и такого же телосложения.

Макшееву отвели свободную каюту, где он мог умыться, переодеться и сложить свое золото. Вечером он присутствовал в каютах-компаний уже в преображенном виде и развлекал путешественников рассказами о своих приключениях в Калифорнии и Аляске. Новый пассажир произвел на всех самое приятное впечатление, и, когда он удалился спать, Труханов обратился к членам экспедиции с вопросом.

— Не пригласить ли нам его в свою среду? Это повидимому энергичный, крепкий и бывалый человек с приятным общительным характером, который будет полезен во всяком случае и при всяких обстоятельствах.

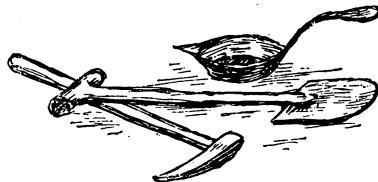
— Да, и вполне культурный, несмотря на свою тяжелую жизнь в диких местах и среди авантюристов, — заметил Каштанов.

— Знает эскимосский язык, что может пригодиться на предполагаемой земле, которая если населена, то эскимосами, — прибавил Громеко.

— Пожалуй и в самом деле я предложу ему участвовать в экспедиции с вашего общего согласия, — закончил беседу Труханов, — или лучше подожду несколько дней, все равно ему деваться некуда, и мы познакомимся с ним поближе.

На следующее утро, по просьбе Макшеева, «Полярная Звезда» свернула с своего курса в устье большой губы св. Лаврентия, на северном берегу которой находился прииск золотоискателя. Он хотел захватить оттуда свое скромное имущество и предложил Труханову разобрать и увезти небольшой домик, который мог пригодиться для зимовки экспедиции на разыскиваемой земле. Этот домик с кладовой при нем

был вывезен из Америки и состоял из тщательно пригнанных друг к другу частей, так что в несколько часов мог быть разобран и погружен на судно. «Полярная Звезда» причалила к берегу, и вся команда вместе с пассажирами взялась за работу. К полудню домик был уже погружен на палубу и судно продолжало свой путь на север.

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗЕМЛИ

Поздно вечером, когда незаходящее уже солнце катилось красным шаром на северном горизонте, «Полярная Звезда» вышла из Берингова пролива в Ледовитый океан. Вдали, на западе, виднелся северо-восточный конец Азии — мыс Дежнева, на крутых откосах которого алели освещенные солнцем многочисленные снежные поля. Путешественники посыпали последний привет нынешнему, безлюдному берегу, все-таки составлявшему часть родной земли.

На востоке можно было различить в легком тумане оставшийся уже позади мыс принца Уэльского. Впереди море было почти свободно от льдов. За последнее время господствовали южные ветры, которые совместно с теплым течением вдоль американского берега пролива угнали большую часть льда на север, — это было очень благоприятное обстоятельство для дальнейшего плавания.

Когда на следующее утро наши путешественники вышли на палубу, на западе уже не видно было земли. На востоке земля оставалась в виду, — это были берега Аляски со скалистыми мысами Лисберн и Надежды, ограничивавшими с севера залив Коцебу.

Ветер был попутный, и, распустив паруса, «Полярная Звезда» неслась по волнам, словно огромная чайка. По временам попадались ледяные поля и небольшие айсберги, которые, слегка покачиваясь, медленно плыли, подгоняемые ветром, на северо-восток. Постепенно и берега Аляски начали скрываться на горизонте.

На следующее утро земли не было видно, и «Полярная Звезда» плыла с уменьшенней скоростью по морю, казавше-

муся безбрежным, несмотря на льды, которые белели со всех сторон. Впереди на горизонте стоял густой туман. Ветер ослабел, по временам шел крупный снег, и тогда горизонт быстро суживался, а судно замедляло ход; температура воздуха была только $+0,5^{\circ}$.

Около полудня проглянуло солнце и позволило определить широту, которая оказалась $70^{\circ}3'$. Таким образом «Полярная Звезда» благодаря попутному ветру и почти свободному морю за тридцать шесть часов успела пройти третью расстояния между выходом из Берингова пролива и берегом искомой земли.

Следующие два дня эти благоприятные условия продолжались, и путешественники оказались уже под широтой $73^{\circ}39'$. Но к вечеру четвертого дня плавания по морю Босфора льды быстро сгустились, и судну приходилось уже лавировать тихим ходом в узких промежутках между ледяными полями.

На всем этом пути не встретили никаких судов; очевидно время года было слишком раннее для китобоев. Когда это выяснилось, Труханов заявил Макшееву:

— Как видите, Яков Григорьевич, мы китобоев не встретили и вам волей-неволей придется остаться на «Полярной Звезде» в качестве моего гостя. Или вы можете быть предпочтете принять участие в санной экспедиции, если мы найдем искомую землю?

— Как ни приятно ваше общество, — возразил Макшеев, — но сидеть полгода или год без дела на судне среди льдов мне будет тяжело. А в экспедиции я приму участие с большим удовольствием и, думаю, не без пользы для нее. Я опытен в ходьбе на лыжах, в езде на собаках и беру на себя вместе с Иголкиным заботу о них. Могу также готовить пищу для всей компании, вести съемку, помогать профессору Каштанову в геологических наблюдениях. Как горный инженер, я кое-что смыслю в геологии.

— В таком случае я считаю вопрос решенным и очень рад, что состав экспедиции увеличивается одним энергичным и опытным человеком, — сказал Труханов.

Условия участия Макшеева установили очень быстро, а вечером он показал Каштанову коллекцию горных пород Аляски и Чукотской земли, захваченную им с приска.

Профессор просмотрел ее с большим интересом и убедился в серьезной подготовке американского инженера, который мог сделаться хорошим помощником в работе.

Ночью пришлось простоять несколько часов на месте. При полном штиле туман сгустился до того, что в де-

сяти шагах ничего не было видно, все словно потонуло в жидкоком молоке. «Полярная Звезда» остановилась у большого ледяного поля и все, кроме вахтенных, спокойно спали.

Утром туман начал слегка расплазаться и клубиться под дуновением северного ветерка. Приготовились к продолжению плавания. Ветер скоро засвежел, туман постепенно исчезал, уносимый на юг, ледяные поля зашуршили и тоже пришли в движение.

К вечеру льды сгостились и судну приходилось лавировать в промежутках между ледяными полями

Впереди открылся довольно свободный проход, и «Полярная Звезда» под парусами опять поплыла на северо-северо-восток, но медленно, во избежание столкновения со льдами и чтобы иметь возможность быстрой остановки или поворота в ту или другую сторону.

Весь вечер и до полуночи шли вперед то медленно, то довольно быстро. Но затем солнце, светившее с полудня, хотя и с перерывами, скрылось в пелене тумана на северном горизонте, вскоре надвинувшегося на «Полярную Звезду». Эта ночь была менее спокойна, чем предыдущая: дул легкий северный ветер, ледяные поля двигались, напирали друг на друга, трещали и ломались. Клубившийся туман не позволял различать путь, приходилось большей частью стоять на месте и быть все время пасгороже, чтобы не оказаться зажатыми между большими льдинами.

Утром северный ветер усилился, туман разогнал, но зато льды пришли в сильное движение, и день прошел в большом напряжении. Нордстрему потребовалась вся его опытность, чтобы пробиваться медленно вперед, лавируя между полями, отступая, поворачивая то направо, то налево. Матросы с длинными баграми стояли у обоих бортов, чтобы отталкивать

судно от напирающих на него льдин. К счастью, окраины ледяных полей были уже сильно поломаны, айсберги отсутствовали и только иногда гряды мелкого льда, нагроможденные местами на полях, представляли более серьезную опасность.

Ночью в борьбе со льдами пришлось принять участие всем пассажирам, чтобы дать матросам возможность поочередно отдыхать. Тумана не было, дул довольно свежий норд, и судно продвигалось вперед. Утром заметили стаю каких-то птиц, пролетевших на север, и двух медведей, гулявших по большому полю в километре от судна. Это были признаки близости земли.

Определение широты около полудня дало $75^{\circ}12'5''$. Следовательно, несмотря на льды, «Полярная Звезда» за трое суток успела продвинуться на север на $1^{\circ}33'$.

Когда Нордстрем проложил на карте курс судна, Труханов сказал собравшимся вокруг стола членам экспедиции:

— До сих пор нам везет чрезвычайно! В 1879 году «Жаннетта», вышедшая подобно «Полярной Звезде» из Берингова пролива, все лето билась во льдах, не проникнув даже до 73° северной широты, и в начале сентября была окончательно затерта немного севернее и восточнее острова Брангеля. А мы в четверо с половиной суток без особых затруднений успели пробиться за 75° .

— Теперь до земли можно добраться и пешком, если льды окончательно преградят нам плаванье, — сказал Нордстрем. — Я полагаю, что осталось не более восьмидесяти или ста километров.

ЗЕМЛЯ ФРИТИОФА НАНСЕНА

В тот же день поздно вечером северный горизонт против обыкновения очистился от тумана и туч, и когда солнце спустилось почти до горизонта, на алтом фоне неба можно было различить отдаленную мелкозубчатую цепь.

— Это несомненно земля! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу. — Ледяные поля не имеют таких очертаний и кроме того на белом фоне видны многочисленные темные пятна!

— И она ближе, чем мы думали! Мне кажется, что до нее не более пятидесяти-шестидесяти километров, — заметил Мажшеев.

— Итак, полярный материк существует, соображения Гарриса подтверждаются, и наша экспедиция снаряжена не даром! — с удовлетворением сказал Труханов.

Все были возбуждены видом земли и долго не ложились спать. Отсутствие тумана дало возможность видеть редкое зрелище: полуночное солнце, прокатившись огненным шаром над гребнем отдаленной горной цепи, снова начало постепенно подниматься выше.

«Полярная Звезда» всю ночь и все утро подвигалась вперед, пробираясь попрежнему через более или менее густые льды. В полдень определение широты указало, что за сутки судно опять подвинулось на север почти на полградуса.

Под вечер солнце, светившее с утра почти без перерыва, что представляло большую редкость в этих широтах, скрылось за тучами. Вскоре все небо заволокло и разыгралась метель, словно глубокой зимой. Мелкий снег слепил глаза, все скрывалось в белесоватой мгле. Сильного волнения на этом море, густо покрытом льдами, ветер не мог развести, но ледяные поля пришли в движение, сталкивались друг с другом и на их краях вздымались торосы из нагроможденных друг на друга льдин, достигавшие четырех или даже шести метров высоты. Положение судна было опасное. Пришлось, оставаясь под парами, стоять почти на месте, отбиваясь от льдов, то подвигаясь немного вперед, то отступая назад. Все были наготове, и только благодаря специальной конструкции корпуса судно выдерживало страшный напор льдов.

Наконец «Полярной Звезде» удалось забраться в большую выемку на восточной стороне огромного ледяного поля, защищенную от непосредственного давления, где судно и провело спокойно остаток ночи.

К полудню метель утихла, солнце проглянуло и позволило определить широту. К всеобщему неприятному изумле-

нию оказалось, что норд угнал судно вместе со льдами на юг. Но этот же ветер вместе с тем сильно разбил и разъединил ледяные поля, так что за следующие два дня, при пасмурной и тихой погоде, «Полярная Звезда» довольно легко пробивала себе дорогу и несомненно значительно подвинулась на север.

Земля должна была находиться близко, судя по тому, что лот, который до сих пор в море Босфора показывал неизменно глубины в 500—700 морских сажен, теперь встретил дно уже на 80 саженях. Очевидно тут начиналась уже континентальная подводная платформа полярного материка. Но вследствие пасмурной погоды, низко ставшихся туч и моросившего дождя эту близкую землю совершенно не было видно.

К вечеру того же дня, 2 июня, лот показал только 20 сажен глубины, и впереди белели сплошные льды. Судно двигалось тихим ходом, чтобы не паткнуться на мель, которая была очень возможна вблизи земли. Ночью пришлось постоять несколько часов, потому что густой туман совершенно скрыл окрестности.

Утром поднялся восточный ветер, туман рассеялся и оказалось, что «Полярная Звезда» находится недалеко от края ледяной стены метров двадцать вышею, которая тянулась на восток и на запад до самого горизонта.

— Это вероятно барьер из материкового льда, опоясывающий полярную землю совершенно так же, как и вокруг южного полюса! — заметил Труханов, стоявший на палубе членам экспедиции.

Так как место было неудобное для высадки санной партии, то судно взяло курс на восток в надежде встретить бухту или разрыв в барьеере, который позволил бы взобраться на поверхность льда. Лот показал шестнадцать метров глубины, и можно было думать, что ледяная стена лежит своим основанием на дне моря.

Итти очень близко вдоль стены было не безопасно, так как нередко от отвесной или даже нависшей массы льда, рассеченной многочисленными трещинами, отрывались более или менее крупные глыбы и падали с глухим шумом в воду. По некоторым трещинам, расширенным в глубокие, но узкие ущелья-каньоны, низвергались каскадами ручейки. По временам появлялись айсберги, отделившиеся от стены и севшие на мель или плывшие по ветру на запад.

Плавание шло медленно. Приходилось обходить мели и ледяные поля, так что за сутки подвинулись только километров на сорок. Но в этот день к вечеру впереди показался длинный выступ, как будто стена выдвигалась к югу, меняя

свое направление. Когда же «Полярная Звезда» подошла ближе, оказалось, что этот выступ представлял не лед, а скалистый мыс са^жой земли.

Среди камней пирамиды был положен
запаянный цинковый ящик

За ужином в кают-компании обсуждался вопрос, как окрестить новооткрытую землю, и было решено назвать ее Землей Фритиофа Нансена в честь великого исследователя полярных морей и стран. Мыс, несмотря на протесты Труханова, назвали его именем, как организатора экспедиции.

Перед самым мысом ледяная стена отступала немного на север, благодаря чему получалась бухта достаточно глубокая, чтобы можно было произвести высадку санной партии.

Всю ночь на судне кипела работа. Нужно было спешить, пользуясь благоприятной погодой. Южный ветер мог надвинуть ледяные поля к берегу и забить ими бухту. Все принимали участие в выгрузке багажа. К началу мыса ледяная

При прощании Труханов передал Каштанову запечатанный пакет

стена понижалась и распадалась на отдельные части, в промежутках между которыми не трудно было проложить дорогу на поверхность льда. Пока члены экспедиции сортировали выгруженное на берег имущество и прилаживали его на нарты, матросы поднялись на гребень мыса Труханова и соорудили там высокую пирамиду из камней вокруг шеста, на котором при троекратном салюте пушик «Полярной Звезды» был поднят русский флаг.

Пирамида должна была также служить сигналом как для судна, которому предстояло крейсировать вдоль берега земли, занимаясь его съемкой и изучением, так и для санной экспедиции, которая направлялась в глубь страны, но должна была вернуться к тому же мысу, чтобы опять попасть на судно. Среди камней пирамиды был положен запаянный цинковый ящик с заявлением, что земля открыта 4/17 июня 1914 года экспедицией Труханова на судне «Полярная Звезда» под командой капитана Нордстрема и названа Землей Фритиофа Нансена. Это заявление было подписано всеми членами экспедиции и снабжено судовой печатью.

Вечером на другой день все члены экспедиции в последний раз собрались в кают-компании «Полярной Звезды» на

прощальный ужин, во время которого были окончательно решены вопросы о дальнейшем плавании судна и мерах для оказания помощи санной экспедиции в случае, если она не вернется в известный срок.

«Полярная Звезда» должна была устроить возле пирамиды склад, оставив в нем запас провианта, топлива и одежды на несколько месяцев, чтобы экспедиция, не застав почему-либо судно в этом месте, могла устроиться на зимовку.

Санная экспедиция должна была идти прямым путем на север в течение шести или восьми недель и затем возвращаться на юг по возможности другим путем, но стараясь выйти опять к мысу Труханова. Чтобы облегчить свой груз и обеспечить себе возвращение, она должна была оставлять, приблизительно через каждые пятьдесят километров, склады провианта на три дня и сведения о направлении своего пути на случай поисков по ее следам.

На следующее утро «Полярная Звезда», разукрасившаяся флагами, провожала салютом из обеих пушек отъезжавшую санную экспедицию.

При прощании Труханов передал Каштанову запечатанный пакет и сказал:

— Если вы очутитесь во время путешествия по Земле Нансена в безвыходном положении или будете в недоумении и не в состоянии объяснить себе то, что вы увидите вокруг себя, не будете знать, что предпринять дальше, то вскройте этот пакет! Может быть его содержимое поможет вам принять соответствующее решение. Но без крайности — прошу вас — не вскрывайте пакета. Если все пойдет более или менее гладко, нормально, то в моих указаниях никакой надобности не будет, и они могут показаться даже совершенно необоснованными.

После дружеских рукопожатий на поверхности ледяного барьера, куда экспедицию провожал почти весь экипаж, три тяжело нагруженные парты, запряженные каждая восемью собаками, и шесть человек двинулись на север. Шесть запасных собак бежали рядом.

ЧЕРЕЗ ХРЕБЕТ РУССКИЙ

Путь экспедиции в глубь Земли Нансена продолжался в течение двух дней по снежной равнине, которая слабо поднималась к северу и не представляла препятствий для быстрого передвижения; трещины во льду встречались редко и большей частью были забиты снегом. Погода стояла пасмурная, и с юга, с попутным ветром ползли густые тучи, сыпавшие по временам снегом и скрывавшие даль. Люди и собаки постепенно втягивались в работу. Впереди всех шел Боровой, пробуя своей палкой снег, чтобы своевременно обнаружить трещины, и наблюдая компас, чтобы держаться нужного направления. Макшеев, Папочкин и Иголкин шли каждый возле своей нарты, руководя ходом собак. Громеко бежал немного в стороне, но близко, чтобы помочь той нарте, которая застревала, а Каштанов замыкал шествие также с компасом в руках, производя маршрутную съемку. На хвосте последней нарты был прикреплен одометр — легкое колесо, соединенное со счетчиком, отмечавшим проходимое расстояние, почему эту нарту нужно было особенно беречь от повреждений.

Все путешественники были одеты в одинаковые полярные костюмы. На каждом была чукотская кухлянка, т. е. меховая рубашка, мехом внутрь, с капором для головы. На случай холода на нартах имелись еще другие кухлянки, которые можно было надеть поверх первых, но уже мехом наружу; теперь ввиду летнего времени, достаточно было одной, да и ту в случае дождя следовало заменять шерстяной вязаной курткой, так как одежда из оленьего меха боится подмочки. Ноги были одеты в меховые же шаровары, также мехом внутрь, и меховые мягкие торбасы — сапоги. В случае особенного тепла можно было заменить всю меховую одежду шерстяной, имевшейся в запасе.

Все шли на лыжах с палками в руках. Равнина была покрыта рядами застругов — выбоин и выщуклостей, созданных зимними пургами и только отчасти смягченных оттепелью. Они больше затрудняли движение, чем трещины, встречавшиеся не очень часто. Макшеев развлекал всех разговорами с собаками своей партии, которых он назвал характерными именами: головная собака, крупная, черная, получила имя «Генерал». Для ночлега расставляли юрту облегченного типа с легким и прочным остовом из бамбука; в ней раскладывали по кругу вдоль стенок спальные мешки, в середине ставили спиртовую печь для варки пищи, к перекладине наверху

Подъем на хребет, названный Русским, продолжался три дня

подвешивали фонарь. Собак привязывали к нартам во-круг юрты. В конце второго дня пути, отшагав пятьдесят пять километров от места высадки, устроили первый склад провианта для обратного пути, отметив его пирамидой из снежных глыб с красным флагом на верхушке.

На третий день подъем по снежной равнине сделался более заметным и писалось больше трещин, которые замедляли движение, — приходилось идти осторожнее, прощупывая снег, чтобы не провалиться через тонкий слой его, скрывающий трещину. Вечером обнаружили признаки близкой перемены характера местности.

На севере тучи расходились, разгоняясь ветром, и между их серыми клочьями и массами то показывались, то исчезали довольно высокие горы, которые тянулись длинной цепью по всему горизонту. На общем белоснежном фоне этих гор чернели скалистые отроги. Незаходящее солнце катилось над самым гребнем хребта, тускло светя сквозь пелену туч и окрашивая их в красноватый цвет. Снеговая равнина на переднем плане покрылась пятнами и полосами, отраженными от неба, синеватого, лиловатого и розового цвета. Общая картина снежной пустыни и таинственного хребта, который впервые предстал перед глазами людей, была поразительна.

Подъем на этот хребет, названный Русским, продолжался три дня вследствие сильных трещин льда: путь шел по одной из поперечных долин между скалистыми отрогами.

Ледяной поток, т. е. глетчер, спускавшийся по долине южного склона хребта, имел до одного километра в ширину и с обеих сторон был окаймлен довольно крутыми темными скалистыми откосами, чередоравшимися с более пологими склонами, глубоко покрытыми снегом. Первые были усыпаны крупными и мелкими обломками базальта¹ и кое-где, в защищенных местах, представляли миниатюрные лужайки с полярной растительностью. Каштанов по дороге осматривал утесы, а Громеко собирал растения. Для Папочкина поживы почти не было; за целый день он набрал только несколько насекомых — полумертвых на снегу или живых на лужайках.

Густые тучи, скрывавшие небо, плыли так низко, что почти задевали за головы путешественников, которые двигались точно по широкому, но очень низкому коридору с белым расщелившимся полом, черными стенами и серым по-

¹ Базальт — очень плотная и тяжелая вулканическая порода черного или темносерого цвета. Изливается из многих современных вулканов в виде жидкой лавы и образует потоки и пекровы.

толком. Везде, где уклон дна долины становился круче, более или менее ровная поверхность льда превращалась в ледопад, разбитый многочисленными трещинами и представлявший часто хаос ледяных глыб, по которым приходилось перетаскивать нарты; люди и собаки выбивались из сил и за день проходили всего километров десять такого пути. Погода оставалась пасмурной. Южный ветер нес низкие тучи, скрывающие гребни отрогов; их черные склоны окаймляли неровную поверхность ледника, по которой пробирались с большими затруднениями нарты экспедиции. В худших местах приходилось разгружать их и переносить багаж на руках. Наконец к вечеру третьего дня выбрались на перевал, который достигал почти полутора тысяч метров над уровнем моря и представлял собой снежную равнину. Погода оставалась пасмурной, гребень хребта был сплошь покрыт серыми тучами, мчавшимися на север, и экспедиция двигалась все время в легком тумане, скрывающем окрестности уже в сотне шагов от зрителя.

Все были очень раздосадованы этим обстоятельством, потому что при хорошей погоде вид с поверхности хребта был бы крайне обширный и позволил бы набросать карту значительной части Земли Нансена.

На перевале устроили второй склад, в котором оставили коллекции, собранные геологом на отрогах южного склона. Добыча зоолога за все время ограничилась шкурой и черепом мускусного быка¹; небольшое стадо этих животных попалось экспедиции перед перевалом.

¹ Мускусный бык — своеобразное, ныне вымирающее животное, соединяющее в себе черты барана и быка. Имеет короткие рога, длинный и густой мех, широкие копыта, позволяющие ему быстро бегать по льду и подмерзшему снегу. В настоящее время встречается только в Гренландии и Северной Америке за 60° сев. широты.

БЕСКОНЕЧНЫЙ СПУСК

Северный склон хребта имел совершенно другой характер; это была бесконечная снежная равнина, полого склонявшаяся к северу, и собаки легко тащили нарты вниз по уклону. Но погода ухудшилась; упорный южный ветер нес густые тучи, которые клубились почти по поверхности снега, совершенно скрывая даль; часто разражалась метель, и только потому, что ветер был попутный, а мороз не превышал $10-15^{\circ}$, путешественники могли продолжать движение без особых затруднений. Трещины попадались довольно часто, но все были узкие, так что переходили их без затруднений. Только ввиду метели пришлось идти очень осторожно, так как свежий снег часто совершенно скрывал эти ловушки. К концу дня вылого бушевала с такой силой, что установка юрты потребовала больших усилий.

На следующее утро юрта оказалась занесенной снегом до крыши, и Боровой, вставший раньше других для метеорологических наблюдений, открыл дверь, уткнулся головой в сугроб. Пришлось прокапывать себе выход. Выбравшись наружу, путешественники увидели, что все нарты и собаки исчезли — вокруг юрты возвышались только большие сугробы. Но не трудно было догадаться, что вещи и животные просто засыпаны снегом, так как о похищении первых и бегстве вторых в этой снежной пустыне нечего было и думать. Всем пришлось заняться раскопками. Услышав голоса людей, собаки начали сами прокапываться из-под сугробов, чтобы скорее получить утреннюю порцию еды. Было интересно видеть, как то тут, то там поверхность снега начинала подниматься бугром, через который наконец прорывалась черная, белая или пятнистая косматая голова, издававшая радостный визг.

На бесконечной равнине свеже выпавший снег лежал нетолстым слоем, не более полуметра, и накопился сугробами только вокруг препятствий — юрты, нарт и собак. Так как снег падал при сильном ветре, то не был довольно плотным, и хотя лыжники не очень погружались в него, но нарты и собаки вязли. Приходилось часто меняться местами, так как передовой нарте, прокладывавшей дорожку для остальных, доставалась самая трудная работа, и собаки, тащившие ее, скоро уставали. Эти перемены в связи с рыхлостью снега не позволяли двигаться скоро. Несмотря на то что ветер ослабел, метель прекратилась, путь шел под гору по ровному склону и трещины были совершенно забиты снегом, — за

день успели пройти только двадцать два километра и остановились в пятидесяти пяти километрах от перевала. Здесь был устроен третий склад.

Ночью метель возобновилась с прежней силой, и утром пришлось опять выкапываться, хотя из менее глубоких сугробов. Теперь уже слой свежего снега на равнине достигал почти метра, и движение сделалось более затруднительным; поэтому, пройдя за день всего пятнадцать километров, все так устали, что остановились на ночлег раньше обычного времени. Местность и погода сохраняли свое удручающее однообразие.

Вечером метель прекратилась, и сквозь тучи, попрежнему ставшиеся почти по поверхности бесконечной снежной равнины, по временам показывалось солнце, низко повисшее над горизонтом. Картина, которая представлялась глазам наблюдателей, была совершенно фантастическая: белоснежная равнина, клубы и клочья быстро ползущих по ее поверхности серых туч, беспрерывно меняющих свои очертания: столбы крутящихся в воздухе мелких снежинок и, то тут, то там, в этой бело-серой мутной и движущейся мгле, ярко-розовые отблески от лучей прорывавшегося солнца, которое то появлялось в виде красного шара, то исчезало за серой завесой. Наши путешественники после ужина долго любовались этой картиной, пока усталость не загнала их в юрту и в спальные мешки.

На третий день спуска барометры показали, что местность находится уже на уровне моря, а уклон равнины на север все еще продолжался.

Когда Боровой, записав показания барометра, сообщил об этом своим спутникам, Макшеев воскликнул:

— Что же это! мы уже съехали с хребта Русского, не встретив ни одного ледолада, ни одной широкой трещины!

— Более удивительно, — заметил Каптанов, — что здесь должен быть берег моря, а следовательно конец огромного ледяного поля, которое спускается по северному склону этого хребта и по нашему измерению имеет семьдесят километров в длину. Здесь, подобно тому, что мы знаем об окраине антарктического материка, должен быть высокий обрыв, ледяная стена в сотню-другую метров высоты, а у ее подножия — открытое море или хотя бы поля торосов, полны и среди них отдельные айсберги. Ледник ведь движется, налирает на морской лед!

— А между тем, — докончил Боровой, — ледяное поле продолжается с тем же уклоном и дальше, насколько видно, и никаких признаков близости моря нет — тот же ветер

с юга, те же низкие тучи, почти ползущие по поверхности земли.

— Завтра все разъяснится, — утешил Громеко, — увидим и море, и обрыв ледяной стены, убедимся, что Земля Нансена кончилась, а вместе с ней кончилась и наша санная экспедиция.

— Как это кончилась? — раздалось несколько голосов.

— По морю нам итти незачем, — пояснил Громеко, — землю открыли, большой хребет пересекли, остается повернуть назад.

— Но сначала нужно попытаться обследовать северный берег этой земли насколько хватит сил и припасов, — сказал Каштанов, — а затем уже итти назад к «Полярной Звезде».

Но следующий день не принес перемены. Снежная равнина продолжалась с тем же характером и уклоном на север; ветер упорно дул в спину путешественникам, словно подгоняя их вперед; низкие тучи клубились и сыпали по временам снегом. Все ждали, что спуск вот-вот кончится, торопились, всматривались вперед, обменивались надеждами на близкий конец. Но все было напрасно, проходил час за часом, километр за километром оставались позади и наконец общая усталость застарила остановиться на ночлег.

Когда юрта была поставлена, все стояли вокруг Борового, устанавливавшего ртутный барометр; всем хотелось видеть его показания, так как на карманных анероидах стрелки уже вышли за конец делений на циферблате и не показывали давление воздуха, как следует.

— По грубому подсчету мы спустились уже на четыреста метров ниже уровня моря, — вскричал метеоролог, — если только на Земле Нансена в настоящее время не находится область необычайного по величине антициклона¹! Барометр показывает восемьсот миллиметров!

— Насколько знаю, — заметил Каштанов, — антициклоны с таким давлением на земле не бывает. Кроме того погода, с тех пор как мы находимся на Земле Нансена, не менялась и совсем не похожа на погоду при антициклоне.

— Но в таком случае, что же это такое? — воскликнул Папочкин.

— Очевидно земля не кончилась и северная ее часть представляет очень глубокую впадину, уходящую ниже уровня моря на сотни метров.

¹ Циклон — область низкого давления воздуха, антициклон — область высокого давления; циклоны, перемещаясь по земной поверхности, сопровождаются более или менее сильными ветрами и выпадением дождя или снега, антициклоны приносят устойчивую хорошую погоду.

— Разве это возможно? — спросил Громеко.

— Почему же нет! На земле известны подобные впадины, например долина Иордана и Мертвого моря в Палестине, впадина Каспийского моря, Люкчунская котловина в Центральной Азии, открытая русскими путешественниками в конце прошлого столетия, наконец дно озера Байкала в Сибири, которое находится ниже морского уровня почти на тысячу метров.

— Впадина Мертвого моря также не маленькая, дно его на четыреста шестьдесят пять метров ниже уровня океана, — прибавил Макшеев.

— Во всяком случае открытие такой глубокой впадины на полярном материке будет крайне интересным и важным результатом нашей экспедиции, — заключил Боровой.

К общему удивлению спуск продолжался и на следующий день по той же равнине и при тех же условиях погоды.

— Мы лезем в какую-то бездонную дыру, — шутил Макшеев. — Это не плоская впадина, а скорее воронка, может быть кратер потухшего вулкана?

— Но только невиданных на земле размеров, — заметил Каштанов. — Мы спускаемся в эту воронку уже четыре дня, и диаметр этого кратера очевидно достигает трехсот километров или больше; вулканы такой величины известны только на луне. К несчастью, на всем спуске мы не встретили ни одного утеса, ни малейшего выхода горной породы, которые разъяснили бы нам происхождение этой впадины. Склоны кратера должны состоять из разных лав и вулканических туфов¹.

— На северном склоне Русского хребта и на его гребне мы видели базальты и базальтовые лавы, — напомнил Папочкин. — Некоторые указания на вулканическую природу этой впадины мы имеем.

— Кратеры потухших вулканов, заполненные доверху снегом и льдом, известны в Аляске, — добавил Макшеев.

Вечером в этот день и ртутный барометр отказался служить: его трубка до верху наполнилась ртутью; иришлось

¹ Лава — расплавленная масса, вытекающая из кратера вулкана или из трещины на земную поверхность и после застывания превращающаяся в горную породу того или другого состава. Туф — горная порода, состоящая из пепла, выброшенного при извержении вулкана, и представляющая мельчайшие частицы лавы, раздробленной газовыми взрывами. Пепел накапливается на склонах и в окрестностях вулкана или падает в водные бассейны, постепенно слеживается, цементируется в твердую массу.

достать гипсотермометр¹ и определить давление воздуха по температуре кипения воды. Оно соответствовало глубине восьмисот сорока метров ниже уровня океана.

Все заметили, что вечером стало немного темнее. Лучи полunoчного солнца очевидно не проникали непосредственно в эту глубокую впадину. Недоумение путешественников увеличилось еще в связи с тем обстоятельством, что компас в этот день также отказался служить; его стрелка вертелась, дрожала и не могла успокоиться и показать положение севера. Приходилось руководствоваться направлением ветра и общим уклоном равнины, чтобы ехать попрежнему на север. Беспокойство компаса Каштанов также приписал вулканической природе впадины, так как известно, что большие массы базальта оказывают влияние на магнитную стрелку.

Но на следующий день путешественники встретили в нескольких километрах от ночлега неожиданное препятствие: снежная равнина уперлась в цепь ледяных скал, тянущуюся в обе стороны поперец пути насколько было видно. Скалы местами поднимались ствесно на десять-пятнадцать метров, местами же представляли хаос крупных и мелких глыб льда, нагроможденных друг на друга. Взбираться на эти груды и без груженных нарт было трудно. Пришлось остановиться для разведки. Макшеев и Боровой вскарабкались на самую высокую груду и убедились, что и впереди, насколько хватает взор, тянутся такие же груды и скалы.

— Это не похоже на пояс торосов морского льда. — заявил Макшеев, вернувшись к нартам. — Тороса не тянутся на несколько километров в ширину без перерыва.

— Очевидно мы достигли дна впадины, — сказал Каштанов, — и этот хаос обусловлен напором огромного ледника северного склона хребта Русского, по которому мы спускались.

— Следовательно все дно впадины занято хаосом льдин, — заметил Боровой. — Остальные склоны ее также должны быть покрыты ледниками, спускающимися на дно.

— А благодаря колоссальной величине впадины она до сих пор не успела заполниться льдом, как заполнены кратеры вулканов Аляски, — добавил Макшеев.

— Но нам необходимо так или иначе перебраться через это дно, чтобы продолжать путешествие на север и выяснить

¹ Гипсотермометр — прибор, состоящий из сосуда для кипячения воды. К крышки сосуда приделана длинная трубка, в которую вставляется термометр для определения точки кипения в водяных парах.

размеры впадины и характер противоположного склона, — заявил Каштанов.

— Всего легче итти вдоль подножия хаоса, чтобы обогнуть его по дну впадины до противоположного склона, — предложил Громеко.

— Но если эта впадина не кратер вулкана, а долина между двумя хребтами? — заметил Папочкин. — В таком случае она может тянуться на сотни-другую километров и мы не успеем закончить пересечение Земли Нансена.

— И куда итти вдоль подножия хаоса, направо или налево, чтобы обогнуть его? — спросил Боровой.

— Пойдем налево; может быть мы встретим такое место, где хаос позволит перейти раньше на ту сторону без особого труда.

Приняв это решение, путешественники направились налево, т. е. на запад, судя по ветру, так как компас попрежнему не мог успокоиться и показать север. Слева от них поднималась снежная равнина с едва заметным уклоном, справа громоздились ледяные груды и скалы; низкие тучи попрежнему закрывали небо и даже задевали за вершины более высоких льдин. Около полудня заметили место, где хаос льдин казался проходимым; груды были ниже, кое-где виднелись промежутки. Здесь остановились для устройства четвертого склада, а Боровой и Макшеев налегке направились в глубь ледяного пояса для разведки. К вечеру они вернулись и сообщили, что пояс имеет около десяти километров в ширину, что он проходим, хотя и не без затруднений, и что за ним начинается ровный подъем на противоположный склон впадины.

Преодоление пояса потребовало два дня серьезной работы; часто приходилось прорубать тропу через нагроможденные льдины, чтобы протаскивать нарты одну за другой соединенными усилиями людей и собак. Ночевали, не расставляя юрты, приотивившись для защиты от ветра за огромной льдиной, стоявшей отвесно; собаки попрятались в щелях и ямах между глыбами. Но после тяжелой работы все спали крепко, несмотря на стоны и завывания ветра, гудевшего в хаосе на разные лады.

На следующий день выбрались на другую сторону препятствия. На ночлеге Боровой зажег спиртовку гипсотермометра в полной уверенности, что он покажет ту же высоту, как и перед ледяным поясом, т. е. около девятисот метров ниже уровня моря. Но когда он вставил термометр в трубку китильника, ртуть поднялась до 105° , затем 110° , и все еще шла вверх.

— Стой, стой! — вскричал Боровой. — Куда ты прешь, хочешь разбить стекло!

— Что такое? В чем дело? — раздались возгласы.

Все вскочили и столпились вокруг прибора, стоявшего на одном из дорожных ящиков.

— Это нечто невиданное, неслыханное! — воскликнул Боровой, прерывающимся от волнения голосом. — Вода кипит в этой проклятой дыре при температуре $+120^{\circ}$.

— А это значит?

— Это значит, что по ледяному поясу мы спустились в какую-то бездну. Я сейчас даже не соображаю, сколько тысяч метров ниже уровня моря соответствуют этой температуре кипения. Подождите, нужно справиться в таблицах.

Он опустился на свой спальный мешок, вытащил из кармана справочник по определению высот, порылся в таблицах и на полях стал вычислять что-то. В это время спутники один за другим подходили к прибору, чтобы убедиться, что термометр действительно показывает $+120^{\circ}$. Светлый столбик остановился у этого деления и сомнений быть не могло. Царившее молчание среди пораженных изумлением людей нарушилось легким клокотанием кипевшей в приборе воды.

Но вот раздался глубокий вздох Борового и затем следующие слова, произнесенные торжественным тоном:

— По грубому вычислению этой температуре кипения при $+120^{\circ}$ соответствует отрицательная высота в пять тысяч семьсот двадцать метров.

— Не может быть! Вы ошиблись! — раздались возгласы.

— Проверьте сами! Вот вам таблицы. В них конечно нет данных для этой температуры кипения, которую никто никогда не наблюдал вне лаборатории. Приходится вычислять приблизительно.

Каштанов проверил вычисление и сказал:

— Совершенно верно. За эти два дня, карабкаясь через льдины, мы спустились на четыре тысячи девятьсот метров на протяжении каких-нибудь десяти-двенацати километров.

— И не заметили такого спуска!

— Лезли вниз с высоты Монблана и ничего не знали! Это что-то невероятное!

— И непонятное! Приходится думать, что ледяной хаос — это ледопад на крутом обрыве, ведущем из кратера в жерло этого колоссального вулкана.

— Из которого нам придется теперь вылезать по такому же ледопаду на другую сторону!

— А мне непонятна и эта густая пелена туч, и этот ве-

тер, который упорно дует с юга уже столько дней без перерыва, — заявил Боровой.

Но предположение о втором ледяном поясе не оправдалось. На следующий день путь шел по снежной равнине с пологим подъемом; вследствие этого и благодаря теплой погоде движение стало труднее. Термометр показывал немного выше нуля, снег размокал и прилипал к подъязыкам нарт, собаки ташили все время шагом. К вечеру с трудом сделали двадцать пять километров. В подъеме местности нельзя было сомневаться, и, устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет меньшую глубину, чем накануне.

Но вода не закипала долго; наконец пошел пар, и Боровой вставил термометр. Немного спустя раздался его крик:

— Это чорт знает что такое! Это... это... — он разразился проклятиями.

— Что такое? В чем дело? Термометр лопнул? — раздались возгласы.

— Я сам лопну или сойду с ума в этой дыре! — неистовствовал метеоролог. — Посмотрите сами, кто рехнулся — я или термометр?

Все вскочили и подошли к гипсотермометру. Ртуть показывала $+125^{\circ}$.

— Мы сегодня поднимались, а не спускались? — дрожащим голосом спросил Боровой.

— Конечно поднимались! Целый день поднимались! Спору быть не может!

— А вода кипит на 5° выше, чем вчера у ледяного барьера! И это значит, что мы сегодня не поднимались, а спустились на тысячу четыреста тридцать метров приблизительно.

— И находимся, следовательно, на семь тысяч сто пятьдесят метров ниже уровня океана, — быстро подсчитал Мажеев.

— Но это же ни с чем не сообразно! — засмеялся Папочкин.

— Поверить в крутой спуск по льдам еще можно было, — прибавил Каштанов. — Но поверить, что мы опустились почти на полтора километра, когда путь явственно шел вверх по уклону, это противоречит здравому смыслу.

— Если только у нас не повальное помешательство, то я с вами согласен, — угрюмо ответил Боровой.

В это время Громеко и Иголкин, выходившие из юрты покормить собак, вернувшись и первый сказал:

— Еще один странный факт! Сегодня заметно светлее, чем вчера у льдов.

— А вчера было светлее, чем по ту сторону барьера, — прибавил Макшеев.

— Совершенно верно, — подтвердил метеоролог. — Самая темная ночь, вроде彼得бургской белой ночи, была перед ледяным барьером. Мы полагали, что находимся на дне впадины, и ослабление света было понятно: лучи низкого полярного солнца не могут проникать так глубоко.

— Но теперь мы спустились несравненно глубже, а ночь гораздо светлее!

— Долго еще обсуждали все эти противоречивые факты, но, ничего не выяснив, уснули. Утром Боровой первый вылез из юрты, чтобы сделать свои наблюдения.

Ветер дул попрежнему с юга и нес все такие же низкие серые тучи, скрывающие местность на расстоянии сотни-другой метров. Термометр показывал -1° и шел снег.

— Сегодня нужно проверить, поднимаемся мы или опускаемся, — предложил Макшеев. — У нас среди инструментов есть легкий нивелир и рейки.

Продолжалась та же снежная равнина, но снег немного подмерз и ити было легче. Уклон был небольшой, но несомненно вверх, и несколько нивелировок, произведенных в течение дня, подтвердили то, что видел глаз и что показывали собаки своим ходом.

За день сделали двадцать три километра, так как нивелировки отняли довольно много времени.

Как только юрта была расставлена, Боровой вынул свои приборы; кипятильник показал $+128^{\circ}$.

Боровой сочно выругался и плюнул.

— Единственное объяснение это то, что в этом провалище не применимы физические законы, установленные для земной поверхности, и нужно вырабатывать новые, — сказал Каштанов.

— Легко сказать вырабатывать, — сердился Боровой. — На лету их не выработаешь! Сотни ученых десятки лет трудились, а тут все идет на смарку, словно на другой планете. Я не могу примириться с этим и готов подать в отставку!

Все рассмеялись при этой выходке метеоролога, который все-таки взялся за вычисление и объявил, что за день поднялись, то бишь — спустились, на восемьсот шестьдесят метров, и место находится на девять тысяч метров ниже уровня моря.

— Я навел справку в руководстве по физике, — заметил Каштанов. — Оказывается, что вода кипит при 120° при давлении в две атмосферы и при 134° при давлении в три атмосферы. Сейчас мы испытываем давление приблизительно в две с половиной атмосферы.

— Понятно, что при таком давлении чувствуешь себя скверно и голова идет кругом, — заявил Боровой угрюмо.

Остальные подтвердили, что уже с ночи, проведенной среди льдов барьера, самочувствие ухудшилось, ощущается давление в груди, тяжесть в голове, вялость движений; сон беспокойный, с кошмарами.

— И собачки тоже чувствуют себя плохо, — заявил Иголкин. — Они словно ослабели и тянут хуже, хотя подъем не крутой. Я думал, они просто пристали, а дело-то прост в чем!

— Интересно погнушать пульс у всех, — предложил Громеко. — У вас нормальный — сколько, Иван Андреевич?

— Семьдесят два, — ответил Боровой, протягивая руку врачу.

— Ну вот, а теперь сорок четыре! Разница чувствительная. Сердце при таком давлении работает медленнее, а это и отражается на самочувствии.

— Что же, если спуск будет продолжаться, то сердце совсем остановится? — спросил Макшеев.

— Ну, не до центра же земли мы будем спускаться! — рассмеялся Громеко.

— Почему нет? — проворчал Боровой. — Эта чудовищная воронка может быть доходит до центра земли. Я теперь всему поверю. И не удивлюсь даже, если мы выйдем из нее среди льдов южного полюса.

— Это уж, извините, ерунда! — заметил Каштанов. — Ни сизвоздной дыры через земной шар, ни воронки до центра быть не может. Это противоречило бы всем данным геофизики и геологии.

— Вот как! А с противоречиями всем законам метеорологии, которые мы уже наблюдаем, вы миритесь? Вот увидите, и законы вашей геологии полетят еще кувырком.

— И потом, — продолжал метеоролог ядовито, — вы знаете каких-нибудь два-три километра в глубь земной коры, а судите о состоянии недр! И сколько голов — столько гипотез о природе этих недр. По мнению одних — ядро земли твердое, по мнению других — жидкое, по мнению третьих — газообразное. Разберитесь тут!

— Разберемся со временем! Каждая гипотеза, если она обоснована, представляет лишний шаг к познанию истины. А насчет недр вы не правы. Теперь именно сейсмология, т. е. изучение землетрясений, дает нам новые способы узнать больше о состоянии земного ядра.

— Интересно, что будет завтра? — закончил он. — Теперь каждый день можно ждать каких-нибудь фактов, на

первый взгляд непонятных, но слагающихся в общую цепь причин и следствий, когда в них разберешься.

На следующий день продолжалась снежная равнина с подъемом вверх, но более слабым; ветер попрежнему дул с юга, низкие тучи клубились и стлались почти по поверхности земли, скрывая даль. К полудню подъем равнины сделался совершенно незаметным, а под вечер он перешел в спуск, — собаки побежали быстрее, так что лыжники едва послевали за ними. Температура держалась немного ниже нуля, и путь был легкий. И вдруг Боровой, шедший как всегда впереди, замахал руками и закричал:

— Стойте, подождите! Я боюсь, что мы сбились с пути!

Все побежали к нему. Он держал в руках компас и упорно смотрел на него.

— В чем дело? — спросил Каштанов.

— Мы идем не на север, а на юг, назад к ледяному поясу. Смотрите, северный конец стрелки показывает не вперед по нашему пути, а назад.

— Когда же вы заметили это?

— Только что. Ведь с тех пор как компас начал чудить, я перестал доверять ему, и вел караван по ветру, который все время дует упорно с юга. Но меня теперь смущил обратный уклон равнины, потому что из воронки мы не могли еще выбраться. Я вынул компас и увидел, что он перестал чудить и показывает направление пути на юг, а не на север.

— Но ветер дует попрежнему нам в спину!

— Он мог перемениться в течение ночи.

— Нет, — заявил Макшеев, — ветер не переменился. Мы все время ставим юрту дверью по ветру, т. е. на север, чтобы не задувало. Сегодня утром, я помню это твердо, юрта стояла еще по ветру.

— Значит он менялся постепенно в течение сегодняшнего дня, мы описали полукруг и пошли обратно.

— Или же компас каким-то образом перемагнитился!

— Хотя бы выглянуло солнце или показались звезды, чтобы проверить, куда мы идем, — жаловался Боровой.

— Во всяком случае следует остановиться на ночлег и проверить с компасом в руках несколько километров нашего пути, который ясно виден по следам на снегу, — заявил Каштанов. — Если мы кружили, — это обнаружится быстро.

Поставили юрту, Макшеев и Громеко побежали по следам назад, Боровой вскипятил гипсотермометр, который показал почти то же, что и накануне. Небольшой подъем первой половины дня очевидно был уравновешен спуском второй по-

ловины. Через два часа следопыты вернулись, они проверили десять километров пути, который шел все время по прямой линии, согласно направлению ветра. Поэтому решили, что последнему можно больше доверять, чем компасу, и что следует идти и дальше по ветру.

И в этот раз темное время ночи так и не наступило; тусклый свет под покровом туч не изменился.

На следующий день уклон местности вниз стал более заметным. Температура поднялась немного выше нуля, снег размокал, и дорога, несмотря на спуск, сделалась труднее. После полудня появились лужицы и небольшие ручейки, которые извивались между неровностями и наконец исчезали в трещинах, забитых снегом. Для ночлега пришлось выбрать возвышенную площадку и окопать юрту канавками, чтобы отвести воду тающего снега.

Устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет еще большее число градусов, чем накануне, так как целый день продолжался спуск на дне загадочной впадины. Но термометр показал 126° , и отрицательная высота местности, несмотря на спуск, не увеличилась, а уменьшилась на пятьсот семьдесят метров. Метеоролог, совершенно растерянный, разразился нервным смехом.

— Новый сюрприз, новое недоразумение! Сегодня утром мы решили не верить компасам, теперь приходится поставить под знак вопроса и гипсотермометр!

Опять все путешественники собрались вокруг шалившего прибора, проверяли его показание, кипятили воду еще и еще раз, но результат получался прежний. Несмотря на ясный спуск, в котором нельзя было сомневаться, потому что ручейки текли в том же направлении, давление воздуха не увеличивалось, а уменьшилось. В предшествующие же дни, наоборот, при подъеме давление не уменьшалось, а увеличивалось. Казалось, что законы физических явлений, выработанные поколениями ученых на основании наблюдений на земной поверхности, здесь, в этой впадине полярного материка, были неприменимы или получили совершенно другой смысл. Необъяснимые явления умножались.

— Но что за снежная пустыня! — заметил Папочкин. — После встречи с мускусными быками на перевале через хребет можно было надеяться, что следующие дни дадут мне и Михаилу Игнатьевичу такую-нибудь научную добычу. Между тем мы идем с тех пор чуть ли не двенадцать дней, прошли более двухсот пятидесяти километров — и абсолютно ничего, кроме снега и льда!

— И даже Петр Иванович, которому до сих пор везло всего больше по части коллекций, не поживился ничем, — прибавил Громеко.

— Один только Иван Андреевич коллекционирует! — смеясь заметил Макшеев.

— Я! Что я собрал за это время? — удивился Боровой.

— Коллекцию непонятных физических явлений, — ответил за Макшеева Каштанов, догадавшийся, на что первый намекает.

— Это очень странная коллекция, но зато легковесная, не то что ваши камни! — смеялся Боровой. — Она наши нарты не задавит!

— Но может оказаться и очень тяжеловесной в смысле итогов экспедиции. Ведь каждому исследователю хочется найти что-нибудь особенное, ранее неизвестное! Вам повезло до сих пор больше, чем нам.

На следующий день спуск продолжался и стал даже еще заметнее. Ледяная равнина начала распадаться на плоские увалы. Во впадинах между ними текли ручьи, снег размок, и ити на лыжах стало тяжело: лыжи скользили, раскатывались в стороны. Поэтому способ передвижения изменили: люди уселись на нарты, по-дроге на каждую; собаки тащили их быстро вниз по уклону; лыжными палками направляли нарты и сдерживали их раскаты на неровностях льда.

В этот день обратили внимание на то, что тучи, клубившиеся попрежнему низко, имеют не серый, а красноватый цвет, словно их озаряет заходящее, но невидимое солнце.

Красноватые тучи клубились попрежнему низко, ледяная пустыня уходила во все стороны до недалекого горизонта и также казалась красноватой. Это странное освещение на дне глубокой впадины, куда не могло заглянуть низкое полярное солнце, также принадлежало к коллекции необъяснимых явлений, которую собирал Боровой.

В этот день остановились на гребне увала вблизи большого бурного ручья с чистой водой, избавившей от необходимости растапливать снег для супа и чая.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЛНЦА

После ужина метеоролог установил свой кипятильник в твердой уверенности, что после такого длинного и сильного спуска на протяжении сорока пяти километров ртуть покажет по крайней мере 130° , и снижение будет около десяти тысяч метров, т. е. рекордным за все времена. Он даже заранее вычислил высоты для точек кипения от 130 до 135° , чтобы огорчить ими своих спутников. Какого же было его удивление, когда термометр показал только 120° .

— Моя коллекция опять увеличилась! — заявил он торжественным тоном. — Вы конечно не сомневаетесь, что мы сегодня ехали все время и очень быстро под гору?

— Ну конечно! Ясно! Вода в гору не течет! — раздались голоса.

— Так! А вот гипсотермометр показывает, что мы ехали в гору и поднялись за день на тысячу семьсот метров с лишним. Как там это понравится?

После того как все убедились собственными глазами, что Боровой не шутит, последний заявил:

— Очевидно, идя и далее все вниз, мы скоро выберемся из этой удивительной щели, может быть у самого северного полюса!

— А я думаю, что готовится какая-то катастрофа! — загадочным тоном произнес Громеко. — В таинственной яме происходит необыкновенное разрежение воздуха, давление падает, предвещая ураган, циклон, тайфун, смерч или что-нибудь подобное. А в ожидании этой пертурбации, чтобы перенести ее спокойно, я предлагаю всем благоразумным людям залезть в спальные мешки!

Все, даже Боровой, рассмеялись и последовали совету врача. Но метеоролог предварительно осмотрел, крепко ли вбиты колья, хорошо ли натянуты веревки, державшие юрту. Он, действительно, опасался какой-то атмосферной катастрофы, спал тревожно, просыпаясь и прислушиваясь, не усиливается ли ветер, не начинается ли ожидаемое явление. Но все было спокойно, ветер гудел равномерно, как все это время, сотоварищи похрапывали, собаки сквозь сон ворчали или гвиззивали. И Боровой опускал голову на подушку, стараясь отогнать тревожные мысли и заснуть, но сон не приходил.

Утром он раньше всех вышел из юрты, чтобы отсчитать показания инструментов, вывешенных на ночь. Остальные путники лежали еще в спальных мешках.

Вдруг твой личная дверь юрты поднялась; метеоролог, бледный, с вытаращенными глазами, вернулся в юрту и произнес, заикаясь:

— Если бы я был один, я бы больше не сомневался в том, что рехнулся окончательно.

— Ну, что такое опять? В чем дело? Какая катастрофа разразилась? — послышались вопросы, у одних испуганные, у других иронические.

— Тучи или туман почти рассеялись, и солнце, понимаете ли вы, полярное солнце, стоит в зените! — прокричал Боровой.

Все бросились к выходу, толкая друг друга и на ходу одеваясь.

Над ледяной равниной клубился легкий туман и сквозь него то ярче, то тусклее светил красноватый диск, стоявший прямо над головами, а не низко над горизонтом, как полагалось полярному солнцу в пять часов утра в начале июня под 80° северной широты.

Все стояли, задравши головы вверху, и смотрели молча на это странное солнце, находившееся на ненадлежащем месте.

— Странная эта местность — Земля Нансена, — промолвил Мажшеев не то трагическим, не то ироническим тоном.

— Да не луна ли это! — предположил Папочкин. — Может быть теперь полнолуние?

Боровой порылся в карманном справочнике.

— Теперь действительно полнолуние, но только этот красный диск не похож на луну — и светит сильнее, и греет заметно.

— Может быть на Земле Нансена... — начал Мажшеев, но Каштанов перебил его:

— В полярных странах в летние месяцы луна никогда не бывает в зените: или ее совсем не видно, или она стоит очень низко.

— А если это не луна и не солнце, то что же это такое? Как найти объяснение?

Но ответа никто не мог дать. Все продолжали делать догадки и опровергать их; затем позавтракали и собрались в путь. Термометр поднялся до + 8°. Туман то сгущался, скрывая красное светило, то разрежался, а блю показывалось неизменно в зените, не двигаясь с места.

Путь шел по прежнему вниз по ледяной равнине вдоль берега большого ручья. Уклон как будто становился более пологим.

Собаки бежали дружно, путешественники сидели на нар-

так, по временам вскальвая, чтобы поправить упряжь или устроить мостик через более глубокое русло.

Как только солнце пробивалось сквозь клубы тумана, все поднимали головы и смотрели на это странное светило, принявшее такое противоестественное положение на неприветливом небе.

В обед сделали обычный привал.

Все молча смотрели, задравши головы кверху, на странное солнце, находившееся на ненадлежащем месте

Полдень впрочем показывали только часы, солнце же, стояло попрежнему в зените и казалось не думало менять своего места.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — ворчал Боровой. — Солнце и под 80° северной широты должно перемещаться по небу, а не стоять на одном месте! Ведь земля-то вертится!

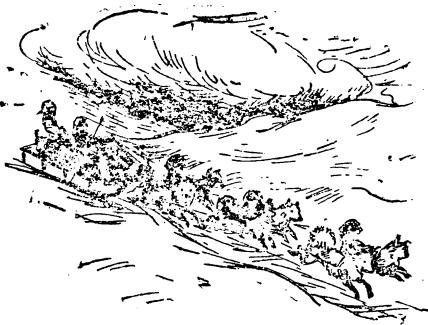
Во время привала он определил высоту солнца, которая оказалась равной 90° .

— Можно подумать, что мы находимся под тропиком в день летнего солнцеворота или под экватором во время равноденствия, — сказал он после наблюдения. — Какую широту прикажете записать? Хоть убейте, я не понимаю, где мы находимся и что вокруг нас происходит. Мысли в голове путаются, и все кажется каким-то странным сном!

Все в сущности разделяли это чувство Борового и совершенно не могли объяснить себе это новое непонятное явление, по своей загадочности превосходящее все остальные: противоречивые показания инструментов, постоянный ветер с одной стороны, беспроблемные тучи, ненормальное тепло, красно-

ватый свет и колоссальная впадина с глубиной большей, чем все известные на земле.

Во время обеда и отдыха строили все возможные догадки о катастрофах, происшедших с землей с тех пор как они на «Полярной Звезде» и на Земле Нансена были отрезаны от всякого общения с остальным миром.

ПОЛЯРНАЯ ТУНДРА

Под вечер ледяная равнина превратилась в ледяные увалы.

Редкий туман плыл в воздухе, почти не заслоняя красноватое солнце, которое попрежнему оставалось в зените, словно издеваясь над путешественниками, продолжавшими смотреть на него с изумлением.

Приближалось время остановиться на ночлег; на ледяном гребне это было не особенно удобно: хотя места было достаточно, но вода — далеко внизу, и спускаться к ней по гладкому ледяному откосу было невозможно. Поэтому продолжали ехать, в надежде найти более подходящее место, тем более что впереди сквозь туман видна была какая-то темная равнина.

И вот около семи часов вечера ледяные увалы снизились, и плоскими белыми языками, словно исполинскими фестонами, окаймляли эту темную равнину, в которую ручьи врезывались неглубокими руслами и текли далее в плоских болотистых берегах.

Нарты, съехавшие со льда, сразу остановились на липкой, голой земле, собаки высунули языки и отказались везти.

Все соскочили с нарт — последний километр ехали уже в напряженном ожидании нового сюрприза, который поднесет им эта странная Земля Нансена в виде бесснежной равнины.

Словно по уговору, люди наклонились, рассматривая и щупая руками эту долгожданную землю после стольких дней, проведенных на снегу и льду. Земля была буро-черная, пропитанная водой, липкая, но не совершенно голая, а покрытая примятymi стебельками мелкой пожелтевшей травки и искривленными стелившимися ветвями приземистого кустарника, лишенного листьев. Нога погружалась в землю сантиметра на четыре, и из-под подошвы струйками и фонтанчиками выживалась желтая вода.

— Как вам это понравится? — проворчал Каштанов. — Под 81° северной широты снег исчезает, тепло, как в Финляндии, голая земля, и солнце в зените!

— Неужели придется ставить юрту в этом болоте? — печально спросил Папочкин.

— Это не болото, а северная тундра, — пояснил ему Мажеев.

— От этого не слаще, что тундра, — заметил Боровой. — Собаки отказываются везти нарты, а ночевать в грязи действительно не особенно приятно. Лучше уже вернуться на лед!

Все стали оглядываться вокруг в надежде увидеть более сухое местечко.

— Вот там, я думаю, будет хорошо! — воскликнул Громеко, указывая вперед, где над черно-буровой равниной поднимался плоский холм, приблизительно в километре от конца ледяных языков.

— Но как мы туда дотащимся?

— Ничего, доплетеемся, будем помогать собакам!

— Попробуем надеть лыжи, чтобы меньше вязнуть.

Действительно, на лыжах итти оказалось легче. Собаки потихоньку тащили облегченные нарты, которые люди сзади подталкивали палками от лыж. В полчаса доплелись до холма, поднимавшегося метров на восемь над равниной и представлявшего сухое и удобное место для ночлега. На нем среди пожелтевшей прошлогодней травы пробивались уже свежие зеленые побеги, а приземистый кустарник наливал почки.

На вершине холма поставили юрту, а нарты и собак расположили на склоне в стороне. Позади на севере белел ровным, высоким валом край льдов, уходивший в обе стороны за горизонт; впереди черно-бурая равнина уже принимала зеленоватый оттенок.

В полусотне шагов от холма беззвучно струился широкий ручей между топкими берегами. Туман клубился над равниной. Появлявшееся по временам красноватое солнце попрежнему стояло в эзените, хотя часы показывали уже половину девятого вечера. За этот день отмахали пятьдесят километров.

Пока Боровой кипятил воду, остальные строили догадки,

На вершине холма поставили юрту, а нарты и собак расположили на склоне в стороне

какую температуру кипения покажет инструмент после такого очевидного длинного спуска.

Одни стояли за 125° , другие за 115° . Мажшев даже держал пари с Папочкиным.

— Никто из вас не выиграл! — заявил метеоролог, когда наблюдение кончилось. — Термометр показывает только 110° .

— Все-таки я был ближе к истине, — сказал Мажшев, — я стоял за 115° .

— А не думаете ли вы, что лучше будет перебить все эти негодные инструменты? — жгучно спросил Боровой.

— Вы право слишком принимаете к сердцу непонятные фокусы атмосферного давления, — успокаивал его Каштанов, — как будто считаете себя ответственным за них!

— Не в этом дело, а в том, что инструмент оказывается негодным, зачем же его тащить!

— Сейчас он может быть бесполезен по неизвестной нам причине, но при дальнейшем ходе путешествия вероятно опять будет оказывать нам услуги.

После ужина совещались о дальнейшем ходе путешествия. Если бесснежная тундра простирается и далее к северу, как это ни странно, то значительная часть снаряжения

сказывается не только бесполезной, но даже вредной, тормозящей быстроту движения, а именно — лыжи, нарты, собаки и запас их корма, лишняя теплая одежда, значительная часть спирта и даже сама юрта. При установившейся здесь теплой погоде можно было бы довольствоваться легкой палаткой, которая имелась в запасе, а топливо пришлось бы собирать в тундре.

Поэтому решили устроить на холме дневку и разослать налегке две партии в разные стороны, чтобы выяснить характер местности и условия передвижения, ожидавшие экспедицию. После этого можно было оставить все лишнее в складе на холме для обратного пути по льдам.

БРОДЯЧИЕ ХОЛМЫ

На следующий день Иголкин и Боровой остались у юрты: первый для надзора за собаками, второй для разных метеорологических наблюдений. Остальные четверо отправились на разведки, разделившись на две партии: Каштанов и Папочкин пошли на юго-восток, а Мацшеев и Громеко на юго-запад. Все пошли на лыжах, но с намерением оставить их, если почва сделается достаточно сухой.

Каждый исследователь был вооружен ружьем. Нельзя было думать, что и на тундре не попадется никакой дичи, как это было на снежной равнине. Беспокойное поведение собак в течение ночи заставляло полагать, что какие-то животные могут встретиться. Свежее мясо было очень нужно не только людям, но и собакам.

Каштанов и Папочкин на своем пути вскоре наткнулись на широкий ручей, за которым тундра продолжалась.

Вскоре она стала настолько сухой, что лыжи пришлось

совершенно оставить. Их поставили конусом, связав наверху веревкой, чтобы легче заметить и взять на обратном пути.

На сухой тундре зеленела уже молодая травка, а приземистый кустарник покрылся зелеными листочками и цветами. По равнине клубился туман, местами разрежаясь очень мелким дождем. Но в промежутках светило и заметно грело красноватое солнце, диск которого все-таки не был ясно виден.

Километров в десяти от стоянки путники заметили впереди несколько темных круглобоких холмов, очертания которых из-за тумана были не резки.

— Вот прекрасное место для обзора окрестности в минуты разрежения тумана! — воскликнул Папочкин. — На этой гладкой равнине с высоты холма должно быть видно далеко.

— Еще интереснее те коренные породы, которые мы найдем на них, — возразил ему Каштанов. — До сих пор геологическая добыча нашей экспедиции была очень скучна.

— Зоологическая еще скучнее!

— Ну, теперь тундра вознаградит нас. А то форме и цвету этих холмов можно думать, что это куполы базальта или другой вулканической породы.

Оба исследователя пустились почти бегом к желанной цели, которая то виднелась сквозь пелену тумана, то совершенно скрывалась в ней.

Каштанов и Папочкин бежали более четверти часа, а темные холмы казались почти такими же далекими, как вначале.

— Этот проклятый туман ужасно мешает правильной оценке расстояний! — сказал зоолог, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Я был уверен, что до холмов недалеко, а мы бежим, бежим и почти не приблизились. Я запыхался.

— Ну что же, отдохнем! — согласился Каштанов. — Холмы ведь не убегут от нас никуда.

Они стояли, опершись на ружья. Вдруг Папочкин, смотревший в сторону холмов, воскликнул:

— Удивительно, если только это не обман зрения! Мне показалось, что наши холмы двигаются.

— Это ползет туман, потому и кажется! — спокойно ответил Каштанов, закуривая трубку.

— Ну, теперь я ясно вижу, что холмы передвигаются! Смотрите, смотрите скорее!

Впереди, недалеко, теперь ясно были видны четыре темные массы, которые медленно передвигались по тундре.

— Холмы базальта или иной вулканической породы обыкновенно стоят на одном месте, —sarcastически заметил Папочкин. — Впрочем в этой стране необъяснимых явлений,

может быть и холмы бродят с места на место. Как жаль, что с нами нет Борового!

Каштанов в это время вынул бинокль и направил его на движавшиеся холмы.

— А знаете ли, Семен Семенович, — сказал он голосом, дрожащим от волнения, — эти холмы подлежат не моему, а вашему ведению, потому что это крупные животные вроде слонов, — я ясно различаю длинный хобот.

Они опять побежали вперед и остановились только тогда, когда туман начал снова рассеиваться; темные массы были уже гораздо ближе.

— Ляжем! — сказал зоолог, — иначе они могут заметить нас и убегут.

Они прилегли на тундру. Теперь Папочкин прильнул к биноклю в ожидании удобного момента. Наконец туман рассеялся настолько, что на расстоянии четырехсот-четырехсот пятидесяти шагов можно было ясно различить четырех стенообразных животных, которые обрывали веточки ползущего кустарника и, красиво изогнув хобот, отправляли их в свою пасть. Три из них были побольше, а один поменьше.

— У них огромные бивни, — сказал Папочкин, — сильно изогнутые. Тело покрыто шерстью красно-бурового цвета. У них короткие хвостики, которыми они весело помахивают. Если бы я не знал, что мамонты исчезли с лица нашей планеты, я бы сказал, что это не слоны, а мамонты.

— Впрочем, в этой стране необыкновенного может быть и мамонты уцелели!

Каштанов в это время вставил патрон с разрывной пулей в свою дальнобойную винтовку и прицелился в ближайшего зверя, повернувшегося левым боком к охотнику.

Раздался оглушительный выстрел. Слон взмахнул хоботом, упал на колени передних ног; затем вскочил, пробежал несколько шагов и тяжело рухнул на землю.

Остальные звери шарахнулись в стороны, а затем, подняв кверху хоботы и испуская рев, напоминающий протяжное мычание быка, побежали тяжелой крупной рысью по тундре и исчезли в тумане.

Каштанов и Папочкин, сгорая от нетерпения, бросились к добыче. Животное лежало на правом боку, разбросав ноги и откинув голову с огромными бивнями. Из зиявшей под лопаткой раны вытекал целый ручеек крови, круглое брюхо еще судорожно вздыхалось и хобот вздрагивал.

— Осторожнее, — сказал Каштанов. — В агонии он может так двинуть хоботом или ногой, что переломает нам кости.

Охотники остановились шагах в десяти от слона и рассматривали его с понятным волнением и интересом.

— Я тоже думаю, что это мамонт, — сказал Каштанов. — Огромные размеры — ведь эта машина имеет метров шесть в длину! — бивни, согнутые вверх и внутрь, длинная красноватая шерсть, — все это признаки мамонта. Кроме того слоны в полярных странах никогда не водились, а мамонт жил в сибирской тундре.

Зоолог с гордостью влез на труп мамонта для масштаба

— Если бы я не видел его собственными глазами, — ответил Папочкин, — я бы никому не поверил! Это такое открытие, такое открытие!..

— Ну, пожалуй, не больше, чем вся эта глубокая впадина и зеленеющая тундра под 81° северной широты. Очевидно на этом полярном материке, совершенно отрезанном льдами от остальных стран нашей планеты и обладающем непонятно мягким климатом, мамонты сохранились до наших дней. Они представляют собой живые ископаемые.

— Или ископаемую фауну Земли Нансена, приспособившуюся к новым условиям жизни. Очевидно прежде эта земля не была отделена от других стран льдами и снегами, а имела флору и фауну, общую с севером Америки и Азии. А затем, может быть во время ледникового периода, мамонты нашли здесь свое последнее убежище.

— Теперь оно обнаружено нашей экспедицией! Но что мы будем делать с этим чудовищем? Чтобы доставить его к стану, нужна товарная платформа и паровоз!

— Если мамонт не может быть передвинут к стану, то во всяком случае стан может перекочевать к мамонту! — пошутил зоолог.

— Идея! Но если в тундре могут водиться мамонты, то могут также водиться медведи, волки, песцы, вообще какие-нибудь хищники. И пока мы будем переселяться сюда, они успеют попортить нашу добычу!

Каштанов сфотографировал труп мамонта

— Это правда! Нужно сейчас же тщательно измерить, описать, сфотографировать мамонта. На «Полярную Звезду» мы захватим разве один зуб, частицы мозга, кожи, мяса в спирту.

— Но хобот, я думаю, отрежем на всякий случай, чтобы показать товарищам! То-то они будут поражены! А потом скушаем его — это будет блюдо, которым не лакомился еще ни один естествоиспытатель. Хоботы слонов, говорят, прекрасны! Но конец хобота нужно сохранить, потому что его никогда еще не находили при трупах мамонта и неизвестно, как он устроен.

Охотники подошли к мамонту, лежавшему уже неподвижно, и приступили к его измерению и тщательному осмотру.

Папочкин мерил, Каштанов записывал; потом последний сфотографировал труп с разных сторон, причем зоолог с гордостью становился рядом или влезал на него для масштаба, восклицая:

— Разве это не чудесно: в отчете экспедиции будет ил-

люстрация — ученый Паночкин на трупе мамонта, не иско-
паемого, а ныне живущего!

Окончив свою работу, путешественники отрезали у животного хвост, хобот и клок длинной шерсти, подняли ружья и, нагрузившись, хотели идти к юрте. Но тут зоолог, растерянно оглянувшись вокруг, воскликнул:

— Но в какой стороне наш стан? Кругом ровная тундра, ползет туман, вдаль не видно. Мы заблудились, Петр Иванович! Я решительно не знаю, куда идти...

Каштанов сначала немного оробел при этом взглясе, но потом сказал, улыбаясь:

— Человек, у которого в кармане есть компас, не может заблудиться даже в тумане, если знает, в каком направлении он шел. От места ночлега мы направились прямо на юго-восток, значит теперь должны идти на северо-запад.

— Но, увидев мамонтов, мы кажется бежали не по компасу!

— Нет, прежде чем спрятать компас, я по привычке отметил направление, куда мы бежали. Не беспокойтесь, я вас доведу до юрты!

Каштанов с компасом в руках уверенно направился по тундре, зоолог следил за ним.

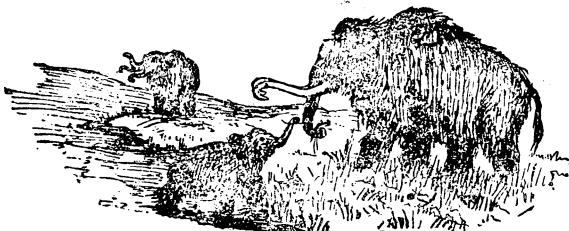
Часа два путешественники шли по равнине. Туман по-прежнему то клубился низко, то рассеивался, позволяя видеть на один-два километра в окружности. Как раз в такой момент Каштанов наконец увидел впереди, немногого в стороне от их лагути, какой-то странный предмет, возвышавшийся над равниной. Он указал на него зоологу.

— Что же это такое? — спросил последний. — Похоже на остов саамской юрты. Неужели здесь есть и люди?

— Я думаю, что это наши лыжи. Вы забыли, что мы их оставили.

— Ну, значит, мы идем правильно!

Добрались до лыж, путешественники могли уже не беспокоиться и спрятали компас, потому что лыжные следы виднелись хорошо на влажной тундре. Вскоре вдали показался холм с юртой.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Когда охотники подошли настолько, что на холме можно было различить не только юрту, но и силуэты людей и собак, Каштанов сказал своему спутнику, обладавшему менее острым зрением и слухом.

— А на стану у нас что-то происходит неладное — люди бегают, собаки заливаются лаем.

Оба остановились, чтобы прислушаться. Действительно, явственно доносился неистовый лай собак, и затем послышался выстрел, другой, третий.

— Уж не напали ли мамонты или другие ископаемые звери? Я теперь готов поверить! — сказал зоолог.

— Бежим скорее, может быть наша помощь очень нужна.

Они побежали, насколько позволяли их ноша и усталость. У подножия холма они бросили лыжи и хобот и мигом вбежали наверх.

Собаки рвались и лаяли на привязи, в юрте никого не было. Но на противоположном склоне бежавшие увидели темную массу, возле которой стояли Боровой и Иголкин с ружьями в руках.

В один миг Каштанов и Паночкин очутились возле своих товарищней.

— В чем дело, что случилось?

— А вот полюбуйтесь. — отвечал извозчивший Боровой. — Этот странный зверь напал на собак или собаки напали на него. Мы сидели в юрте и не видели начала схватки — одним словом, пока мы выбежали с ружьями, он затоптал у нас двух собак. Ну-с, чтобы остановить это занятие, пришлося застрелить его.

Иголкин увел собак, вертевшихся вокруг убитого зверя, и три путешественника начали рассматривать его. При первом взгляде на голову Каштанов и Паночкин в один голос воскликнули:

— Да это посорог!

— Носорог, здесь, на полярном материке? — недоверчиво сказал Боровой. — Правда, что он довольно похож на носорогов, которых я, впрочем, видел только на картинках. Но все-таки может ли быть здесь в тундре животное, родина которого под троцкими?! Не могу этому поверить!

— А вы поверите, — перебил Каштанов, — что мы только что охотились на мамонтов, понимаете ли, мамонтов, которые до сих пор считались только ископаемыми животными, существовавшими десятки тысяч лет тому назад?

— Помилосердствуйте! — завопил Боровой. — Не шутите так жестоко. Я боюсь за свой рассудок. Все, что мы видим за последние дни, так необыкновенно, противоестественно. Мне просто кажется, что я вижу это во сне или же сошел с ума.

— Да успокойтесь, мой дорогой! — вскричал Каштанов, схватив Борового за руку. — Мы все испытываем волнение. Мы тоже поражены тем, что видим за это время. Все это странно, пока необъяснимо, но противоестественного в природе не бывает! Вспомните, что мы на уединенном полярном материке, глубоко вдавленном в поверхность нашей планеты, отрезанном широким поясом льдов от остальной суши. На таком материке должны быть своеобразные физические условия, благодаря которым продолжает существовать мамонт, давно уже вымерший в других странах. Почему же не мог сохраниться и его современник — носорог?

— Африканский или индийский носорог на полярной тундре!

— Да не африканский, а сибирский, длинношерстый, живший в Сибири вместе с мамонтом.

— Вот как! Я и не знал, что такие носороги существовали. Но почему же вы думаете, что это не африканский?

— А вот посмотрите! У него длинная бурая шерсть, тогда как носорог тропических стран голый; размеры его больше, чем у ныне живущих представителей этого рода млекопитающих; передний рог огромных размеров и сплющенный с боков.

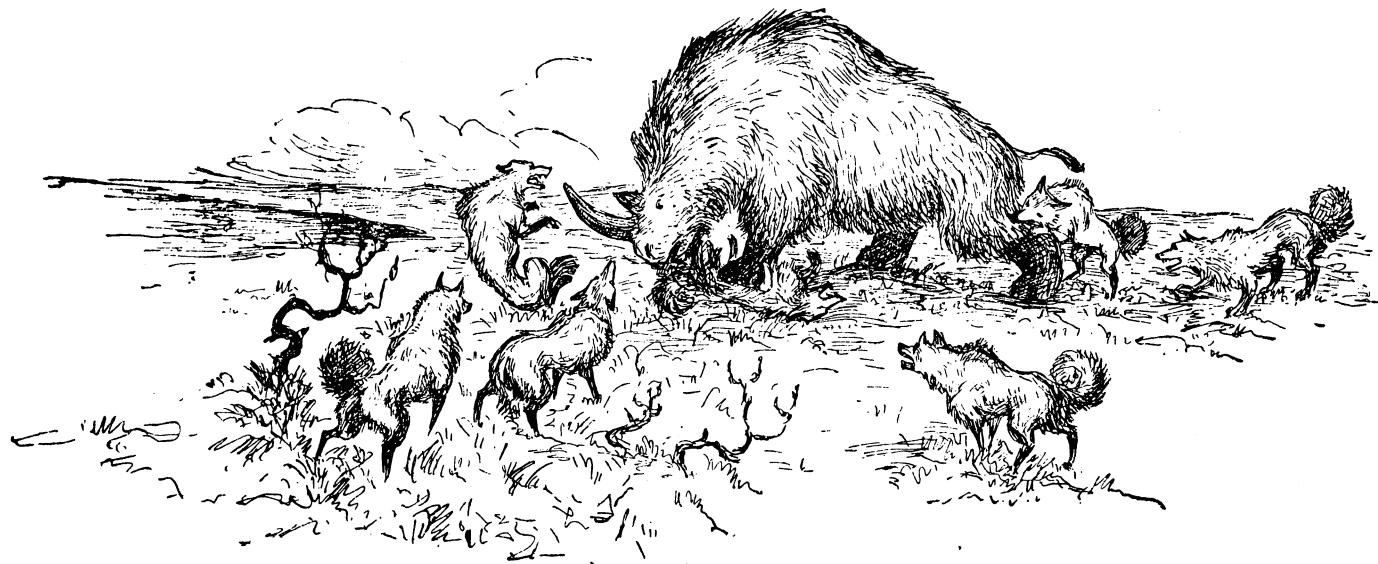
Увидев, что Каштанов и Папочкин относятся так спокойно к этому удивительному происшествию, Боровой также успокоился и спросил:

— А где же мамонт, на которого вы охотились?

— Не могли же мы притащить его на себе сюда! — рассмеялся Папочкин. — Мы убили его довольно далеко отсюда в тундре. Там было маленько стадо в четыре головы, и нали геолог издала приказ наложить базальтовые холмы! Но потом эти вулканические холмы начали бродить по тундре, к нашему ужасу, ха-ха-ха! А кстати, где наш хобот? Мы принесли только хобот и хвост. Не пропортили бы его собаки. Идем за ним!

Фотографирование, измерение и описание носорога заняли больше трех часов времени, и только после этого исследователи подумали, что пора отдохнуть. Завтракая, они вспомнили, что нехватает еще двух товарищей, и встревожились их долгим отсутствием.

— С этим солнцем, вечно стоящим в зените, решительно

Этот странный зверь напал на собак или собаки напали на него

теряешь всякое представление о времени, — ворчал Боровой. — Утром, в полдень, вечером — все одно и то же! День кажется бесконечным.

— Он здесь действительно бесконечный, если солнце остается в одном пункте небосклона, — подтвердил Каштанов.

— Прошлой, так называемой, почью свет все-таки ослабел, — заметил метеоролог. — Хотя вы склонны были объяснить это огустившимся туманом, но я выходит из юрты около полуночи и обратил внимание, что туман был не гуще, чем днем, а это странное солнце светило заметно слабее. И на его диске как будто видны были большие темные пятна.

— Это очень интересно! — воскликнул профессор. — Почему вы не сообщили нам об этом новом странном факте?

— Странных фактов здесь не оберешься! Да я хотел проверить себя прежде, чем говорить вам. Сегодня около полуночи я слышал наблюдал это сумасшедшее светило и убедился, что темных пятен нет. Я и думал, что почью просто ошибся.

— Я думаю, — сказал Папочкин, — что с центральным телом нашей планетной системы случилась какая-то катастрофа, пока мы путешествовали в тумане по Земле Нансена. Поэтому-то оно и очутилось в зените под 81° северной широты и светит круглые сутки.

— Может быть земля наша повернулась постепенно так, что ее северная полярная область оказалась обращенной прямо к солнцу?

— Это что-то непонятное, — проворчал Боровой. — Как мог без серьезных потрясений пропасти в короткое время такой значительный паклон земной оси?

— Мы могли и не заметить эти потрясения в тумане среди льдов. Иначе я не могу объяснить себе это странное положение солнца, — настаивал Каштанов.

— А почему вы уверены, что это светило, которое мы видим теперь, то же самое, которое мы видели в последний раз над гребнем хребта Русского? — спросил Боровой.

— Зачем делать разные невероятные предположения! — сказал Каштанов. — Ведь есть же гипотезы, основанные на геологических фактах, что ось грациения нашей земли перемещалась. Этим объясняют например оледенения, имевшие место в некоторые геологические периоды в Индии, Африке, Австралии, Китае, и субтропическую флору других периодов на Земле Франца-Иосифа, Гренландии и т. п.

— Не спорю, это вам лучше знать. Но я сегодня измерил угловой радиус этого светила, и оказалось, что он равен

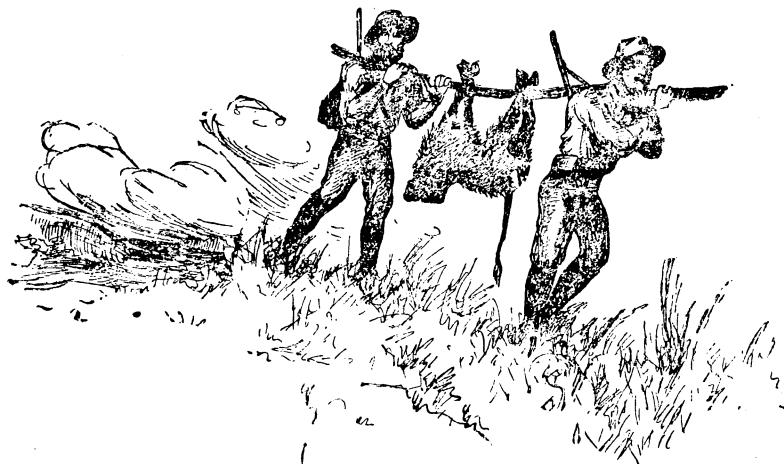
20 минутам, тогда как угловой радиус солнца равен почти 16 минутам, как вы конечно знаете.

— Вот это важный факт! — воскликнул пораженный Каштанов.

— А затем этот красноватый свет вместо желтого?

— Не вследствие ли тумана? — вставил Папочкин.

— Я сам думал так. Но сегодня удалось видеть это светило, когда туман на некоторое время совершенно рассеялся.

Макшеев и Громеко несли что-то темное, подвешенное на длинную палку

И диск был все-таки красноватый, какой бывает у солнца, когда оно стоит низко над горизонтом и светит через более влажные нижние слои атмосферы или во время пыльной бури.

— Да, это тоже странно!

— А эти темные пятна, обусловливающие ослабление света в известные часы суток! Сегодня ночью я постараюсь проверить и это. Если они повторятся, то я буду окончательно убежден, что над нами не солнце, а что-то другое.

— Куда же девалось наше солнце? — с тревогой спросил Папочкин.

— Ночем я знаю! Это еще одно звено в цепи непостижимых явлений, свидетелями которых нам суждено было стать за последние дни.

— Да, целая цепь! — задумчиво сказал Каштанов. — Огромная впадина на материке: странные показания магнитной стрелки; непонятные изменения атмосферного давления;

теплая погода под широтой 81° — не случайная, судя по этой границе льдов и зеленеющей тундре; мамонты и носороги, разгуливающие по ней, солнце — не солнце, в зените днем и ночью...

— И еще будет не мало загадочного, я в этом уверен. Вот идут наконец наши товарищи и несут, держу пари на что угодно, еще один странный факт.

Все вскочили, всматриваясь вдаль, где уже хорошо видны были два человека, несшие что-то темное, подвешенное на длинную палку. Папочкин поставил чайник на спиртовую печь и принялся готовить шашлык из носорожьего мяса, остальные побежали на встречу приближавшимся.

— Ну и намаялись мы нынче! — заявил Макшеев. — Видели и коров, и быков, стреляли, но добыли только теленка и тащим его уже часа три.

— И набрали интересную флору тундры, совершенно своеобразную, я бы даже сказал ископаемую, если бы не рвал ее сам, — добавил Громеко, за спиной которого болтлась набитая ботаническая папка.

Закусывая и попивая чай, Макшеев и Громеко рассказывали о виденном.

— Километров десять по нашему пути шла та же тундра, но более сухая, чем здесь. Затем на ней растительность стала богаче, появились кусты и даже небольшие деревья...

— Полярная береза и полярная ива, но новых видов, а затем и тощая лиственница, — добавил Громеко. — Попались и цветущие растения, частью совершенно незнакомые мне, частью описанные разными исследователями в качестве представителей послеморгичной ископаемой флоры Канады.

— Мы дошли наконец до узкой, но очень глубокой речки, через которую не было брода, и направились вниз по ее течению. Деревья становились выше человеческого роста, кусты между ними образовали чалду, через которую трудно было пробираться. Вот тут-то мы и набрели на стадо быков, пришедших на водопой.

— Какого вида быков? — спросил Папочкин.

— Они походили скорее на диких яков, — поправил Громеко, — черных, с длинной шерстью, с огромными толстыми рогами и с горбом на спине.

— Такой вид имели быки, — продолжал Макшеев, — а другие, очевидно коровы, ростом были немного меньше и с рогами потоньше и покороче; кроме того там было несколько телят. Я надеялся встретить на тундре только болотную птицу и мелкого зверя, поэтому взял с собой дробовик.

— А я совсем не взял ружья!

— Ну вот и пришлось стрелять только в теленка крупной картечью, которая нашлась в патронташе. Стадо скрылось в чаще, а теленок свалился в речку, откуда мы его выловили и прикончили ножом.

— Теленок весил добрых пятьдесят килограммов, а тащить домой нужно было двенадцать километров. Поэтому мы, для облегчения ноши, выпотрошили его, хотя и знали, что Семен Семенович будет недоволен этим.

— Ну, он получил достаточное утешение! — заомялся Каштанов. — Знаете ли вы, какой шашлык вы сейчас скушали?

— Какого-нибудь полярного зайца, что ли? Не знаю, есть ли такой вид?

— Не зайца, а носорога, и даже ископаемого!

— Тыфу! Это вы значит нашли где-нибудь труп носорога¹ вечно мерзлой тундре и решили попробовать мясо, пролежавшее десятки тысяч лет? — удивился Громеко. — Если бы я знал, не стал бы есть.

— А знаете ли вы, — спросил в свою очередь Папочкин, — что к ужину мы вас угостим вареным хоботом мамонта?

— Ну, это уже чорт знает что такое! — возмутился Громеко, — что вы, отравить нас хотите, что ли? Пробуете, как действует на желудок современного человека разная геологическая ладаль! Нет, я не стану его есть! Я лучше подожарю себе телячью печеньку, она по крайней мере свежая.

Насладившись удивлением своих товарищей, остальные наконец посвятили их в события этого дня, показали им труп носорога, хобот, хвост и клок шерсти мамонта, и ботаник успокоился. Он принял даже участие в решении вопроса, как и с чем сварить пресловутый хобот, и вынул из кармана несколько головок дикого чеснока, который нашел недалеко от места встречи с быками.

Эти овощи будут хорошей проправой к хоботу, — сказал он, — жаль, что их попалось так мало.

За ужином решили пробыть на том же месте еще один день, чтобы сходить впятером к месту, где лежал убитый мамонт, и доставить к юрте запасы мяса и части, подлежащие сохранению.

¹ На севере Сибири вечно мерзлой почве изредка находят целые трупы мамонтов, существовавших в начале современной геологической эпохи и сохранившихся полностью с кожей, мясом, внутренностями благодаря мерзлоте в течение многих тысяч лет. Для изучения и перевозки трупов их в музей снаряжаются научные экспедиции Академии Наук.

— Теперь мы можем обсудить серьезно, куда и как нам двигаться дальше, — предложил после ужина Каштанов. — Наша разведка дала некоторый материал для этого. А во время разговоров я помогу зоологу отпрепарировать черепа носорога и теленка, назначенные для сохранения. Кстати, Семен Семенович, к какому виду вы относите теленка?

— Если бы я не видел собственными глазами живого мамонта и сибирского носорога, — ответил зоолог, — я бы сказал, что встреченные быки близки к современному яку Тибета. Но теперь я решаюсь думать, что это были первобытные быки, исчезнувшие с лица земли вместе с мамонтом и носорогом.

ПИСЬМО ТРУХАНОВА

При обсуждении вопроса о дальнейшем маршруте экспедиции все согласились, что Земля Нансена дала уже экспедиции не только много нового, но и много необъяснимого, и что необыкновенные факты множились с каждым днем движения вперед.

Экскурсии последнего дня показали, что впереди за тундрой начинаются леса, итти по которым с нартами и собаками было немыслимо; следовательно приходилось оставить нарты, лыжи, часть груза и собак и итти дальше пешком, унося на себе необходимое.

Между тем было совершенно неизвестно, далеко ли тянутся эти леса и что предстоит встретить за ними. Наиболее вероятным казалось, что тепло, растения и животные ограничиваются дном глубокой впадины Земли Нансена и

что дальше, на противоположном склоне ее, опять начнутся снега и льды; следовательно снова понадобятся нарты, лыжи и собаки.

Ввиду такой возможности целесообразным был и другой план дальнейшего движения: идти по тундре вдоль окраины льдов на нартах, чтобы обследовать таким образом окружность всей впадины, а в глубь последней делать экскурсии налегке. Но тогда середина последней, вероятно наиболее интересная в отношении флоры, фауны, а может быть и геологии, могла остаться неисследованной. Судя по тому, что с окраины льдов в глубь впадины стекали многочисленные речки, там должны были находиться обширные озера или одно большое озеро.

Каждый план имел свои достоинства и свои недостатки. На который же из них решиться? Боровой, Иголкин и Макшеев стояли за маршрут по окраине льдов, тогда как естествоиспытатели конечно предпочитали углубиться к центру впадины, где ожидали найти больше материала по своей специальности.

Наконец можно было разделиться на две партии, направив одну с тяжелым багажом по окраине, другую налегке — попрек впадины, с тем чтобы встретиться на противоположной стороне. Но кто же мог знать, как далеко впадина простирается на восток и на запад и можно ли ее обогнать? Не окажутся ли препятствия непреодолимыми и не будут ли поставлены обе партии или одна из них в безвыходное положение? Не приведет ли это разделение к гибели всей экспедиции?

Решение оказывалось, следовательно, очень трудным и могло быть чревато тяжелыми последствиями.

Взвесив все это, Каштанов сказал товарищам, спорившим еще с ожесточением, отстаивая каждый свое предложение:

— Вспомним, что у нас есть запечатанный пакет, данный нам организатором экспедиции на случай затруднительного положения. Его разрешено вскрыть, когда мы не будем понимать, где мы находимся и что делать дальше. Не полагаете ли вы, что этот момент наступил? За последнее время мы видели столько необъяснимого, необычайного, а теперь даже не знаем, куда направить наши дальнейшие шаги!

Об этом пакете Труханова все остальные забыли, и предложение Каштanova встретило всеобщее сочувствие. Пакет был извлечен из ящика, в котором хранились наиболее ценные инструменты и деньги. Каштанов распечатал его и прочел вслух:

Дорогие товарищи:

Минута, когда вы прочитаете эти строки, будет быть может очень тяжелой для вас, но я надеюсь, что ваши опасения совета и разъяснения не будут обмануты мною.

Я должен сознаться, прежде всего, что вовлек вас в настолько рискованное и необыкновенное предприятие, что если бы вы знали, куда я приглашаю вас ехать, вы бы сочли меня безумным и отказалась бы от экспедиции.

Поэтому единственным способом обеспечить организацию экспедиции для проверки моих теоретических предположений являлось умолчание о ее конечной цели и задачах. Я снарядил ее якобы ради изучения неизвестной еще площади арктической области. Ведь может оказаться, что мои предположения действительно ошибочны и что экспедиция только и найдет острова или материк, скованные льдами, и, ограничившись их изучением, благополучно вернется назад. Мои затраты на нее и в этом случае не будут напрасны, так как она уничтожила бы последнее большое белое пятно на карте арктической области.

Но перехожу к сути дела. Целый ряд наблюдений на обсерваториях Монблана и Мунку-Сардыка, изучение литературы, данных многих сейсмических станций и исследования над распределением и аномалиями силы тяжести¹ привели меня к выводу, что ядро нашей планеты имеет совершенно не тот характер, который геологи и геофизики принимали до сих пор. Я убежден, что земля имеет более или менее обширную внутреннюю полость, пустоту, скорее всего с маленьким центральным светилом, возможно уже погасшим. Эта полость может сообщаться с поверхностью шара одним или двумя более или менее значительными отверстиями, дающими быть может возможность проникнуть на внутреннюю поверхность этого пустотелого шара.

Подтвердить или опровергнуть мои соображения могла только специальная экспедиция, отправленная на поиски одного из указанных отверстий, которые конечно нужно было искать в неизвестных еще пространствах обеих арктических областей. Для начала я выбрал северную область как более доступную для русской экспедиции.

¹ Аномалии силы тяжести — неправильности, наблюдаемые в распределении силы тяжести земной поверхности и говорящие о разнородности строения земной коры.

Если вам удалось найти отверстие, попытайтесь спуститься в него. Может быть вы уже спустились в него незаметно, полагая, что спускаетесь в глубокую впадину материка. Если да и если вы сохранили еще силы и средства для передвижения, попробуйте проникнуть глубже и исследовать, насколько возможно, эту внутреннюю полость земли.

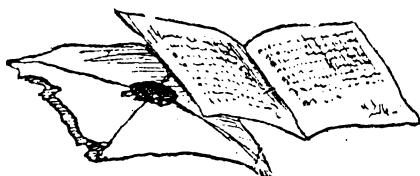
Если эта задача почему-либо окажется непосильной, вернитесь назад, так как уже одно констатирование входа во внутреннюю полость земли явится громадным открытием, а исследование полости может быть поручено новой экспедиции, снаряженной на основании приобретенного опыта. Как истинные ученые вы, я уверен, будете рваться вперед, когда очутитесь на пороге великих и чудесных открытий. Но прошу вас, обсудите тщательно положение, взвесьте все за и против и поступайте наиболее разумно, чтобы не рисковать потерей уже достигнутого.

Может быть, вы разделитесь на две партии, из которых одна пойдет в глубь полости, а другая останется у входа, чтобы затем идти на выручку первой или доставить науке весть о чудесном открытии.

Я глубоко скорблю, что судьба лишила меня возможности разделить ваши труды, лишения и открытия и что я вынужден ограничиться этим письмом. Если оно ничего не разъяснило вам, не считайтесь с ним. Во всяком случае желаю вам от души всяких успехов.

Н. И. ТРУХАНОВ.

*«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»
14 июня 1914 года*

СТРАНА ВЕЧНОГО СВЕТА

С возрастающим интересом и изумлением все члены экспедиции слушали чтение письма ее организатора. Когда Каштанов кончил, на некоторое время воцарилось молчание. Все обдумывали слышанное и старались применить его

к объяснению всех странных фактов и явлений, наблюдавшихся в последние дни.

— Теперь у меня в голове трояснилось, — со вздохом облегчения сказал Боровой. — Я понимаю и это солнце в зените, и тепло, и мамонта с носорогом, и вечные туманы, и фокусы компаса. Только шалости барометра не могу еще объяснить себе как следует.

— Да, почти все понятно! — подтвердил Каштанов. — Я думало, что спуск в отверстие земного шара начался с перевала через хребет Русский. Ледяной вал очевидно представляет самый край, место перегиба, миновав который, мы очутились уже во внутренней полости и пошли вместо севера на юг, как правильно показал компас, хотя направления пути мы не изменили. Затем мы поднимались и перевалили через плоский ледяной хребет, спустились с него и очутились в тундре вблизи конечности льдов, которые образуются из зимних снегов, наносимых в глубь полости. Мамонт, носорог, первобытный бык сохранились здесь благодаря равномерной, благоприятной для них температуре и отсутствию истребителя — человека...

— Да, мы только что вступили в эту внутреннюю полость и уже истребили трех обитателей ее, — заметил Громеко.

— Солнце, которое мы видим постоянно в зените, это очевидно настоящее маленькое ядро земного шара, находящееся еще в раскаленном состоянии и дающее свет и тепло внутренней поверхности толстой и совершенно отвердевшей оболочки, наружную сторону которой мы до сих пор только и знали. Теперь, благодаря трудам и жертвам Труханова, мы можем познакомиться хоть отчасти с этой внутренней поверхностью, которая представит нам несомненно чрезвычайно много интересного и неожиданного. Ведь на первых же шагах мы уже встретили представителей флоры и фауны, давно исчезнувших на наружной стороне.

— Нам следует окрестить эту новооткрытую страну, а то будем все говорить: «внутренняя поверхность», да «внутренняя поверхность». Это ведь уже не Земля Нансена! — заявил Макшеев.

— Да, она слишком обширна и от Земли Нансена отделена поясом льдов. Как же мы ее назовем? — спросил Громеко.

— В этой стране всегда господствует день. Центральное светило, скрытое в недрах нашей планеты, как бы соответствует представлениям древних народов о боже огня, тая-

щемся под землей. Я предлагаю назвать светило Плутоном, а страну — Плутонией, — предложил Каштанов.

Были предложены еще другие названия, но после некоторого спора все согласились, что Плутония — наиболее подходящее.

— Теперь важный вопрос: удовольствуемся ли мы тем, что не только открыли отверстие, но и спустились в глубь его и осмотрели кусочек Плутонии? Не повернем ли назад к «Полярной Звезде», чтобы сообщить Труханову о блестящем подтверждении его выводов? Или же мы попытаемся проникнуть в глубь страны вечного света?

— Конечно идем вперед! Вперед, пока есть силы и средства! У нас еще много времени! — послышались возгласы.

— И я так думаю, — продолжал Каштанов, — но как мы организуем дальнейшее исследование Плутонии?

— Я полагаю, — сказал Боровой, — что дальше вглубь, вдали от снегов и льдов, являющихся результатом проникновения холода и осадков с наружной стороны земли, температура будет выше. Нарты, лыжи и собаки будут для нас только обузой и их нужно оставить здесь.

— Одних собак оставить нельзя. Значит нужно последовать совету Труханова и отделить часть членов экспедиции — не менее двух человек, потому что кто же решится остаться в одиночестве надолго? Эти двое с собаками, нартами, лыжами и прочим лишним грузом будут ждать здесь, производить наблюдения на тундре и на краю льдов. А если остальные не вернутся к определенному сроку, они направятся назад на одной нарте, чтобы доставить на «Полярную Звезду» отчет об открытиях и быть проводниками новой экспедиции, посланной для поисков пропавшей партии и для дальнейшего исследования Плутонии.

— Ну, а как же пойдут через льды эти троихавшие, если они вернутся немного позже назначенного срока? — спросил Мажшеев.

— Две нарты, лыжи и склад провизии должны быть оставлены на месте на случай, о котором вы говорите. Запоздавшим придется идти без собак, тащить самим нарты, что не будет так затруднительно, потому что склады провизии, оставленные по всему пути, позволят сдёшать груз нарт минимальным.

Все согласились, что этот план наиболее целесообразен, но никому не хотелось остаться в тундре, так сказать у порога таинственной страны. Приходилось решать вопрос, кто из членов экспедиции более необходим для путешествия вглубь, — таковыми явились прежде всего зоолог, ботаник и

геолог, которым в тундре было мало работы; следовательно Каштанов, Папочкин и Громеко должны были ехать. С другой стороны — Иголкин, единственный не ученый член экспедиции, главной обязанностью которого был уход за собаками, естественно осуждался на сиденье в тундре. Таким образом оставались еще Боровой и Макшеев, один из которых мог ехать.

Так как каждый из них великодушно уступал другому участие в поездке, соглашаясь остаться, то пришлось бросить жребий. Боровому достался билетик со словом «сидеть», а Макшееву — «ехать».

Обсуждение вопроса об организации партии, отправлявшейся в глубь Плутонии, заняло не мало времени. Нужно было выбрать способ передвижения партии и в зависимости от этого решить, что брать с собой. Даже отказавшись совершенно от консервов и рассчитывая добывать себе пропитание исключительно охотой, каждому из путешественников пришлось бы нести на себе порядочный груз, а на торные дороги конечно нельзя было рассчитывать.

— А что если мы возьмем часть собак и навьючим на них груз, хотя бедняжки к этому не приучены и в теплой стране будут чувствовать себя плохо? — сказал Громеко.

— Это проект мало исполнимый, — заметил Макшеев. — Мы рискуем лишиться этих животных, необходимых для обратного пути через льды. Я предложил бы воспользоваться силой более послушной и могучей, которая понесет не только наши вещи, но и нас самих.

— Какая же это сила? — воскликнули остальные.

— Сила воды. Глубокая речка, которую мы встретили сегодня и не могли перейти, течет ведь на юг, куда и нам нужно итти. А в нашем багаже есть две маленькие складные лодки, взятые для переправы через полыни при путешествии по льдам. Мы о них совсем забыли, потому что они до сих пор не понадобились. Каждая вмещает двух человек; сядем и поплытем. А когда начнутся леса, устроим плот, если лодки будут слишком нагружены, и будем плыть, пока река будет нести нас.

— Превосходный план! — воскликнул Каштанов.

— И легко и удобно! Плыви да посматривай по сторонам и записывай, — восторгаясь Папочкин.

— Но только наш кругозор будет ограничен берегами реки, наверно густо покрытыми растительностью, мы будем плыть в зеленом коридоре и ничего не увидим, — сказал Громеко.

— А кто же мешает нам останавливаться, выходить на

берег, делать экскурсии, где будет интересно или нужно? Но-чевать ведь тоже будем на берегу, — пояснил Макшеев.

— И эти экскурсии будем делать налегке, со свежими силами, без груза за спиной, будем свободнее, — сказал Папочкин.

— Лодка и плот позволят нам меньше стесняться в сбое коллекций. Нести все свои сборы на спине и каждый день увеличивать этот груз было бы не очень легко, — отметил Каштанов.

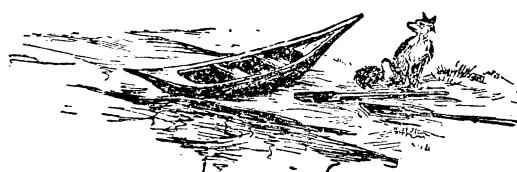
— Наконец лодка обеспечит нам большую безопасность от всяких зверей и гадов, живущих в лесах и болотах. Неизвестно, какие еще сюрпризы готовит нам эта таинственная страна, в глубь которой мы направляемся! — заявил Громеко.

— Словом, вы дали нам прекрасный совет, Яков Григорьевич, и заслужили общую благодарность, — заключил Каштанов. — Поэтому я предлагаю назвать реку, по которой мы поплыvем, вашим именем. А теперь я бы предложил залечь в наши мешки или на них, потому что тепло, а завтра сделать экскурсию к мамонту и привезти на нартах шкуру, бивни и залас мяса сюда.

— Ведь мы же хотели перенести весь стан к мамонту? — напомнил Папочкин.

— Едва ли это будет лучше. Речка, по которой мы поплыvем, течет в противоположной стороне, и удаляться от нее нет смысла. Кроме того этот холм, на котором мы расположились, имеет много достоинств: он сухой, виден издалека, удален от края леса с разным зверьем, близок к льдам, обдувается ветром, что для собак имеет большое значение, когда станет еще теплее. С него видно далеко, так что легко заметить приближение каких-нибудь врагов.

— И он удобен для метеорологических и других наблюдений, — прибавил Боровой. — Мы здесь устроим настоящую станцию, и я надеюсь, что мои барометры начнут показывать изменение атмосферного давления.

НЕПРОШЕННЫЕ МОГИЛЬЩИКИ

Часы показывали уже десять вечера, когда беседа наконец прервалась, и все расположились на своих мешках и заснули.

Утром за завтраком обсуждали вопрос, кому идти к мамонту, и стоит ли вообще ходить к нему, не лучше ли заняться приготовлениями к отъезду?

— Если бы мы были уверены, что встретим еще мамонтов, то не стоило бы идти к этому; он уже описан и сфотографирован. Но так как вскоре начнется лес, то возможно, что мы их больше не увидим, если они живут только в тундре вдоль окраины льдов, — сказал Каштанов.

Таким образом поездка к мамонту была решена, и в ней приняли участие четверо людей с тремя нартами и собаками. При юрте остались Громуко, который хотел еще набрать перед отъездом весеннюю флору тундры вокруг холма, и Каштанов, собиравшийся раскопать склон этого холма, чтобы определить его состав. Этот одинокий холм среди тундры казался ему странным.

Партия отправилась под предводительством Папочкина, знавшего дорогу к месту охоты. По дороге засгрелили несколько болотных птиц, бродивших по тундре вблизи речки, и очень странного зайца, похожего скорее на огромного тушканчика¹ и доставившего зоологу большую радость.

Туша мамонта виднелась издали подобно большому холму на ровной тундре. Когда приблизились к ней, Иголкин, обладавший более острым зрением, предупредил остальных, что вокруг трупа суетятся какие-то серые звери.

Оставив нарты на некотором расстоянии, охотники осторожно приближались к туще и вдруг остановились изумленные — суетившиеся звери исчезли, словно провалились в землю.

— Эге-ге! — воскликнул Папочкин, когда все подошли наконец к мамонту. — Смотрите-ка, тут кто-то похозяйничал со вчерашнего дня.

Казалось, что вокруг мамонта поработали огромные кроты:

¹ Тушканчики — млекопитающие из отряда грызунов с очень короткой шеей, заячьей головой, большими ушами, длинными усами, очень длинным хвостом, очень короткими передними и в шесть раз более длинными задними ногами. Живут в норах, питаются луковицами и корнями.

кучи земли с жорнями кустов, вышиной в метр, были навалены вокруг туши, и задняя половина последней лежала в яме, почти не поднимаясь уже над поверхностью тундры.

— Кто бы это мог быть? — гадали охотники.

— Какие-то опытные могильщики! Мне кажется, что они собирались закопать всю тушу в землю, может быть, чтобы скрыть ее от волков или как запас пищи, — заметил Макшеев

Собака вытащила за ногу какого-то странного зверька,
хрюкавшего по-порослячни

Иголкин привел одну из собак, которая, понюхав разрытую землю, вдруг бросилась под брюхо мамонта и вытащила оттуда за ногу какого-то странного зверька, отчаянно отбивавшегося короткими лапами и хрюкавшего по-порослячни. Убив его, отняли у собаки и начали рассматривать. Оказалось, что он очень напоминал барсука и по форме тела, и по окраске. Дальнейшие поиски обнаружили еще несколько подобных животных, притаившихся под тушей, которую они действительно намеревались закопать в землю, чтобы затем постепенно пожирать ее.

Работа этих непрошеных могильщиков сделала снятие шкуры со всего мамонта невозможным, и пришлось ограничиться только левой половиной тела. Затем исследовали внут-

ренности, отрезали переднюю и заднюю ногу, вырубили один бивень, вынули глаз, половину мозга, языка и два зуба. Собак накормили на месте досыта. Несколько крупных кусков мяса от бедра и филе были также положены на нарты, после чего партия потащилась потихоньку назад. Могильщик, заяц и птицы составили зоологическую добычу этого дня, которым Папочкин мог быть вполне доволен.

— Пусть могильщики закапывают остальное, — пошутил Боровой. — Когда у нас нехватит мяса для собак, мы еще раз приедем сюда с Иголкиным за провизией. А может быть сделаем это и раньше, пока мясо не протухло.

— Тогда захватите с собой и череп, — попросил Папочкин. — Могильщики его, я думаю, хорошо очистят.

Приблизившись к юрте, охотники увидели, что Каштанов и Громеко заняты какой-то странной работой. Они вытаскивали из ямы, вырытой на склоне холма, глыбы какого-то белого камня и складывали их в кучу.

— Этот холм оказался настоящим кладом для нашей экспедиции, — объяснил Каштанов подошедшими товарищам. — Для исследования его состава я вырыл яму в полтора метра и на этой глубине наткнулся на сплошной чистый лед; в другом месте оказалось то же самое. Тогда мне пришла мысль вырыть в глубине холма камеру во льду, которая послужит прекрасным ледником для хранения провизии и шкур. Ведь мамонты или носороги не каждый день будут прибегать к нам на ужин!

— Неужели весь холм ледяной и только сверху покрыт землей? — спросил Боровой.

— Думаю, что так! На севере Сибири попадаются такие ископаемые ледники. Это или большой зимний сутроб, случайно уцелевший, или часть отодвинувшейся назад ледяной массы. Она покрылась постепенно илом и песком ручьев, стекавших с ледника, а потому и сохранилась.

Это открытие Каштанова оказалось чрезвычайно ценным для партии, оставшейся на месте и получившей под самым своим жильем прекрасное хранилище для провизии.

— Мы устроим потом настоящую дверь и большую камеру в глубине, — заявил Боровой.

— А кроме того, выроем в другой части холма вторую пещеру во льду и будем держать там собак, когда станет очень жарко, чтобы они не взбесились, — добавил Иголкин.

• Разгрузив нарты, все стали помогать Каштанову и Громеко устроить помещение, достаточное для хранения всех привезенных частей мамонта и остатков туши носорога. Когда оно было окончено и наполнено, вход в него заложили глы-

бами льда и загородили лыжами и нартами, чтобы собаки не могли добраться до провизии.

На следующее утро занялись приготовлениями к отъезду. Рассортировали весь багаж. Консервы, спирт, юкolu поместили в ледник, нагрузили нарты лодками и снаряжением, необходимым для путешествия в глубь Плутонии. Пообедали в последний раз вместе и двинулись к речке Макшеева, простившись с Боровым, который остался караулить юрту и склад. Иголкин с нартами должен был вернуться к вечеру назад. В плаванье решили взять одну собаку в качестве каравальщика; выбрали Генерала. Его обстригли, чтобы он меньше страдал от жары, и пушистый пес получил такой курьезный вид, что никто не мог удержаться от смеха. На голове у него был оставлен чуб, на верхней части ног — бахрома и на кончике хвоста — кисточка. Макшеев, который его стриг, заявил, что эти украшения оставляются для того, чтобы собака своим странным видом пугала хищников, с которыми придется встречаться.

Достигнув берега речки, которая имела до шести метров ширины и от одного до двух метров глубины, спустили лодки в воду и уселись в каждую по два: один — на руле, другой — на веслах. Генерал занял место на носу передней лодки, в которой поместились Макшеев и Громеко. Смешная морда Генерала с большими торчащими ушами и чубом между ними поднималась над бортом.

Иголкин оставался на берегу, пока обе лодки, быстро скользившие вниз по течению, не исчезли вдали. На юрте, которая чуть виднелась на горизонте, Боровой поднял белый флаг. Экспедиция, дружно несшая до сих пор все труды, разделилась, и четыре ее участника поплыли в глубь таинственной страны. Вернутся ли они назад, и если вернутся, то когда, все ли и как?

ВНИЗ ПО РЕКЕ МАКШЕЕВ

Быстро скользили обе лодки вниз по темной воде, спешившей с легкими всплесками на юг, между низкими берегами, с которых свешивались кустики полярной ивы, покрытые свежими листочками. По берегам в обе стороны расстилалась та же ровная тундра с приземистым кустарником и попрежнему дул попутный ветер, который путешественники теперь правильно определили как северный, стремившийся со льдов холодного отверстия, с наружной поверхности планеты в ее внутреннюю, теплую полость. Попрежнему туман клубился, то скрывая, то открывая красноватое светило, стоявшее неподвижно в зените. Температура достигала $+12^{\circ}$, и туман изредка разрежался мелким дождиком, впрочем быстро прекращавшимся.

Лодки плыли со скоростью до восьми километров в час. Сидевшие на руле вели съемку, замечая направление всех извилин речки. Прошли двадцать пять километров, остановились на ночлег.

Небольшая экскурсия по берегу показала, что на тундре кусты поднимались выше, и кое-где к ним примешивалась низкорослая лиственица, образуя вместе с ивой и бересой небольшие, но очень густые рощицы. Среди кустов были протоптаны узкие тропинки, приводившие к берегу реки и очевидно служившие разным животным для ходьбы на водопой.

Ночь провели впервые в палатке и без спальных мешков.

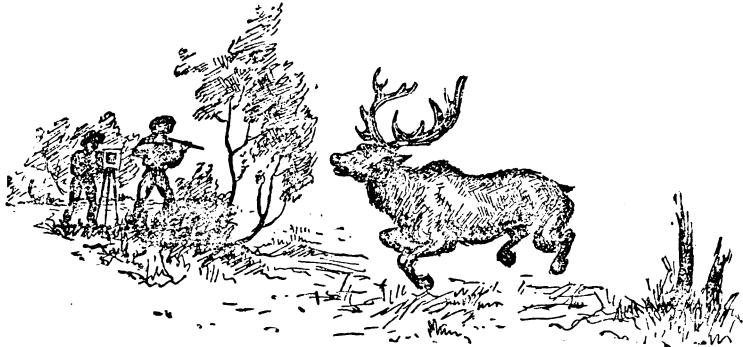
— Этот вечный свет, — сказал Макшеев, укладываясь спать, — совершенно нарушает наши привычки и представления. Говоришь — утро, полдень, вечер, глядя на свои часы, а солнце все время стоит в зените и треет одинаково, словно издаваясь над нашей терминологией.

Ночь или время отдыха прошло спокойно.

За второй день проплыли полсотни километров и остановились рано, чтобы сделать более продолжительную экскурсию в сторону от речки. Берега ее были покрыты уже более высокими кустами и отдельными деревьями, образовавшими зеленые стены, совершенно ограничивавшие кругозор путешественников.

После обеда Громеко остался у палатки собирать растения. Макшеев с Генералом отправился на запад, а Каштанов и Папочкин на восток, пользуясь звериными тропами, проложенными через чащу кустов, превышавших уже рост человека. Местами на почве видны были следы различных жи-

вотных, среди которых зоолог узнал следы мамонта, носорога, крупных и мелких двукошытных, один вид однокопытных. Иногда попадались отпечатки мягких лап хищников различной величины. При взгляде на некоторые из них оба исследователя почувствовали, как у них по спине прошел холодок. Эти следы имели около двадцати сантиметров в

Папочкин выстрелил, когда передовой громадный олень подбежал достаточно близко

длину, а когти, которыми оканчивались пальцы, вдавились в землю на четыре сантиметра. По форме следа зоолог решил, что он принадлежит медведю огромной величины.

— Это вероятно пещерный медведь, современник мамонта, — заметил Каштанов. — Он крупнее всех известных нам представителей этого семейства.

— А он не охотился на пещерных людей? — спросил Папочкин.

— Кости, когти и зубы этого медведя, обработанные пещерным человеком, иногда попадались, — ответил геолог. — Но я не знаю, попадались ли кости и черепа этого человека, обработанные медведем!

— Во всяком случае с ним лучше не встречаться!

— С таким интересным зверем да не встречаться?! Наши предки, вооруженные только дубинами и каменными топорами, одолевали его, а мы, обладая современными ружьями и разрывными пулями, будем его бояться? Это было бы позорно! ..

В стороне от реки исследователи вышли на обширную поляну, поросшую густой, но низкой травой, среди которой пестрели различные цветы.

Остановившись среди кустов на опушке, путешественники увидели, что на поляне пасутся поросянь и стадами раз-

личные млекопитающие, среди которых сразу можно было различить шороды, исчезнувшие на поверхности земли: здесь были черные первобытные быки с огромными рогами и горбами, исполинские олени с рогами соответствующих размеров, дикие лошади небольшого роста с косматой шерстью, скудным хвостом и короткой гривой. Пара носорогов уткнулись головами в кусты, а несколько мамонтов стояли небольшой группой и в такт размахивали головами и хоботами, вероятно отгоняя докучливых насекомых. Последних, именно комаров, слепней и оводов, появилось уже довольно много.

Насмотревшись на мирную картину пастбища «живых окаменелостей»¹, Каштанов и Папочкин решили подойти ближе, чтобы сфотографировать некоторых животных. Вдоль опушки они подкрались ползком сначала к группе быков, затем к двум носорогам, которые были сняты в тот момент, когда они играли, неуклюже прыгая друг на друга. Носороги скрещивали свои рога, словно исполинские сабли, вытащившие траву своими тумбообразными ногами и взрывали почву.

На очереди были мамонты, стоявшие ближе к центру поляны. Но прежде чем охотники успели подкрасться к ним достаточно близко, в противоположном конце поляны, где паслись олени, произошло замешательство: животные внезапно подняли головы, прислушались и сразу пустились бежать, очевидно испуганные каким-то невидимым, но несомненно страшным врагом. Олени пробежали мимо мамонтов, которые в свою очередь встревожились и побежали тяжелой рысью, подняв хоботы. И олени и мамонты бежали прямо в сторону притаившихся охотников.

— Когда олени будут шагах в ста от нас, стреляйте в переднего, — быстро проговорил Каштанов. — Я сфотографирую их, когда они остановятся на мгновение, а затем также выстрелю, не то нас могут растоптать.

Папочкин приготовил ружье и, когда передовой громадный олень с высоко поднятой головой и тревожно раздутыми ноздрями подбежал достаточно близко, раздался выстрел. Пораженный в грудь, олень с размаха упал на колени, а остальные, напирая друг на друга, остановились кучей, вытянув головы.

В это время Каштанов успел снять эту интересную группу, передал аппарат зоологу и в свою очередь выстрелил в другого оленя, повернувшегося к нему левым боком. Жи-

¹ О каменелостями, называют остатки прежде существовавших животных и растений, находимые в окаменелом или обугленном состоянии в горных породах. Они имеют важное значение для определения возраста слоев и изучаются отраслью геологии — палеонтологией.

вотное сделало прыжок вперед и рухнуло на землю, оставльные круто повернули вправо и побежали вдоль опушки.

Мамонты, бежавшие позади оленей, в это время приблизились и остановились перед обеими жертвами охотников. Палочкин успел за это время зарядить оба ружья, а Каштанов сфотографировал группу мамонтов.

— Стрелять, что ли? — спросил зоолог дрожавшим от волнения голосом.

— Зачем? Запас мяса у нас теперь достаточный, а мамонта мы уже изучили в тундре. Будем стрелять только в том случае, если они бросятся на нас.

Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и словно совещались друг с другом. Их было шесть, в том числе два подростка с небольшими бивнями и более короткой шерстью. Они скоро успокоились и начали играть друг с другом и развеселиться вокруг старых, издававших время от времени тревожный рев. Наконец старый самец повернулся вправо, и все стадо последовало за ним вдоль опушки поляны, на которой остались еще только два носорога.

— Кто же напугал мирных травоядных? — спросил Каштанов. — Уж не пещерный ли медведь?

— Или какое-нибудь еще более страшное ископаемое животное из вашего палеонтологического зверинца!

— Кто знает! Но нам, я думаю, лучше не идти в тот конец поляны, потому что зверь может броситься на нас так внезапно из чащи, что мы не успеем даже выстрелить.

— Ну, тогда займемся оленями, их нужно обмерить, освежевать и тащить к лодкам.

Олени, застреленные охотниками, принадлежали к исполинскому виду, исчезнувшему на поверхности земли, где он также был современником мамонта, первобытного быка, пещерного медведя.

Сняв обе шкуры, охотники отрубили задние ноги меньшего оленя и потащились тяжело нагруженные, к речке, рассчитывая еще раз вернуться за мясом, если их товарищи окажутся менее счастливыми и если неизвестный хищник, бродивший наверное вблизи поляны, оставит им еще что-нибудь.

ОХОТА НА ОХОТНИКА

На месте стоянки они застали Громеко, дожидавшегося их прихода с нетерпением. Он обошел окрестности стоянки, набрал растений, оципал и поставил вариться к ужину гуся, застреленного утром. Внезапно прибежал Генерал, один, без спутника. На шее собаки оказалась записочка, привязанная бечевкой и посланная Макшеевым, который писал: «*Я застрелил крупного хищника, которого не в силах притащить к палатке. Нужно, чтобы Семен Семенович пришел ко мне осмотреть добычу на месте. Генерал знает дорогу, а на всякий случай прилагаю свой маршрут.*»

На обороте был набросан карандашом путь, пройденный охотником, с указанием направлений и расстояний в шагах.

Отдохнув немного, Папочкин и Громеко отправились искать Макшеева. Генерал вел их хорошо, но на разветвлениях тропы нередко останавливался в нерешительности, и в этом случае выручала записка, на которой все перекрестки были обозначены. Охотники шли быстро в течение получаса и уже были недалеко от места, где находился их товарищ, когда оттуда раздались один за другим два выстрела. Генерал с громким лаем бросился вперед, охотники поспешили за ним, опасаясь, что Макшееву грозит опасность.

Вскоре они достигли большой поляны, среди которой возвышалась группа кустов и деревьев. Возле нее они заметили желтоватую массу, над которой виднелась голова Макшеева; впереди же на поляне бегало более десятка краснобурых зверей, в которых не трудно было узнать волков. Генерал остановился на краю поляны, не решаясь нападать при таком явном неравенстве сил.

Заметив вышедших на поляну охотников, волки начали отходить в сторону, а Макшеев крикнул:

— Пустите в них пару зарядов картечии, если у вас двустволка, мне жаль тратить разрызные пули.

Громеко тщесливо зарядил картечью свою двустволку и пустил один за другим два выстрела в стаю. Волки побежали к кустам, преследуемые Генералом, который по пути прикончил одного из упавших. Охотники подошли к Макшееву и услышали следующий рассказ:

— Достигнув этой поляны, я остановился на опушке, потому что собака стала ворчать и вздрагивать. На поляне я заметил позади этой рощицы несколько пасшихся оленей и решил поохотиться за ними, потому что подобных зверей мы еще не добывали. Я начал подкрадываться що кустам

вдоль опушки и вдруг, поравнявшись с рощицей, заметил крупного желтого зверя, также подстерегавшего оленей,— он подсыпался к ним из-за рощицы... Я подумал, что эта дичь еще интереснее оленей, и начал уже следить за ней, спрятавшись в кустах на расстоянии всего сотни шагов. Желтый зверь, увлеченный выслеживанием оленей, не замечал меня или же не удостоил своим вниманием двупогое существо, впервые попавшееся ему на глаза. Подкравшись к самой рощице, он поднялся во весь рост, хищно высматривая себе жертву через кусты, которые отделяли его от мирно пасшихся и ничего не подозревавших оленей. Теперь я увидел на светлых боках хищника темные полосы и узнал в нем крупного тигра. Он стоял ко мне левым боком в великолепной позе, и я поборолася выстрелить в него разрывной пулей, которая уложила его на месте.

— Олени, испуганные выстрелом, помчались мимо рощицы, увидели бившегося еще тигра и круто повернули от него прямо на меня. Я едва успел отскочить в сторону. Это были великолепные животные — один старый самец с огромными рогами, несколько коров и телят.

— Сначала я хотел ободрать тигра сам, но, рассмотрев его, убедился, что он принадлежит к какой-то необычайной породе, вероятно также вымершей там, на верху. Поэтому я подумал, что лучше вызвать зоолога. Хотел было итти сам, но боялся, что какой-нибудь хищник увидит труп и попортит шкуру. Вот почему я догадался послать Генерала, который великолепно исполнил поручение. И хорошо, что я не ушел с поляны, потому что вскоре послышался вой волка одного, другого, и постепенно на поляне собрался целый десяток. Видя меня возле мертвого зверя, они сначала боялись приблизиться, но потом обнаглели так, что я вынужден был потратить на них пару зарядов.

Зверь, убитый Макшеевым, имел бело-желтую шерсть с темнобурой полосой вдоль спины и несколькими полосами того же цвета на боках, которые и придавали ему внешнее сходство с тигром; но форма головы и тела, куцый хвост и устройство лап заставили зоолога воскликнуть:

— Это не тигр, а какой-то медведь!

Макшеев был несколько разочарован, но, осмотрев зверя внимательнее, должен был согласиться, что только бурые полосы составляли его сходство с самим свирепым представителем кошачьего семейства, а все остальные признаки указывали на медведя.

— Вероятно это пещерный медведь, современник ма-монта, который до сих пор известен только по частям скелета.

лета, — пояснил Папочкин. — Это гораздо интереснее простого тигра.

После обмера с зверя сняли шкуру и унесли ее с собой, а также череп и заднюю ногу.

Ужин в этот день был отменный: похлебка из гуся с диким луком, шашлык из оленины и ломтики медвежатины. Впрочем последние, из-за резкого запаха, не всем понравились.

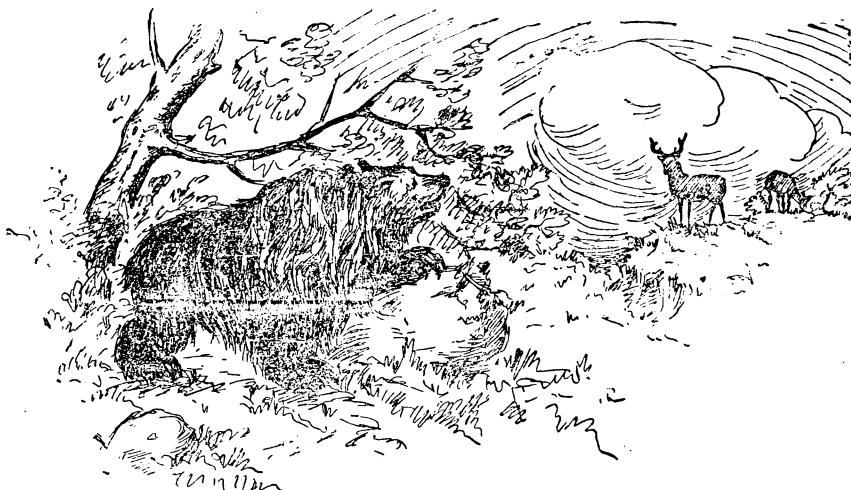
В этот день туман был уже менее густой, и Плутон светил через тонкую дымку паров, изредка только совершенно заволакиваясь; температура держалась $+13^{\circ}$, ветер был немного слабее.

— Я думаю, — заметил Громеко, — что через день-другой тумана не будет, и мы увидим на конец цвет неба Плутонии.

Время отдыха нарушалось только отдаленным воем волков, вероятно пировавших на полянах над трупами оленей, медведя и собственных товарищей. На эти отдаленные звуки

Макшеев выстрелил в желтого хищника

Подкравшись к самой рощице, хищник высматривал себе жертву через кусты

даже Генерал не обращал внимания, лежа у входа в палатку, где дымокур спасал его от назойливых насекомых.

Затем поплыли дальше. Речка сделалась шире и глубже; тяжело нагруженные лодки уже не рисковали задеть кормой за берег или уткнуться в него носом при крутых поворотах русла.

Берега были покрыты сплошной стеной разнообразных кустарников, достигавших уже четырех метров высоты: несколько пород ивы, верба, черемуха, боярышник, шиповник — тесно переплетались друг с другом, а над ними местами поднимались вершины белых берез и лиственниц. Термометр показывал $+14^{\circ}$, туман только изредка застилал все небо, а большей частью плыл на порядочной высоте подобно большим, но редким и бесформенным облакам, сквозь которые сильно просвечивал красноватый Плутон.

— Туман вероятно скоро кончится, — сказал Макшеев, взявший на себя ведение метеорологических наблюдений. — Но кончатся ли эти зеленые стены, кроме которых мы с лодки не видим ровно ничего?

— Если бы мы тащились тяжело нагруженные по чащам леса, то видели бы немногим больше, а быстрота движения была бы несравненно меньше, — заметил Громеко, который как ботаник всего больше интересовался этими зелеными стенами.

Во время обеденной стоянки на маленькой чистой площадке Каштанов и Громеко отправились в короткую экскурсию в лес, Папочкин занялся ловлей рыбы, а Макшеев

Макшеев полез на дерево, возвышавшееся
немного над остальными

полез на дерево, возвышавшееся немножко над остальными. Вернувшись, он сказал зоологу:

— Скоро местность переменится. Вдали видны плоские высоты с обширными безлесными полянами, и наша речка бежит прямо к ним.

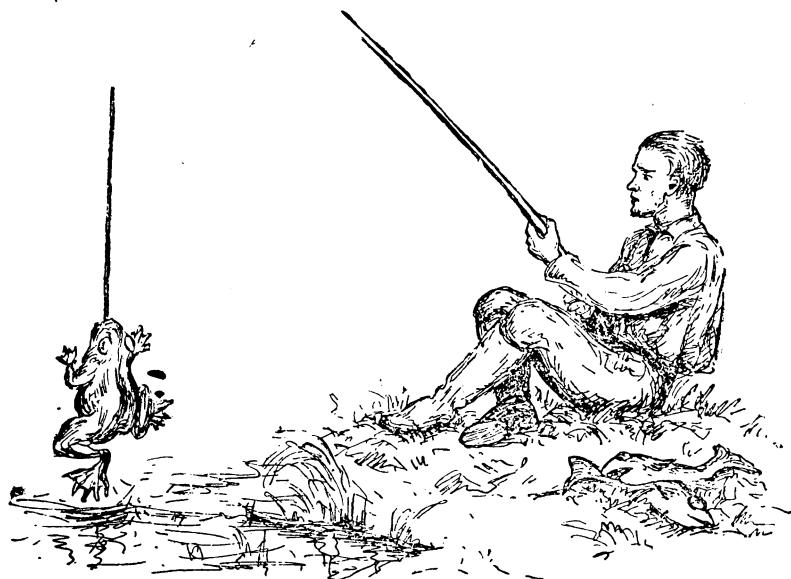
— А вблизи что видно?

— Вблизи только сплошной лес во все стороны, море зелени без полян.

— Наши товарищи очевидно скоро вернутся, если везде такая чаща.

Через час ушедшие вернулись почти ни с чем; они шли все время по тропе между зелеными стенами, набрали немного растений, видели мелких птиц, слышали разные шорохи в чаще, но полян не встретили. Зоолог, оставшийся у речки, оказался более счастливым: на удочку попалось несколько крупных рыб, похожих на сибирского моксунна, и огромная зеленая лягушка, достигавшая тридцати сантиметров в длину.

Отдохнув, поплыли дальше. Часа через два на правом берегу речки показался довольно высокий холм, потом другой,

На удочку Папочкина попалась, достигавшая тридцати сантиметров в длину, огромная зеленая лягушка

третий; но они были еще покрыты сплошным лесом, состоявшим уже из деревьев более типичных для умеренного пояса: липы, клена, вяза, бук, ясения, дуба; в долинах между холмами темнели ели и пихты. В зеленой чаще щебетали и пели птицы; по временам замечали белок и бурундуков,¹ прыгавших с ветки на ветку.

¹ Бурундук — маленький зверек из отряда грызунов, похож на белку, но отличается от нее желтым цветом шерсти с черными продольными полосами по бокам, более жидким хвостом и меньшей величиной. Живет в лесах Сибири в норах под корнями деревьев, почему его называют земляной белкой.

Ветви деревьев, оплетенные плетцем, хмелем, диким виноградом, выонками, местами свешивались над водой.

— Во время вечерней экскурсии мы сегодня увидим кое-что новое, — заметил Громеко. — Растительность изменилась и свидетельствует о более теплом климате этих мест.

— Несомненно! — сказал зоолог. — Вчера я чувствовал себя еще на севере Сибири, а сегодня природа напоминает мне мои родные места — юг России.

— Не наткнемся ли мы сегодня уже на настоящих тигров? — предположил Мажшев.

— Пожалуй правильнее будет не делиться на партии, а итти всем вместе, чтобы лучше отражать опасности, — предложил Каштанов.

Холмы постепенно становились выше, так что их можно было назвать даже горками; их северные склоны были покрыты густым лиственным лесом, тогда как южные представляли поляны с отдельными деревьями и кустами; кое-где как будто виднелись скалы, возбудившие тромадный интерес геолога.

— Ну, сегодня и геология получит кое-что! — воскликнул Мажшев.

— Давно пора; мой молоток соскучился по работе. Ведь единственный холм в тундре обманул его ожидания! — смеялся Каштанов.

— А потому остановимся на ночлег, — предложил Громеко, — мы сегодня проплыли около ста километров.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Место стоянки выбрали близ подножия высокого холма, отделенного от правого берега реки неширокой полосой высокоствольного леса. Подкрепившись чаем и закуской, отправились вчетвером к холму. У палатки оставили Генерала, привязанного на длинной веревке к дереву. Через лес нашли тропу, вне которой чаща подлеска была так густа, что без топора нельзя было бы подвинуться ни на шаг — разнообразные кусты и вьющиеся растения сплетались в сплошную зеленую массу, окаймлявшую тропу с обеих сторон. Через зеленый щит над головами пробивались только отдельные лучи красноватого света.

Охотники подвигались друг за другом молча, с ружьями наготове, посматривая то вперед, то вверх на деревья, где могли внезапно показаться интересная добыча или опасный враг. Но кроме мелких птиц и белок не видно было никого.

До склона холма дошли без помехи и начали подниматься на него. Трава оказалась не выше колен, и Громеко, отставая от прочих, увлекся сбором растений.

Пока зоолог осматривал и описывал убитую им большую змею, Капитанов с трудом отбил образчик породы. Это была какая-то странная, очень вязкая порода желто-зеленого цвета с мелкими вкраплениями серебристо-белого металла; рассмотрев ее в лупу, геолог воскликнул с удивлением:

— Знаете ли из чего состоят эти скалы? Они имеют такой же состав, как и аэrolиты¹.

— Что это значит? — спросил Макшеев.

— А это значит, что гипотезы геологов о составе более глубоких частей земной коры оправдываются. Мы очевидно находимся в пределах так называемого оливинового пояса² — пояса тяжелых каменных пород, богатых железом и по составу оказывающихся тождественными с каменными метеоритами, которые падают на нашу землю из межпланетного пространства, представляя осколки мелких планет. Нужно ду-

¹ Аэrolиты или метеориты — железные или каменные массы, падающие на землю из мирового пространства в виде более или менее крупных кусков, оплавленных с поверхности, так как при быстром полете сквозь атмосферу они раскалываются; состоят из железа с никелем или из более легких минералов.

² Оливиновый пояс, по предположению ученых, залегает на значительной глубине под поверхностью земли под толщей более легких горных пород земной коры, представляет слой из более тяжелых пород, в состав которых входит минерал оливин, и отделяет легкие поверхностные слои от металлического земного ядра.

Свиньи делали тщетные попытки вскочить на гладкие уступы

мать, что мы встретим еще сплошные металлические горные породы.

Когда подошел Громеко, набравший целый сноп разных растений, стали подыматься выше по склону, осторожно ступая по траве, в которой могли скрываться ядовитые пресмыкающиеся. Иногда по сторонам действительно слышалось щуршанье, удалявшееся от путешественников, которые не имели желания преследовать беглецов.

На вершине холма тянулась скалистая гряда и на скалах грелись на солнце многочисленные кручинные ящерицы желто-зеленого цвета с темными пятнами, до того похожие на выступы камня, что Каштанов даже схватил одну из них рукой, но поплатился болью укушенного пальца. После этого он сначала пробовал молотком все подобные выступы, боясь ошибиться еще раз.

Северный склон холма, обращенный в сторону влажных ветров, был покрыт густым лесом, проникнуть в глубь которого без топора было трудно. Южный склон, осмотренный охотниками, представлял луг с отдельными деревьями. С вершины холма можно было обозреть местность на далекое расстояние: на юг, восток и запад уходили подобные же или более высокие холмы до горизонта, на север же они понижались и разбегались, и в этой стороне, вдали, на равнине видна была сплошная полоса лесов, местами только разорванных серебристыми лентами рек.

Охотники сидели на вершине холма, рассматривая даль, когда из леса, оканчивающегося на северном склоне в нескольких метрах ниже гребня, показалось стадо диких свиней. Передний кабан, с высокой щетиной вдоль хребта, с гро-

К кабанам вдоль опушки прокрадывался крупный зверь

мадными белыми клыками, остановился и поднял голову с злобно сверкающими глазами; его пятакоч вытягивался и втягивался, нюхая воздух. За ним столпились свиньи и поросыта разного возраста. Эти многокопытные по внешности отличались от знакомых зоологу диких свиней разве только более крупными размерами.

— Ну вот и ужин сам пришел к нам! — сказал Машеев. — Я думаю, что дикий поросенок на вертеле должен быть превкусным.

— Особенной нужды в мясе нет, — ответил Громеко, заведывающий провизией. — У нас есть еще оленина.

— Но иметь запас не мешает, охота не всегда бывает удачна.

— А вы знаете, что стрелять свиней не безопасно, — предупредил Папочкин, — разъяренный кабан — страшный противник.

— Поднимемся выше на скалы, куда они не могут взобраться, и подстрелим пару поросят, — предложил Каштанов.

Взобрались на самый гребень; Машеев заложил патрон с картечью и выстрелил в поросят. Стадо, за исключением трех поросят, забившихся в траве, шарахнулось в разные стороны; но затем вожак и свиньи подбежали к скале и стали кружить вокруг ее подножия, делая тщетные попытки вскочить на гладкие уступы, что увеличивало ярость животных. Благодаря этой осаде охотники могли рассмотреть свиней на самом близком расстоянии. Когда любознательность зоолога была удовлетворена, возник вопрос, что делать дальше.

— Ведь они могут продержать нас здесь целые сутки! Корм у них под носом, а у нас нет, да и сидеть неудобно, — заявил Каштанов. — Придется отгонять их выстрелами.

В это время Машеев, давно уже наблюдавший опушку леса, воскликнул:

— К нам или к кабанам вдоль опушки прискрадывается крупный зверь; я вижу только его желтую спину.

— Где, где он?

— Вот там сейчас была видна спина, перед тем кустом, который выдвинулся на поляну, следите теперь правее куста.

Все устремили взоры на указанный куст, и действительно правее его показалась буро-желтая, медленно двигавшаяся масса, на которой можно было различить более темные поперечные полосы.

— Опять медведь? — предположил Машеев.

— А может быть на этот раз окажется тигр, — сказал Папочкин. — Он крадется по-кошачьи.

— Я думаю, пора стрелять, — заявил Каштанов.

— В кого же стрелять, в зверя или в кабанов.

— Лучше в кабанов. Если они побегут в лес, они насткнутся прямо на хищника, и он займется их преследованием. Если они повернут в другую сторону, он переменит свою позу, и мы сможем лучше рассмотреть его или подстрелиТЬ, когда он станет удобнее. А сейчас видна только спина, и выстрел будет неверный.

— Дадим по кабанам сначала один выстрел, а три ружья пусть следят за хищником.

Зоолог, сидевший на выступе скалы, прицелился в во-жака, когда последний вскочил передними ногами на уступ, стараясь достать клыками самог Макшеева. Выстрел на близком расстоянии сразу свалил кабана, остальные испугались и бросились бежать к лесу. Когда они почти достигли опушек, слева от них быстро взвилось буро-желтое тело хищника и настигло кабанов прыжком в несколько метров длины.

— Это не медведь, а тигр! — воскликнул Папочкин, наблюдавший хищника во время его прыжка.

— Конечно, — подтвердил Каштанов, — повидимому из породы сабельных, судя по огромным клыкам верхней челюсти. Эта порода имела большое распространение в третичный период, но в конце его вероятно исчезла.

— Этот уйдет от нас к сожалению. Смотрите, он потащил свою добычу в лес, должно быть чувствует, что наше соседство небезопасно! — вскричал Макшеев.

— Ну и пусть, сегодня у нас достаточно материала, — сказал Папочкин, занявшийся обмером убитого кабана. — Потащим мы этого дьявола тоже к лодке или ограничимся поросняками?

— Если он жирен, то сало не мешало бы захватить, — заметил Громеко. — Тогда можно будет жарить мясо на сковороде. Ну, вы кончайте с ним, а я пособираю еще растений.

ЛЕТЧИК ПОНЕВОЛЕ

Каштанов занялся опять изучением скал, Макшеев и зоолог принялись за кабана и пороссят, а Громеко перевалил на южный склон холма и медленно спускался вниз, увлекаясь сбором растений, среди которых находил много новых видов и родов.

Вдруг по холму промелькнула огромная тень, словно от тучки, застонившей солнце: зоолог и его помощник вздрогнули и подняли головы. Они увидели темную птицу огромной величины, похожую на орла, которая кружила над поляной.

Внезапно она сделала резкий нырок вниз, схватила наклонившегося ботаника за спину и понесла его. Но птица оказалась слишком тяжелой даже для этого сильного шерниатого. Усиленно махая крыльями, штица летела на высоте всего четырех метров, не будучи в состоянии подняться выше, но и не желая бросить свою добычу, повисшую беспомощно в ее когтях.

Паночкин и Макшеев схватили ружья, но первый тотчас же опустил свое со стволами:

— У меня патрон с картечью, и я могу поранить тварища.

Макшеев, зарядивший ружье пулей, предназначавшейся для тигра, прицелился и выстрелил, когда птица поравнялась с ним.

Она ныриула вниз, выпустила ботаника и, пролетев немного, рухнула на скалы.

Охотники побежали к Громеко, лежавшему без сознания на склоне, лицом вниз. Его толстая вязаная куртка была изорвана когтями птицы, но благодаря тому что она не обтрягивала тело, а лежала свободными складками, когти захватили только ее и лишь сильно расцарапали тело. Ботаника привели в чувство, перевязали раны, и когда он пришел в себя, Паночкин и Макшеев полезли на гребень холма за птицей. Это был гриф¹ невиданной величины, достигавший более четырех метров в размахе крыльев и почти полутора метра от конца хвоста до клюва; оперение было темно-буровое сверху и светлобурое с темными полосками снизу. Вокруг

¹ Грифы — крупные хищные птицы, похожие на орлов, но с почти голой головой и шеей, окруженной воротником из перьев. Живут в теплых странах и питаются преимущественно падалью, которую видят с высоты полета на огромном расстоянии.

почти голой шеи красовался большой воротник из грязно-белых перьев, а в начале огромного клюва поднимался большой желтый нарост.

Такая птица могла свободно унести барана, козу, небольшую свинью, но человек в семьдесят килограммов весом

Макшеев, зарядивший ружье пулей, прицелился и выстрелил, когда птица поравнялась с ним

был для нее нещосильной пошней, и она очевидно ошиблась, приняв ботаника за бурое четвероногое, бродившее по траве.

Грифа обмерили и сфотографировали с распростертыми крыльями на скале, куда поднялся и Громеко, чтобы рассмотреть своего обидчика. Он объяснил товарищам, что, когда птица внезапно вцепилась ему в спину, больно ударив с раз-

маха своим телом, он подумал, что сделался жертвой тигра и лишился сознания.

— Не вернемся ли мы теперь к стоянке? — сказал Папочкин. — Сегодня мы уже подверглись нападению кабанов, грифа, видели близко тигра, — не довольно ли искушать судьбу?

Все устали от ходьбы и волнений и с удовольствием отправились назад, нагруженные поросятами, окороками и жареными боками кабана, горными породами и растениями.

Приближаясь уже к палатке, охотники услышали неистовый лай Генерала и поспешили к нему на помощь. Выбежав на лужайку речного берега, они увидели, что собака ласт из-за палатки, а в воде, упервшись ногами в берег, стоит огромный гиппопотам. Чудовище очевидно хотело попасть или повалиться на лужайке, но было озадачено шумом, который подняла собака. Гиппопотам тупо смотрел на этого невиданного беспокойного зверя своими маленькими глазками и по временам разевал ужасную пасть с редкими длинными зубами и огромным розоватым языком. При виде этой пасти Генерал начинал выть и визжать от страха.

Заметив людей, выбежавших на лужайку, чудовище неуклонно повернулось, мягко бухнулось в воду и поплыло вниз по реке, выставляя широкую жирную спину с мелкими бородавками.

— Хорошо, что мы вернулись домой, — заявил Громеко, отвязывая Генерала. — Это чудовище могло бы нам натворить неприятностей: изорвать палатку, перетоптать все вещи и утопить или продырявить лодки.

— А целы ли еще лодки? — воскликнул Макшеев и побежал к берегу, откуда сейчас же крикнул:

— Одна на месте, а другая исчезла! Не оборвал ли этот урод ее причал?

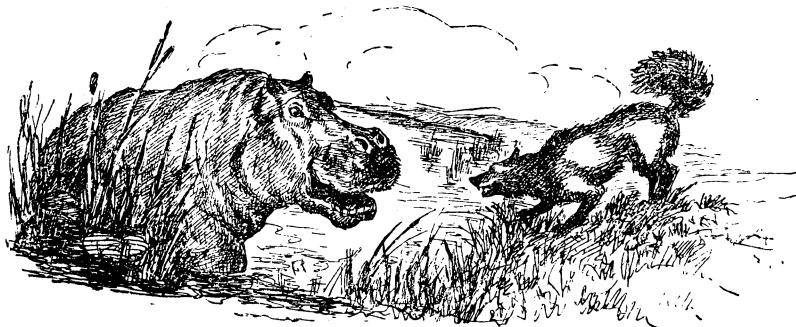
— Нужно логнаться за ней сейчас, пока она не уплыла далеко! — вскричал Каштанов, также побежавший к берегу.

Оба сели в оставшуюся лодку, захватив на всякий случай ружья, и поплыли вниз по течению; вскоре они увидели беглянку, которая вместо того чтобы плыть спокойно вниз, вертелась на одном месте посреди реки. Они быстро приблизились, и Каштанов хотел уже зацепить ее багром, но лодка внезапно, точно живая, отпрянула в сторону и понеслась дальше, но гораздо быстрее течения. Пришлось опять тнаться; Макшеев греб изо всех сил, а Каштанов стоял с багром в руках.

— Да ее кто-то тащит! — воскликнул он, когда лодка, бывшая опять совсем близко, снова начала отделяться толчками.

— Не подцепил ли ее гиппопотам? Он мог запутаться ногой или захватить зубами причал.

— Он и есть — вскричал Каштанов, заметивший теперь впереди лодки широкую спину и голову животного, всплывшего подышать.

Гиппопотам тупо смотрел на беспокойного зверя своими маленькими глазками и по временам разевал пасть

— Если мы будем стрелять в эту тушу, он исплынет еще быстрее или утащит лодку на дно.

— Остается догнать ее и перерезать веревку, иначе мы не освободим лодку.

Макшеев оинять налег на весла. Вскоре ему удалось зацепить беглянку багром и подтянуться вдоль нее к ее носу, плывя на буксире у гиппопотама. Каштанов быстро перерезал туго натянутую веревку, конец которой сразу исчез под водой.

— Еще бы немножко и я бы выбился из сил, — сказал Макшеев, переводя дух после гонки. — Если бы не жаль было заряда, следовало бы щустить этому уроду пулью в спину за такие штуки.

— Мы уплыли далеко от начатки, — заметил Каштанов. — Теперь придется грести против течения. Давайте я сяду на весла, а вы отдыхайте.

Переменились местами, взяли на буксир пойманную лодку и потянулись вверх по воде.

— Глубокой стала наша речка, — сказал Макшеев, пытавшийся подталкивать лодку багром, но не доставший дна, которое было на глубине двух метров. — Недаром в ней появились такие крупные животные. Теперь нам ради предосторожности придется вытаскивать лодки на ночь и во время экскурсий на берег.

Тихо подвигаясь вверх по реке, обе лодки плыли по

темной воде между двумя зелеными стенами кустов и деревьев, образовавших непроницаемую чащу. Иные кусты, подмытые рекой, наклонились и спускали свои ветки в воду. На крупных ярко-красных цветах какого-то незнакомого вьющегося растения качались красивые большие бабочки и журчали пчелы.

Вода журчала под носом лодок, весла мerrно плескали, из чащи доносилось щебетанье и пение птиц. Макшеев склонился над бортом и смотрел в воду, следя за рыбами, которые местами появлялись и исчезали в глубине.

— Как хороша здесь природа, если наблюдать ее с лодки, — промолвил он. — А сойдешь на берег — не проберешься через чащу, не ступишь ни шагу, не наткнувшись на какого-нибудь ядовитого или хищного зверя. Просто трудно поверить, что после многодневной борьбы со льдами, туманами и метелями мы плывем по реке, текущей по внутренней поверхности нашей земли. И так близко от этих льдов природа, напоминающая девственные леса Африки или Южной Америки. Интересно бы знать, под какой широтой Северной Америки мы сейчас находимся?

— Это нетрудно определить, если проложить на карте наш маршрут, начиная от ледяного вала. Я думаю, что мы еще только под морем Бофора, под очень высокими широтами или в лучшем случае под тундрой северного берега Аляски. Там чертовский холод, льды, белые медведи, а здесь пышная растительность, тигры, гиппопотамы, змеи.

В это время Макшеев увидел в воде ясное отражение солнца, быстро поднял голову и воскликнул:

— Ба, красное солнышко наконец показалось на чистом небе, смотрите-ка!

Путешественники, привыкшие видеть Плутона только сквозь более или менее пустую пелену тумана или облаков, еще не имели представления о цвете неба и настоящем виде этого светящегося ядра земли. Теперь же эта пелена разрывалась, образуя кучевые облака, в промежутках между которыми видно было чистое небо, но не голубое, как над внешней поверхностью земли, а темносинее.

В зените стоял Плутон, диаметр которого казался немного больше видимого солнечного.

Это подземное или «внутриземное» светило в общем напоминало солнце, светящее перед закатом или вскоре после восхода через толстый слой атмосферы. На его диске можно было различить довольно много темных пятен различной величины.

— Это центральное светило или настоящее ядро нашей

земли находится уже в последней стадии своей жизни, представляя потухающую красную звезду. Еще немного — и оно потухнет! На внутренней поверхности воцарится мрак и холод, и вся эта пышная жизнь постепенно погибнет, — сказал Каштанов.

— Хорошо, что мы успели забраться сюда и изучаем ее! — воскликнул Мажинев. — Немного позже нам бы пришлось вернуться вспять, мы бы увидели только черную ночь впереди.

— Ну, я сказал «немного» в геологическом смысле. В переводе на земные годы это может быть равносильно целым тысячелетиям, так что наши отдаленные потомки будут иметь еще возможность изучать эту внутреннюю поверхность и даже колонизировать ее.

— Благодарю покорно! Переселиться в страну, осужденную на гибель во мраке вечной ночи!

ТРОПИЧЕСКАЯ ГРОЗА

Так в оживленной беседе незаметно прошло время, и обе лодки причалили к месту стоянки, где Папочкин и Громеко ожидали уже с ужином. Поросенок в вареном и жареном виде, приправленный диким луком, собранным ботаником на холме, оказался превкусным. Сообща решили, что впредь нужно обращать больше внимания на съедобные плоды, коренья и травы, чтобы сделать лицу разнообразнее. Все овощные и мучные консервы были оставлены в юрте, и с собой из припасов взяты только чай, сахар, кофе, немного сухарей и приправы, как соль, перец, экстракти. Охота и рыбная ловля должны были доставлять главную часть пищи, которую продукты местной флоры могли улучшить.

На время сна вблизи палатки развели большой костер и поочереди караулили, потому что встреча с тигром заста-

вляла опасаться нападения хищников. Каждый караульный действительно слышал в близком лесу разные шорохи, треск, взлеты и крик испуганных птиц, а Генерал часто настораживался и ворчал.

На следующий день в первые часы плавания местность сохраняла тот же характер: продолжались холмы, лесистые с севера, степные с юга, и сплошной лес по берегам реки. Полуденную стоянку сделали на левом берегу, на которой Каштанов и Громеко полезли после обеда.

В составе флоры оказалось много нового: попадались уже вечно зеленые растения — миры, лавры, лавровицши. Эрешник достигал огромных размеров, не уступая дубам, букам и вязам; на южном склоне попадались бук, кипарисы, тун и тисс. Великолепные магнолии распустили свои крупные, белые, благоухающие цветы. В чаще вдоль реки попадалась бамбук и разные лианы. Громеко восторгался на каждом шагу.

Температура воздуха в тени в этот день достигла уже 25°, так как северный ветер, до сих пор сопутствовавший путешественникам, прекратился. Воздух становится тяжелым, насыщенным испарениями густых лесов. Исследователи лазили по склону холма с трудом, обливаясь потом, хотя солнце светило тускло сквозь пелену облаков.

Под влиянием зноя вся природа словно оцепенела и замерла, птицы и звери притаились в тени.

На вершине холма Каштанов и Громеко присели отдохнуть и, повернувшись лицом на север для осмотра местности, обнаружили причину невыносимого зноя: на горизонте вздымалась зубчатой стеной с фантастическими башнями огромная темнолиловая туча надвигавшейся грозы, окаймленная спереди сине-багровым валом клубившихся облаков, под которыми сверкали ослепительные молнии; этот вал быстро приближался.

— Нужно бежать к лодкам! — воскликнул ботаник. — Ливень наверно будет тропический!

Оба пустились вниз по склону, путаясь ногами в высокой траве и скользя на более крутых местах. Через десять минут они добежали до стана, где Макшеев и Папочкин ждали их уже с нетерпением, не зная, что предпринять. Палатка могла не выдержать потоков дождя и ударов весьма вероятного града. Река могла выйти из берегов, потащить вырванные деревья, так что в лодках было бы небезопасно. Целесообразнее казалось выгрузить все на берег, вытащить лодки и спрятаться в кусты.

Обсуждая этот план с товарищами, Папочкин вспомнил,

ЧТО НИЖЕ по реке, во время маленькой экскурсии, предпринятой в погоне за большой водяной змеей, он видел в конце

В составе флоры оказалось много нового: попадались уже вечно зеленые растения

холма нависшую скалу, которая могла дать им защиту от дождя. Но нужно было торопиться, — гроза быстро прибли-

жалась! Все вскочили в лодки, подплыли к скале, и в несколько минут все было выгружено и втащено под навес, оказавшийся достаточно просторным, чтобы вместить не только людей, собаку и вещи, но и самые лодки, которыми загородились со стороны ветра. Выгнав несколько небольших змей, приютившихся в расселинах скалы, путешественники могли уже спокойно наблюдать величественное зрелище атмосферной катастрофы.

Сине-багровый вал докатился уже до половины неба и закрыл солнце; снизу он казался теперь совершенно черным. Это была какая-то бездна, которую то-и-дело прорезывали ослепительные зигзаги молний, сопровождавшиеся такими раскатами грома, каких никто из наблюдателей еще не слыхал. То раздавались один за другим оглушительные взрывы, то треск, словно рвались на части огромные куски крепкой материи, то залпы сотен тяжелых орудий.

Близлежащий лес глухо шумел под первыми порывами ветра. С севера надвигался еще какой-то ужасный грохот, наводивший трепет и постепенно заглушавший даже раскаты грома. Казалось, что оттуда несется исполинский поезд, скрушающий все на своем пути.

Путешественники побледнели и с тревогой оглядывались по сторонам.

Вихрь уже налетал. В воздухе кружились бесчисленные листья, цветы, сучья, ветви, целые кусты, вырванные с корнем, и птицы, не успевшие укрыться в глубине леса. Становилось все темнее и темнее. Кругом свистело, шипело, трещало в промежутках между оглушительными раскатами грома. Огромные капли дождя и отдельные градины шлепались на землю и в воду, которая бурлила и пенилась. Затем наступила полная темнота, и только при свете молний на отдельные мгновенья открывалась ужасная картина: казалось, что весь лес поднялся на воздух и несетя с потоками дождя и града. Грохот заглушал даже громкий крик на ухо.

Но эта катастрофа продолжалась всего минут пять. Быстро стало светать, порывы ветра ослабели, шум и раскаты удалялись на юг, а дождь только накрапывал. Зато река сразу вздулась, сделалась красно-буровой и грязной, покрылась пеной и несла листья, сучья, ветви и целые деревья. По небу мчались еще клочья серых туч, но Плутон уже проглядывал, освещая следы опустошения, оставленные бурей.

Путешественники вылезли из-под навеса и осмотрелись. Оказалось, что возле лодок нагромождена целая куча листьев, веток и сучьев, перемешанных с градинами, вели-

чиной в грецкий орех. Несколько заостренных сучьев были брошены с такой силой, что пробили парусиновые бока лодок. Нужно было немедленно заняться их починкой. Достали иголки, нитки и кусочки просмоленной парусины и принялись за дело.

Починка лодок заняла около часа, а за это время река вошла опять в свои берега, очистилась от обломков, и можно было продолжать плавание. Черная туча уже исчезла на юге за холмами, и путешественники впервые могли наблюдать безоблачный темносиний небесный свод.

— И подумать только, — сказал Паночкин, уже сидя в лодке, — что прямо над нами, над этим синим небом, на расстоянии примерно десяти тысяч километров, находится такая же земля с лесами, реками и разным зверьем. Как интересно было бы видеть ее над головой!

— Расстояние слишком велико, — заметил Каштанов. — Слой воздуха такой толщины с пылевыми частицами и парами воды не может быть достаточно прозрачным, а земля, покрытая зеленью, отражает мало света, недостаточно ярка.

— А обратили ли вы внимание, — спросил Макшеев, — когда мы вчера осматривали окрестности с сравнительно невысокого холма, что вдали видно гораздо лучше, чем там, наверху? Мы могли наблюдать лесистую равнину вероятно километров на сто, благодаря тому что поверхность, на которой мы находимся, не выпуклая как на земле, а вогнутая. Казалось, что мы стоим на дне плоской чаши.

— Теоретически кругозор наш должен был быть неограниченный, мы должны были бы видеть местность не на сто, а на пятьсот или тысячу километров, поднимающуюся все выше и выше к небу. Но на большом расстоянии нижние слои воздуха становятся уже недостаточно прозрачными, и очертания предметов делаются постепенно расплывчатыми, сливающимися друг с другом.

— Следовательно линия горизонта здесь не может быть так резка и отчетлива, как там, наверху. В сущности здесь нет горизонта, а мы видим постепенный переход земли в небо!

— Но только до сих пор вследствие низко стоявшихся туч или тумана мы не могли обратить внимания на этот факт.

Под вечер река значительно расширилась, но зато быстрота ее течения уменьшилась, вследствие этого приходилось постоянно работать веслами, чтобы достаточно быстро продвигаться вперед.

В зеленых стенах обоих берегов местами видны были

разрывы, куда уходила часть воды в виде узких рукавов или откуда эта вода возвращалась к главному руслу. Среди этого русла появились острова, окаймленные густыми камышами, поднимавшимися над водой.

Огибая один такой остров, путешественники заметили разрыв в поясе камышей, в глубине которого была видна тропинка, уходившая в зеленую чащу. Макшеев направил свою лодку в разрыв, чтобы высадиться на берег и осмотреть остров. Но едва только лодка мягко ткнулась носом в илистый откос, как из зеленой чащи выглянула голова сабельного тигра. Два ослепительно белых клыка, длиной не менее тридцати сантиметров, спускались из верхней челюсти, как у моржа. Зверь очевидно был сыт и не намеревался нападать; он широко разинул пасть, словно зевая, затем голова скрылась в чащце. Присутствие этого страшного хищника заставило отказаться от высадки на остров.

На следующий день река опять сузилась, и течение стало быстрее.

Растительность приобретала все более и более субтропический характер: дубы, буки, клены встречались реже. Их вытесняли магнолии, лавры и много других деревьев, которые ботанику были известны только по названию и по чаямым экземплярам оранжереи. Впрочем веерные и саговые пальмы было не трудно определить и с лодки.

Холмы появлялись изредка и стали ниже, но шире. На склонах они заросли пышными травами, по пояс высотой, и отдельно стоящими деревьями или группами их, напоминая галлерейные леса Центральной Африки.

Сплошная чаша тянулась вдоль берегов реки, занимая более низменную местность.

На обед остановились вблизи такого холма, чтобы сделать более продолжительную экскурсию для изучения флоры. Макшеев согласился караулить лодки, а остальные трое после обеда отправились к холму.

ДВИЖУЩИЙСЯ БУГОР

Первые метры дороги пришлось прорубать топором через хаос лиан и кустов. Но затем под высокими зелеными сводами огромных мицовых, лавровых и других деревьев, где царил полумрак, подлесок сделался менее густым. Между группами папоротников и стволами деревьев почва была покрыта мхами разных видов и великолепными орхидеями. Высоко вверху щебетали и трещали насекомые, а внизу все было тихо. Изредка показывалась бесшумно скользившая змея или крупная ящерица.

Ближе к подножию холма лес начал редеть, и красноватые лучи Плутона проникали до земли; здесь было больше жизни, большие кусты, трав и цветов. Охотники напали на тропинку, извиавшуюся между деревьями, ишли по ней, надеясь, что она выведет из леса. Впереди шел Каштанов, за ним Папочкин, оба с ружьями наготове, зорко посматривая вперед и в стороны. Громеко замыкал шествие, часто отставая для сбора растений.

Вдруг Каштанов остановился и поднял руку в знак внимания: впереди слышался сильный треск и легкое ворчанье. Затем на тропе появилось исполинское животное странного вида, похожее на медведя, но с длинным пушистым хвостом и длинной, узкой головой.

— Это — муравьед, — прошептал зоолог. — Виды его, известные в Южной Америке, очень смиренные, несмотря на страшный вид и огромные когти. Но они гораздо меньше этого экземпляра, ведь этот имеет более двух метров в высоту.

Между тем муравьед заметил людей, загородивших ему дорогу, и остановился в нерешительности.

— Сойдем с тропы, — прошептал зоолог. — Пусть он пройдет мимо нас и даст себя рассмотреть получше.

Охотники сошли в сторону и спрятались за группу густых кустов. Муравьед постоял еще несколько минут, недоверчиво всматриваясь в лес, затем потихоньку пошел вперед, останавливался через каждые пять-шесть шагов и оглядываясь по сторонам. Во время такой остановки Папочкин успел его сфотографировать сбоку, после чего животное, услышав щелк затвора, пустилось бежать, покачиваясь на своих толстых лапах и вытянув хвост; от носа до кончика хвоста оно имело не менее четырех метров.

Выходя из леса, путешественники очутились у подножия холма, пологий склон которого тянулся вверх. Каштанов с

досадой смотрел на этот однобразный склон, не обещавший ему добычи, тогда как ботаник был в восторге от обилия незнакомых цветов среди густой травы и занялся их сбором. Вдруг геолог заметил у самого подножья холма довольно большой куполообразный бугор, голые скаты которого отливали металлическим блеском.

— Ну вот и для меня пожива! — воскликнул он, вытаскивая молоток и направляясь почти бегом к бугру, в то время как Папочкин занялся ловлей новой ящерицы, спасшейся от него на небольшом деревце.

Дойдя до бугра, Каштанов остановился в изумлении — бугор был совершенно голый, лишенный даже малейшей травки, и вся его поверхность состояла из шестисторонних пластинок бурого цвета с темными ободками.

Удивленный геолог попробовал отбить молотком кусочек породы, но молоток отскочил от поверхности бугра. Почти одновременно с ударом молотка сильный толчок сшиб геолога с ног. Каштанову показалось, что холм сдвинулся с места и вся почва пришла в движение.

— Страшное землетрясение! — закричал он своим товарищам, которые были от него на расстоянии сорока шагов.

Услышав этот возглас, Громеко и Папочкин переглянулись с удивлением. Они не ощущали никаких признаков землетрясения. Но взглянув в сторону, где находился Каштанов, они были поражены: бугор медленно перемещался по склону холма.

После минуты недоумения оба побежали на перерез этому странному движущемуся бугру, основания которого не было видно из-за густой травы. Подбежав ближе, Папочкин воскликнул со смехом:

— Да это исполнская черепаха. Петр Иванович, вы приняли за холм черепаху.

В это время бугор повернулся в сторону преследователей, которые увидели выдвинувшуюся из-под него довольно длинную шею и противную голову, не меньше быччьей, усаженную мелкими щитками. В раскрытой пасти видны были пластинчатые зубы, сзади же выступал огромный хвост, похожий на толстое бревно, удар которого мог переломить ноги.

Животное продолжало бежать вдоль склона, и вскоре его голова и хвост скрылись в траве. Оно опять поразительно напоминало движущийся голый бугор.

После обмена шутками по поводу забавного приключения геолога, принявшего живую черепаху за каменный холм, Каштанов заметил товарищам:

— Я полагаю впрочем, что это была совсем не черепаха, а глиптодон, животное из семейства броненосцев, жившееся на земле в плиоценовую эпоху третичного периода¹ наряду с огромными муравьедами, гигантскими ленивцами, мастодонтами и громадными носорогами. Остатки этих животных найдены в изобилии в Южной Америке.

— Огромного муравьеда мы ведь встретили в лесу, — напомнил Памочкин.

— Эта встреча меня и навела на высказанную мысль. Ведь если мы в более северном поясе, вблизи границы льдов встретили в живом состоянии такие окаменелости, как мамонта, длинношерстного носорога, первобытного быка, пещерного медведя, исполнинского оленя, которые на земле жили в послетретичное время, то нет ничего удивительного в том, что южнее, где господствует такое тепло, сохранились формы еще более древнего времени — плиоцена.

— А еще южнее, развивая вашу мысль, мы должны встретиться и с более древней фауной — миоценовой, эоценовой, меловой, юрской и т. д.? — спросил зоолог с некоторым недоверием.

— Я этому нисколько не удивлюсь, — заметил Громеко. — С тех пор как мы открыли этот странный внутрьземной мир, я перестал удивляться чему бы то ни было и готов приветствовать игуанодонов, плезиозавров, птеродактилей, трилобитов² и другие палеонтологические чудеса.

¹ Геологическая хронология жизни земли установлена следующая (от современности вглубь времен):

<i>Эры</i>	<i>Периоды</i>
1. Кайнозойская (эра новой жизни)	Четвертичный
2. Мезозойская (эра средней жизни)	Третичный
3. Палеозойская (эра древней жизни)	Меловой
4. Протерозойская	Юрский
5. Архейская	Триасовый
	Пермский
	Каменноугольный
	Девонский
	Силурийский
	Кембрийский
4. Протерозойская	Общепризнанного деления
5. Архейская	на периоды нет

Каждый период делится на эпохи. В третичном различают плиоцен, миоцен, олигоцен, эоцен и палеоцен (самый древний).

² Трилобиты — вымерший отряд ракообразных, тело которых ясно делилось на три части — головной щит, многочленистое тело и хвостовой щит; жили от кембрия до каменноугольного периода. С остальными животными, упомянутыми Громеко, мы познакомимся дальше.

— В таком случае жаль, что мы не подстрелили муравьеда и глиптолона. Чем мы сможем доказать их существование? Глиптолона я даже не сфотографировал.

— Может быть мы встретим их еще раз.

— А кстати, пора возобновить запас мяса, — заявил Громеко, — иначе захтру придется есть одно свиное сало.

По соседству со слонами ходило несколько антилоп огромной величины

Во время этого разговора охотники медленно поднялись по склону холма и достигли его гребня, вдоль которого тянулись узкой полоской довольно густые кусты, скрывавшие, к радости Каштанова, небольшие выходы горных пород. Геолог немедленно пустил в дело свой молоток, но Папочкин, пролезший уже через кусты, остановил его возгласом:

— Потише, на том склоне зверинец травоядных.

Каштанов прекратил стук, спрятал добытый образчик в карман и полез через кусты; Громеко следовал за ним.

На южном склоне холма, еще более пологом, они увидели разнообразных, мирно пасшихся животных. Ближе всего к ним находилось семейство носорогов, сильно отличающихся как от живущих в Индии и Африке, так и от длинношерстного носорога. Это были толстые, приземистые коротконогие твари, похожие скорее на небольших гиппопотамов; но форма головы и короткий толстый рог самца выдавали их породу. У самки вместо рога была только большая мозолеобразная шишка. Детеныш, резвившийся возле матери, походил на огромную ливерную колбасу; чтобы добраться до источника молока, он ложился на землю и про-

тискивался боком под брюхо матери, которая передвигалась, придавливала его, что вызывало недовольное хрюканье обиженного малыша.

Немного далее на склоне паслось стадо огромных слонов. Рассмотрев их в бинокль, Каштанов заявил, что это вероятно мастодонты; они отличались от мамонта длинными и

На опушке леса находились странные животные, похожие отчасти на жирафа, отчасти на верблюда

прямymi бивнями, покатым лбом и более длинным туловищем.

По соседству с ними ходило несколько антилоп огромной величины, буро-желтых с черными пятнами, как у леопарда, с длинными, саблевидными рогами. Они передвигались скачками, потому что задние ноги были значительно длиннее передних; Громеко сначала принял их за огромных зайцев.

На опушке леса находились еще более странные животные, похожие отчасти на жирафа, отчасти на верблюда: сходство с первой состояло в очень длинной шее и голове с небольшими рожками, а признаками верблюда являлись бурый цвет и форма тулowiща с небольшим горбом. Парочка этих животных, в которых Каштанов признал родонаучальника верблюда и жирафы, ходила вдоль опушки, свободно срывая веточки и листья на высоте четырех метров от земли.

Наиболее интересной добычей охотникам показались антилопы и верблюдо-жирафы; поэтому они разделились на три партии: Каштанов направился скользным путем к вер-

блудо-жираффам, Папочкин — к антилопам, а Громеко должен был сфотографировать носорогов и мастодонтов.

Громеко, сблизившийся видом маленького носорога, показавшегося ему достойным вертela, выстрелил и уложил на месте детеныша. Его родители, вместо того чтобы спасаться бегством, как ожидал охотник, обнюхали труп, а затем с громким хрюканьем бросились на ботаника, который имел неосторожность показаться на опушке кустов. Он скрылся опять в кусты и успел отбежать несколько шагов в сторону, когда на том месте, где он только что стоял, раздался треск неистово ломаемых ветвей, и оба носорога, толгча кусты и разбрасывая их мордами по сторонам, появились на гребне холма и побежали дальше. Но, заметив, что их враг исчез, они повернули назад и помчались туда, где колебания кустов выдавали присутствие охотника.

В это время вблизи антилоп раздался выстрел Папочкина, и стадо этих животных понеслось вверх по склону; туда же устремились и мастодонты, подняв хоботы и издавая тревожные трубные звуки. Положение Громеко становилось отчаянным: с одной стороны, ему приходилось следить за носорогами и бегать от них взад и вперед через кусты, а с другой — надвигалась опасность от антилоп и мастодонтов. По ботанику пришла счастливая мысль: заметив, что антилопы и мастодонты бегут вверх по склону с разных сторон, но приблизительно к тому же месту гребня, он, вместо того чтобы перебегать от носорогов взад и вперед через кусты, побежал теперь вниз по склону в промежуток между антилопами и мастодонтами, в расчете, что те и другие задержат его преследователей. Этот расчет оправдался: прорвавшиеся опять через кусты разъяренные носороги столкнулись один с мастодонтами, другой — с антилопами; произошло замешательство; первый был сшиблен и затоптан, второй — обратил в бегство антилоп и сам побежал за ними, а Громеко остался победителем на поле сражения.

Отдышавшись от безумного бега, он поднялся обратно к кустам, нашел свое ружье, брошенное при бегстве от носорогов, а затем стал искать свою добычу — маленького носорога, из-за которого патерился такого страха. Найти его оказалось нетрудно, потому что круглая туша, напоминавшая добрый боченок, виднелась между потоптанной травы. Потом он отправился к своим товарищам, и они вместе, тяжело нагруженные шкурами, черепами и мясом, двинулись обратно к стану, где Макшеев уже беспокоился их долгим отсутствием. Он сам хоть и сидел на месте, но не остался без добычи. К палатке подкладывался хищник, вероятно со-

бправившийся скушать Генерала, но вместо того попавший под пулю,— это было животное, похожее на волка, но с очень большой головой, с кошачьим телосложением и со сравнительно длинной гривой на голове и шее. Каштанов нашел, что это должен быть плиоценовый предок современных волков.

ПЛУТОН ГАСНЕТ

Пока в кotle варились мясо антилопы, а на вертеле жарился целиком молодой носорог, путешественники были заняты приведением в порядок обильных материалов, добывших за день.

Во время этой работы они заметили, что свет ослабел и сделался еще более красноватым, чем обыкновенно. Подняв головы, чтобы выяснить причины этого явления, они убедились, что небо беззмяично, но сам Плутон светит тускло, и на одной половине диска видно много больших темных пятен.

Вместе с ослаблением света началось понижение температуры, достигавшей в этот день уже $+28^{\circ}$ в тени. Последнее можно было бы приветствовать, но первое внушало некоторую тревогу.

— А что, если Плутон теперь погаснет совершенно? — спросил Громеко, так как во время ужина констатировали, что ослабление света продолжается и количество темных пятен на диске увеличивается.

— И мы вдруг очутимся в полном мраке, за которым постепенно наступит и полярный холод? — прибавил Папочкин.

— А теплая одежда осталась у нас далеко на севере в юрте! — воскликнул Макшеев.

— Я думаю, что это ослабление света — временное явление, — сказал Каштанов. — Плутон, судя по его красному свету и обилию темных пятен, действительно находится в последнем периоде своей жизни. Но этот период может продолжаться еще сотни и тысячи лет. Красные звезды, аналогичные Плутону, наблюдаемые в мировом пространстве, временем меркнут, почти гаснут, но потом опять вспыхивают. Запасы тепла, имеющиеся в их массе, еще очень велики, и кора, образующаяся на их поверхности вследствие охлаждения и представляющая темные пятна, которые мы видим, снова и снова разрывается и расплывается за счет этих запасов. Угасание светила не может произойти сразу.

— А если горение Плутона прекратится вследствие недостатка кислорода? Ведь нужный для него кислород берется конечно из общей атмосферы нашей планеты, всасываемой через полярное отверстие.

— Вы неправильно представляете себе, что самосветящиеся тела вселенной горят подобно свечке или костру, поглощая кислород. Солнце и звезды состоят из раскаленных газов и испускают свет и тепло в связи с происходящими в них сложными процессами, распадом тел на элементы с громадным выделением тепла и увеличением объема. Эти процессы можно уподобить сильнейшим взрывам, что доказывается солнечными фонтанами — огненными фонтанами, которые выбрасываются из сферы солнца с колossalной скоростью и на расстоянии в сотни тысяч километров. О сущности этих процессов мы можем только догадываться.

— Словом, «друг Горацио, на свете есть еще много вещей, которые не снились нашим мудрецам», а в Плутонии мы каждый день убеждаемся в справедливости этого изречения Гамлета, — сказал Громеко и предложил лечь спать, пользуясь темнотой и прохладой.

Животный мир леса также чувствовал, что в природе творится неладное. Птицы совершенно замолкли, и вместо их пения и щебетания слышались тревожные крики разных зверей. Генерал по временам завывал, подняв голову.

Но путешественники, разложившие костер перед палаткой, спали крепко, не обращая внимания на эти звуки, и проспали значительно дольше обычного.

Постепенно все проснулись, хотя было темно попрежнему. Все было объято красноватыми сумерками, а диск Плутона был покрыт многочисленными темными пятнами,

так что сила света была ослаблена на девять десятых. При этом освещении листва и трава казались почти черными, как и само небо. Вокруг лежала глубокая тишина — ни птицы, ни звери, ни насекомые не проявляли признаков жизни, и только по временам налетавший ветерок шумел в листве. В этой тишине было что-то зловещее.

Посоветовавшись, решили, что рискованно плыть в таких сумерках по неизвестной реке между двумя стенами леса, переполненного разными хищниками, которые могли напасть на путешественников. Легко можно было сесть на мель или наткнуться на корягу, что представляло большую опасность для парусиновых лодок.

— А если этот сумрак будет продолжаться целые недели или месяцы? — спросил Громеко. — Неужели мы будем сидеть на месте? Провизии у нас хватит дня на три, на четыре.

— Какой вы чудак! — ответил Каштанов. — Сейчас же делаете самые печальные предположения. Подождем день другой, а тогда подумаем, ехать ли вперед или назад.

— А на досуге займемся починкой лодок, устройством плота и разными домашними работами, — сказал Макшеев. — Лодки дали уже течь.

С этим предложением все согласились и при свете костра принялись за работы. Починили лодки и спилили несколько крупных бамбуков, росших вблизи стана, что потребовало много времени, так как в распоряжении плотников была только одна небольшая ручная пила. Потом очистили стволы от веточек, распилили их на части той же длины, как и лодки, и связали из них плот шириной в полтора метра, который должен был помещаться между обеими лодками. На плот предполагали класть более объемистые вещи, покрывая их шкурами. Обе лодки, соединенные с плотом, в совокупности представляли нечто вроде парома, прочного и достаточно поворотливого.

Работы заняли целый день, в течение которого наблюдения за диском Плутона обнаружили, что количество и размеры темных пятен не уменьшались, но и не увеличивались. Спать залегли рано. Возле палатки горел небольшой костер. Генерал лежал у входа в палатку, и путешественники рассчитывали спокойно спать, выходя только изредка, чтобы подбросить дров.

Но эти надежды не вполне оправдались. Как только в палатке все затихало и в окружающей чаще начинались шорохи, Генерал настораживался и ворчал. Шорохи прекращались, и собака успокаивалась; потом опять начинался шорох

словно какой-то зверь бродил по кустам вокруг лужайки, высматривая добычу, но не решаясь выскоочить. Чтобы не быть всем настороже, решили караулить поочереди, и Папочкин первый усился у костра с ружьем в руках. Шорохи то удалялись, то приближались, и зоолог наконец так привык к ним, что крепко заснул. Огонь постепенно потухал, и костер превратился в кучу тлеющих углей.

Вдруг собака яростно заляяла. Папочкин проснулся и увидел на окраине лужайки крупного хищника, похожего на льва, но с менее длинной гривой и с торчащими из полуоткрытой пасти клыками, как у сабельного тигра. Хищник стоял вперешительности, а Генерал, заливаясь лаем, отходил, поджав хвост, за костер, поближе к палатке.

Зоолог, быстро пришедший в себя, поднял ружье и выстрелил в зверя, находившегося на расстоянии шагов двадцати.

Пуля попала в грудь, но зверь имел еще силу сделать прыжок, попал в кучу углей, обжег себе брюхо и покатился к палатке; задней лапой он ударил по полотнищу, разорвал его сверху донизу и зацепил сапоги Макшеева, лежавшие у его

На окраине лужайки стоял крупный хищник, похожий на льва

изтолovskyя. Передняя лапа в судорожных движениях чуть-чуть не угодила в лицо Каштанова, раздробила карманные часы, лежавшие в шапке на земле, и разорвала шапку в

ключьи. Генерал, прижавшийся у входа в палатку, был отброшен вглубь ударом третьей лапы, поплатился несколькими царапинами и со всего размаха упал на Громеко, сладко спавшего у задней стенки.

Переполох получился необычайный. Возле палатки в полумраке билось и ревело что-то громадное, и полы палатки

Папочкин крепко уснул у костра

разметались и рвались под его ударами. В глубине палатки Громеко боролся с Генералом, который старался спрятаться за него и которого он принял за какого-то хищника. Каштанов тщетно искал спички, лежавшие в шапке возле часов, и не находил даже самой шапки. Папочкин кричал снаружи:

— Вылезайте скорее с задней стороны. Это лев, которого я не могу прикончить, потому что боюсь попасть в вас.

Наконец зверь, судорожно вытянув лапы, затих; Макшеев нашел спички и зажег свечу; Громеко оставил Генерала, и все трое, полуодетые и перепуганные, отстегнув задние полы палатки, выбрались ползком наружу и осмотрелись. Началось объяснение у потухшего костра, и Папочкин должен был сознаться, что заснул, и не поддерживал огонь, почему зверь и решился на нападение.

Убитый зверь оказался сабельным львом, хотя по телосложению походил на медведя; только форма головы и лап

выдавала его принадлежность к кошачьему семейству. Грифа была небольшая, почти черная, шерсть на теле желто-бурая, хвост без кисточки. Страшным клыкам верхней челюсти соответствовали когти на громадных лапах. Палатка требовала серьезной починки, так же как и сапоги Макшеева. Часы Каштанова, оплющенные в лепешку, вместе с изорванной шапкой и раздавленной спичечницей, нашлись только после долгих поисков в одном из углов палатки.

Из-за постели Громуко вытащил дрожавшего еще Генерала, осмотрел и промыл его раны. Затем оттащили льва в сторону и решили продолжать прерванный сон. На караул сел Макшеев, и остаток ночи прошел спокойно. Утром сумерки показались менее густыми, и на диске Плутона число и размеры темных пятен как будто уменьшились. Решили еще подождать и принялись за починку палатки, обмер убитого льва и снятие с него шкуры. Ко времени обеда стало еще светлее, а немного позже Плутон, словно собравшись с силами, расплывил большую часть пятен, покрывших его диск, и засиял полным светом, казавшимся особенно ярким после сорока часового сумрака.

Быстро сложили вещи, нагрузили лодки и плот и поплыли дальше, но не так быстро, потому что судно оказалось недостаточно подвижным и требовало усиленной работы веслами. Местность под вечер этого дня начала меняться, холмы на берегах реки сначала понизились, а затем совершенно исчезли. Вместо густой чащи леса и кустов расстилалась степь с отдельными рощами, где преобладали испанские баобабы. Только вдоль берегов узкой полосой тянулась пышная растительность с пальмами, бамбуками, лианами, в которой ютились птицы и крупные обезьяны нескольких пород. В степи паслись стада разнообразных антилоп, мастодонтов, носорогов, верблюдо-жирафф, безрогих жирафф и первобытных лошадей. В чаще близ реки держались тигры, гиппопотамы и олени.

ЧУДОВИЩНЫЕ ЯЩЕРЫ И СТРАННЫЕ ПТИЦЫ

Первый ночлег был на большом острове, значительная часть которого также имела степной характер и только вдоль берега местами тянулись группы кустов и заросли камышей. Палатку поставили на северном конце острова, откуда была видна река, делившаяся на два рукава, каждый не менее сотни шагов ширины.

После ужина покой окружающей природы был нарушен шумом. С противоположного берега реки послышались протяжные крики, напоминавшие голоса толпы людей, по временем покрываемые громким отрывистым лаем и воем.

Из зеленой чащи вырвалась, ломая камушки и раздвигая кусты, небольшое стадо красноватых с белыми пятнами четвероногих, которые бросились в воду и поплыли к острову. Вслед за ними выскочила стая пестрых хищников, которые с воем и лаем также поплыли, стараясь догнать и отбить одно животное, уже отставшее и очевидно изнемогавшее.

Через несколько минут преследуемые выбрались на остров и пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы.

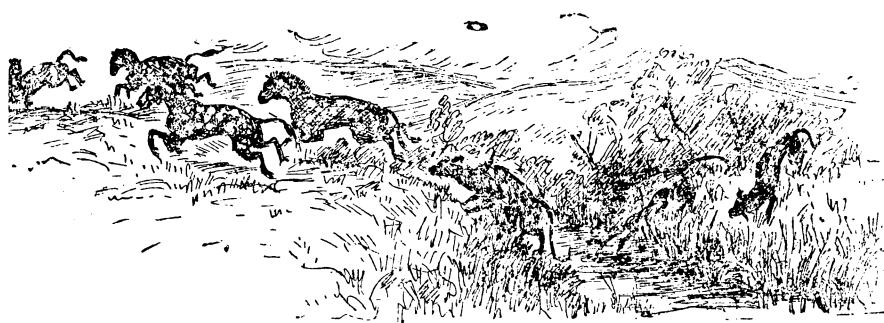
Отставшее животное также успело доплыть до острова раньше хищников, но на крутом откосе берега могло подняться с трудом и наверху было окружено воющими и лающими преследователями. Собрав последние силы, оно лягдало их передними и задними ногами и хватало зубами, но неравная борьба с дюжиною врагов не могла быть долгой. Хищники, увертываясь от ударов, не выпускали жертву из своего круга, выжидая, пока она не обессилит окончательно.

В борьбу вмешались люди; три выстрела в стаю хищников уложили двух из них и обратили остальных в поспешное бегство. Но обессиленная жертва уже не могла воспользоваться неожиданным избавлением. Когда охотники подошли к ней, она уже лежала при последнем издыхании. На ее шее зияла большая рваная рана, очевидно причиненная зубами одного из хищников при первом же нападении на табун, — это и было причиной слабости жертвы, которая на бегу постепенно истекала кровью.

Рассматривая убитых хищников, охотники убедились, что животные принадлежали к примитивным млекопитающим. Они были величиной с сибирского волка, но туловище напоминало скорее кошачью породу, равно как и длинный тонкий хвост. Шерсть на спине и боках была темнобурая, с желтыми продольными полосами, а на брюхе — желтая.

Зубы были почти одинаковые — все имели скорее вид клыков.

Жертва хищников заслуживала название лошади только с большими оговорками. Она была ростом не больше крупного осла, но грациознее последнего, так как туловоице поклонилось на тонких ногах, оканчивающихся каждой не одним копытом, как у настоящих лошадей, а четырьмя. При этом

Преследуемые пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы

только среднее копыто было сильнее развито, а остальные — зачаточные.

Изучая эту странную лошадь, Каштанов и Папочкин пришли к выводу, что они имеют перед собою первобытную лошадь, родоначальницу современных лошадей, по всему облику больше походившую на американскую ламу.

На следующий день продолжалась степная местность, настоящие саванны или прерии, с высокой травой, с чащами и группами кустов и деревьев по берегам тихой реки и многочисленных островов. На одном из больших островов путешественники заметили стадо титанотериев — животных, представляющих нечто среднее между гиппопотамом и носорогом.

Путешественники хотели прикальпить немного ниже за кустами, чтобы подкрасться и добыть одного из титанотериев, но паткнулись на еще более интересного зверя, представителя древнейших толстокожих — четверорогого носорога, спустившегося передними ногами в воду, чтобы утолить свою жажду. Когда плот приблизился к нему, он поднял свою уродливую голову и широко раскрыл пасть, словно хотел

проглотить или, по крайней мере, оплевать незванных гостей. По бокам верхней челюсти торчали два длинные желтые камня; на переносице между маленькими глазами подымались рядом два небольшие рога, повернутые наружу, а за ушами красовались еще два тупые рога, похожие на какие-то обрубки.

Но пока прикаливали к берегу и пробирались осторожно через кусты, чтобы сфотографировать это интересное животное, оно отошло от реки и побежало тяжелой рысцой. Преследуя его в надежде, что оно остановится, Каштанов и Папоч-

Путешественники наткнулись на интересного зверя, представителя древнейших толстокожих — четырехрогого носорога

кин заметили на соседней поляне животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и сбрызгавшее на нем листья на высоте около пяти метров. По форме тела и шерсти кожи оно походило на колossalного слона, спина которого поднималась на четыре метра от земли; но голова и длина шеи резко отличали его от слонов: голова, сравнительно с массой туловища очень небольшая, напоминала голову тапира с удлиненной верхней губой, которой животное очень быстро захватывало листья целыми пучками.

— Что за чудовище! — прошептал Папочкин. — Тело слона, шея лошади, голова тапира и замашки жирафы.

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что нам удалось увидеть редкого представителя подсемейства безрогих носорогов, остатки которого недавно найдены в Белуджистане, почему этот колосс — крупнейший из сухоцутных млекопи-

тающих — получил имя белуджитерия. Он жил в конце олигоцена или в начале миоцена.

— Действительно колосс! — удивился зоолог. — Мне кажется, что я могу, не сгибаясь, разве только нагнув голову, пройти под его брюхом.

Это было животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и обрывавшее на нем листья

— А если поставить возле него взрослого индийского носорога, то спина последнего окажется также на уровне брюха этого колосса, так что он мог бы сесть за его детеныша.

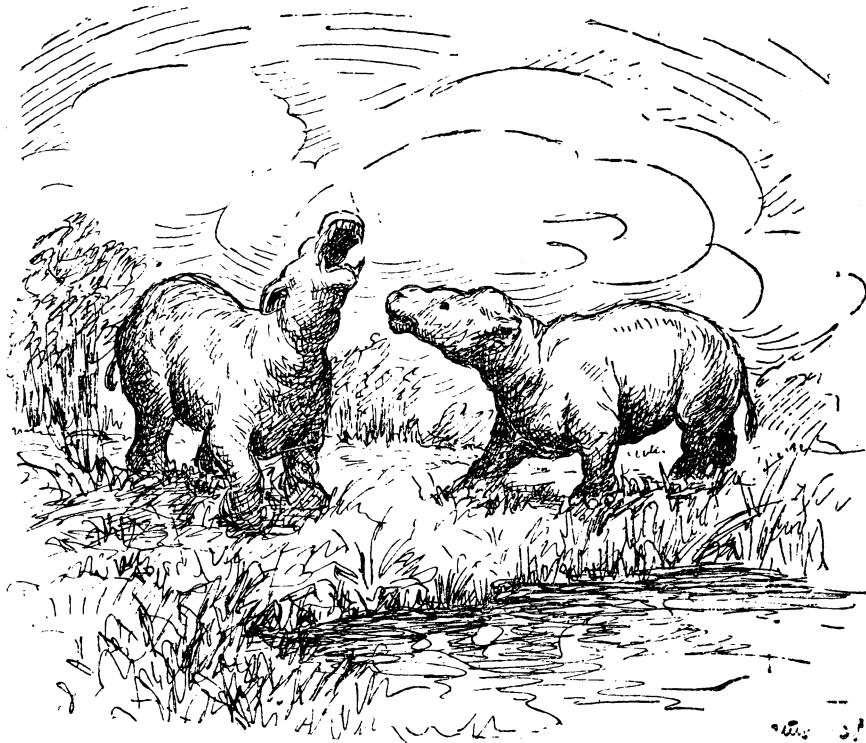
— Как жаль, что нельзя стать возле него для масштаба при фотографировании, — сказал Палочкин, делая снимки.

— Хотя животное как-будто безобидное, но я бы боялся приблизиться; случайным движением ноги оно может переломать кости.

— Снимите дерево вместе с животным; высоту дерева мы потом определим.

Наблюдатели выжидали, пока белуджитерий¹ не отошел в сторону, и посредством горного компаса определили высоту дерева, а также смерили следы ступней, которые сравнительно с ростом животного оказались небольшими.

Под вечер того же дня на берегу большого острова за-

При виде плота корифодон поднял голову и разинул огромную пасть

метиши парочку корифодонов, крупных толстокожих, которые по форме тела походили на титанотериев и имели уже много общего с ящерами.

При виде плота самец поднял голову и разинул огромную пасть, в которой красовались в каждой челюсти по два довольно длинных и острых клыка.

¹ В 1915 году в Тургайской области экспедицией Академии наук найдены остатки подобного же колосса того же подсемейства, названного индрикотерием. Позже американцы в двух местах Монголии откопали кости белуджитерииев.

Высадиться на остров для охоты не удалось, потому что немного ниже на берегу стоял крупный хищник, пожирающий какую-то добычу. При виде плота он поднялся и грозно зарычал.

Это животное отличалось громадным телом на низких и довольно тонких ногах. Морда у него была длинная, похожая на морду борзой собаки. По своей величине зверь не

Высадиться на остров не удалось, потому что немного ниже на берегу стоял крупный хищник

уступал самому крупному тигру, почему путешественники не решились приблизиться к нему.

Таким образом в этот день не удалось добыть ни одного из этих новых животных.

На следующий день на берегах реки и на островах временем замечали пасшихся лошадей, титанотериев, четырехрогих носорогов, антилоп, хищных креодонов и других животных. Общий облик фауны, по мнению Каптана, выдавал ее принадлежность к начальным временам третичного периода.

После обеда приглашили для экскурсии в глубь степи, чтобы познакомиться с ее характером в стороне от реки.

Возле одного из озер наткнулись на животное, возбуждившее их особенное внимание. Подобно другим травоядным, оно мирно паслось, пожирая сочные стебли. Это успокоило охотников, взявшихся было за ружья, когда, пробираясь через кусты к берегу озера, они внезапно увидели чудовище.

Даже Генерал, уже привыкший к разнообразным и необыкновенным животным и сразу отличавший хищников от травоядных, обнаружил сильный испуг и ворча, прижимался к ногам Макшеева.

— Носорог колоссальной величины, — шепнул последний, останавливаясь в кустах, чтобы не испугать чудовище или не раздразнить его.

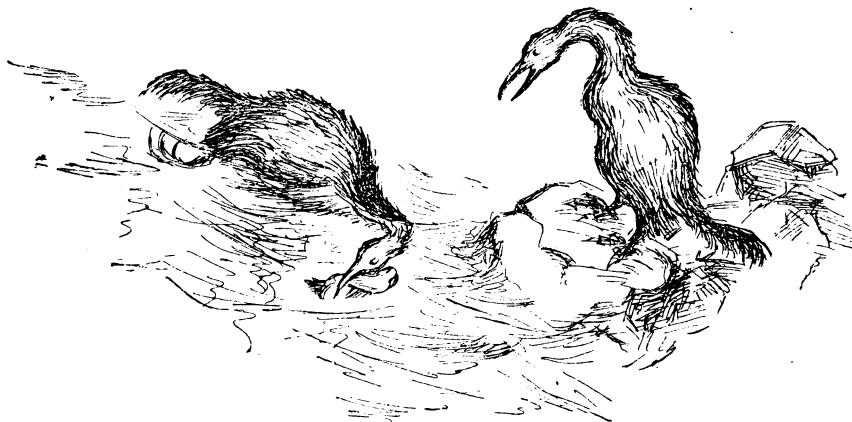

Через некоторое время среди озера показались два рога и воротник трицератопса, высунувшего голову, чтобы подышать

Но животное только на первый взгляд напоминало носорога, так как обладало маленьким рогом на переносице. Пара же больших рогов, возвышавшихся на лбу и направленных вперед, придавала ему сходство с некоторыми быками; во всем же остальном оно отличалось и от носорогов и от быков. Голова по сравнению с туловищем была неопропорционально велика, достигая чуть ли не двух метров в длину: задняя часть черепа расширялась в плоский и широкий гребень, который можно было принять за огромные расточенные уши, но в действительности это было только украшение или защита верхней половины шеи, покрытое мелкой чешуей, а по наружному краю — острыми зубцами. Этот воротник несомненно увеличивал вес и без того огромной головы животного.

Передние ноги были значительно короче задних, так что животное двигалось, высоко подняв свой крестец. Когда голова и ноги этого животного скрывались в высокой траве, оно напоминало целый холм, достигавший почти пяти метров в высоту. Массивное туловище его было покрыто панцирем

из круглых пластинок, более крупных на спине и боках, мелких на крестце, ногах и брюхе. Туловище оканчивалось не длинным, но толстым хвостом, который служил опорой для задней части тела. От конца морды, представляющего острый клюв, до начала хвоста животное имело около восьми метров.

Гесперорнисы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой

— Ну и чудовище, ну и чудовище, — шептал Громеко, рассматривая, как и остальные, необыкновенное животное, которое медленно передвигалось, словно холм, вдоль берега сэзера, пожирая траву и кусты.

— Что это за зверь? — спросил Паночкин.

— Это должно быть трицератопс, представитель рода динозавров, — ответил Каштанов, — к которому принадлежали различные исполнинские ящеры.

— Так это преисмыкающееся! Разве были рогатые преисмыкающиеся? — воскликнул Макшеев.

— Отряд динозавров представляет очень разнообразные формы как хищных, так и травоядных ящеров, крупных и мелких, живших, начиная с триаса и кончая мелом.

— Итак мы уже очутились в меловом периоде! — воскликнул Паночкин. — И чем дальше мы будем плыть по реке, тем больше должны встречать таких чудовищ.

— Хорошо, если они будут столь же безобидны, как этот, — заметил Громеко. — А наткнуться на хищную тварь таких размеров, благодаря покорно! Растерзает прежде, чем успеешь выстрелить.

— Большие животные обыкновенно неповоротливы, — возразил Каштанов. — По-моему сабельные тигры гораздо опаснее этих исполинов.

— Нужно бы заставить его поднять голову, — сказал Папочкин, — или выманить на более чистое место. Я уже сделал два снимка, но на обоих не видно ног и конца морды.

— Не выстрелить ли в него? — предложил Макшеев.

— Нет, он или испугается и убежит, или бросится на нас. Такую машину пожалуй и разрывная пуля не скоро свалит с ног.

— Пустим на него Генерала!

Дрожавшую и ворчавшую собаку после уговоров и по-нужданий удалось заставить напасть на чудовище. Она бросилась с громким лаем в его сторону, остановившись все-таки на почтительном расстоянии. Но эффект нападения собаки был совершенно неожиданный. Чудовище ринулось в озеро, разбрызгивая целые потоки воды, и скрылось в взбаламученной, илистой пучине.

На другом озере Генерал выгнал из густых зарослей целую стаю странных птиц. Они достигали величины очень крупного лебедя, но имели более длинное тело, более короткую шею и очень длинный и острый клюв, усаженный острыми и мелкими зубами. Птицы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой. Одну из них удалось подстрелить.

Рассмотрев ее, Каштанов решил, что это должно быть гесперорнис, зубастая бескрылая птица мелового периода, близкая по строению тела к современным пингвинам. Крылья ее были в зачаточном состоянии и совершенно скрывались в мягкому, волосообразном оперении.

ПОЯС БОЛОТ И ОЗЕР

После трехдневного плавания через страну сухих степей путешественники достигли ее южной окраины, где растительность сразу изменилась. Берега реки покрылись зеленою чащой хвойных, саговых пальм¹ и папоротников многочисленных видов, большую частью совершенно новых, достигавших высоты человеческого роста. Высокие заросли растений, похожих на камыши, росли в воде вдоль берега, а плоские отмети были покрыты хвоцами высотою в полтора метра и с поперечником большие двадцати пяти миллиметров.

Из глубины зарослей неслось неумолкающее стрекотание, а над водой кружились странные насекомые. Они походили на стрекоз, но в размахе крыльев достигали почти сорока сантиметров; тело их, отливавшее металлическим блеском, имело сантиметров двадцать в длину: одни были золотисто-желтые, другие стально-серые, третьи изумрудно-зеленые, четвертые темноголубые, пятые огненно-красные. В солнечных лучах они порхали, реяли, гоняясь друг за другом, издавая мелодичный треск, напоминавший щелканье кастаинет.

Пораженные этой красивой картиной, путешественники сложили весла. Лодка медленно плыла по течению, а гребцы любовались невиданным зрелищем. Напочкин достал сачок и после долгих попыток поймал одну стрекозу: но когда он вынимал ее из сачка, она пребольно укусила палец зоолога своими челюстями, и растерявшийся учений выпустил ее из рук.

Сплошной зеленый барьер, окаймлявший берега, не позволял причалить, и путешественники, утомленные долгим плаванием, тщетно искали глазами хотя бы небольшую чистую лужайку для ночлега.

Между тем голод давал себя уже чувствовать, а зеленые стены хвойцев становились все гуще и гуще.

— Эх, нужно было остановиться в конце степи! — сказал Громеко.

— В другой раз будем умнее, — засмеялся Маншеев.

¹ Саговые пальмы — единственное семейство из порядка цикадовых в классе голосеменных, заключающее похожие на пальмы растения с сильно развитой сердцевиной, богатой крахмалом и дающей настоящее саго. Саговые пальмы растут в тропиках, их известно около 83 видов. В прежние геологические эпохи они играли значительную роль в составе флоры, появились уже в каменноугольный период (настоящие пальмы — только в конце мелового периода) и в юрский и меловой периоды давали тон ландшафту.

Километр проходил за километром, а зеленые стены не прерывались. Наконец за поворотом реки на левом берегу ее показалась низкая зеленая полоска. В воду выдавалась длинная и узкая коса, переходящая затем в отмель и покрытая только хвощами. За неимением лучшего решили остановиться здесь и расчистить себе площадку. Лодки ввели в заливчик между косой и берегом, вытащили охотничий нож и вступили в бой с хвощами. Но это оказалось не легким делом: толстые стебли, жесткие от обильного содержания кремнезема, плохо поддавались ударам ножа, а срезанные оставляли колючие пеньки, на которых нельзя было ни сидеть, ни лежать.

— Попробуем вырвать их с корнем, — предложил ботаник. — Они не должны крепко сидеть в мягком речном на-носе.

Совет оказался хорошим: хвоци легкото выдергивались из почвы, и через полчаса путешественники расчистили мягкую площадку для палатки и костра. Но костер не из чего было разводить: зеленые хвоци не горели. Нельзя было не только приготовить ужин, но даже сварить себе чай. Кроме того из хвоцей поднялись целые рои растревоженных комаров, в двадцать миллиметров величиной, спастись от которых можно было только дымом костра.

— Постойте, — сказал Громеко. — Совсем близко, подплывая сюда, я заметил торчавший из чащи ствол сухого дерева. Нужно его добить!

Вооружившись топорами и веревкой, Громеко и Машеев отвязали одну из лодок от плота и поплыли вверх по реке. В сотне-другой шагов от стоянки они увидели толстое засохшее дерево с несколькими ветвями, торчавшее в зеленой чаще; но дерево это оказалось на такой высоте над водой, что его нельзя было достать ни рукой, ни топором.

— Попробуем закинуть веревку за сук, может быть он обломится, — предложил Машеев.

Громеко удерживал лодку на месте, ухватившись за хвоци, а Машеев перебросил веревку через толстый сук и начал ее тянуть; сук не обламывался, но все дерево начало трещать.

— Пустите лодку, помогите тянуть! — крикнул он товарищу.

Теперь оба ухватились за веревку, стоя в утлой лодке, и дернули изо всех сил. Дерево рухнуло, ударив с размаха по носу лодки, которая под его тяжестью начала погружаться в воду. Громеко только-только успел схватиться за

хвоци и подтянуть к ним корму, как нос лодки скрылся под водой.

— Скандал! Что мы будем теперь делать? — воскликнул Макшеев.

Оба сидели на корме, ногами в воде, одной рукой держались за хвоци, а другой за веревку, которая не позволяла злополучному дереву уплыть по течению.

— Вылезть на берег нельзя, вычерпать воду нечем, остается звать кого-нибудь на помощь, — сказал Громеко.

Оба начали ауkать и звать. Сначала никто не откликался, но потом послышался голос Каштанова, спрашивавший, в чем дело.

— Плыvите к нам кто-нибудь на помощь, захватите ведро; наша лодка затонула!

— Сейчас приеду! — раздался ответ.

В это время из воды возле затонувшего носа лодки показалась огромная голова зелено-бурового цвета с короткой и широкой мордой и маленькими глазами под плоским черепом. Животное некоторое время смотрело на оцепеневших от неожиданности людей, а затем, разинув пасть и обнажив несколько рядов острых зубов, начало взбираться на нос лодки, которая под его тяжестью стала погружаться глубже. Показалась короткая и толстая шея, затем часть голого туловища; широкие передние лапы когтями цеплялись за борт лодки.

Отправляясь за дровами так близко от стоянки, охотники не взяли с собой ружей и теперь оказались безоружными лицом к лицу с каким-то земноводным неизвестной породы, несомненно плотоядным и сильным. Их топоры остались на носу и теперь были в воде, уже под лапами врага. Однако к оружию не пришлось прибегать; сильный удар веслом по голове чудовища, нанесенный Макшеевым, заставил животное соскользнуть с лодки.

Животное быстро исчезло в реке, показав на мгновение свою широкую, буро-зеленую спину с двойным рядом чешуй вдоль хребта и короткий толстый хвост, который ударил по воде с такой силой, что обоих охотников с ног до головы окалило струями и брызгами воды.

Лодка, отдернутая движением чудовища от берега, окончательно погрузилась в воду.

В это время Каштанов, спешивший на помощь, находился уже недалеко от места катастрофы; выплывая из-за поворота, он увидел водяной смерч, поднятый чудовищем, но не понимал, что случилось. Мимо него, покачивающееся волнами, ныряя и всплывая, пронеслось сухое дерево; гребец

принял его за крокодила и хотел ударить багром. Но в это время раздался крик Громеко, не желавшего терять добычу, стоявшую таких усилий.

— Бревно, ловите бревно! Это наши дрова!

Каштанов подцепил дерево багром, взял его на буксир и подплыл наконец к стоявшим по пояс в воде товарищам.

Животное начало взбираться на нос лодки, которая под его тяжестью стала погружаться глубже

После некоторой возни подняли ложку, вычерпали из нее воду и вместе с добычей вернулись к палатке, где Папочкин с остервенением отмахивался от комаров, а Генерал спасался от них, забравшись по уши в воду.

Быстро вытащили бревно на берег, нарубили дров, и вскоре весело затрещал костер; наваленные на него хвоши дали такой едкий дым, что комары обратились в бегство, а у сушившихся возле огня Макшеева и Громеко градом покатились слезы.

Выслушав их рассказ о нападении водяного чудовища, Каштанов заметил:

— Я думаю, что это был ящер, представитель семейства, вымершего к третичному периоду на поверхности нашей планеты.

— Ихтиозавр, что ли? — спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии, пройденного на горном факультете.

— Нет, не он, судя по вашему рассказу. Ихтиозавр был гораздо больше, имел другую форму головы и жил раньше, в юрское время. Ваш приятель походит скорее на небольшого мелового крокодила.

— Да, с ихтиозавром вы бы так легко не справились, —

заметил Папочкин, — а плезиозавр имел шею подлиннее вящего всла и живо подцепил бы вас прямо из воды, а не лез бы в лодку.

— Можно надеяться, что мы со временем встретимся и с этими огромными ящерами, — сказал Капитанов, — судя по тому, что подвигаясь вниз по реке, мы встречаем представителей все более и более древней фауны. Сейчас мы уже очутились в середине или даже начале мелового периода.

— Да, как животный, так и растительный мир становится все более и более не похожим на то, что мы привыкли видеть на поверхности земли, — прибавил Громеко. — Перецмена совершается постепенно, и мы сразу даже не отдаем себе отчета в ней. А если подумать, то вокруг нас все новое: исчезло множество лиственных деревьев, цветов, злаков, преобладают цикадовые, осоковые и голосемянные, появились в изобилии тайнобрачные¹.

— Это подземное царство таит еще много неожиданного, и нам нужно быть более осторожными. Ни шагу без ружья с разрывной мукой!

— Я думаю, нам следует только немного отдохнуть, пока не сварится ужин, поесть и продолжать путь до более удобного места. На большой костер для защиты от хищников у нас нехватит дров, — заявил Громеко.

Все согласились с этим мнением. Вытащили пострадавшую лодку для просушки и починили, поспали часа два вокруг дымокура и снова пустились в плаванье, захватив с собой остатки дров. Еще часа два тянулась все та же непроницаемая чаща с каймой камышей и хвоющей. В тихих местах рыба плескалась или выскакивала из воды, спасаясь от ногони. Иногда можно было заметить, как вслед за выскочившей рыбой из воды на мгновенье позвлялась противная морда ящера с разинутой пастью, после чего водовороты и расходившиеся круги обнаруживали, что в водную пучину быстро погрузилось крупное тело. По временам беззаботно ревяшие стрекозы разлетались во все стороны, прячась в листве и камышах от большой голубой птицы с огромным клювом, которая налетала откуда-то с сильным шумом и налету хватала зазевавшееся насекомое.

Наконец зеленые стены начали раздвигаться, течение реки стало медленнее, и водная гладь расширялась все

¹ Тайнобрачные растения не имеют настоящих цветков с тычинками и плодолистиками и размножаются спорами. Примеры — настоящие грибы, папоротники, хвоши, плауны, мхи. Тайнобрачные характеризуют более древние периоды жизни земли, начиная с девонского, когда многие из них представляли деревья.

больше и больше — река превратилась в озеро, среди которого виднелись острова. Один из островов привлек к себе внимание путешественников. Только одна половина его была занята высокой чащой леса, а другая представляла довольно большую лужайку с несколькими, частью засохшими деревьями. К ней и поспешили причалить.

Эта луговая половина острова была покрыта низкой, но жесткой травой, которая при рассматривании оказалась особым видом плауна. Лужайка находилась в верхней половине острова, а ветерок тянул вниз по воде. В то время не было недостатка; поэтому решили устроить вдоль опушки чащи несколько хороших дымокуров, чтобы выгнать с острова всех хищников и обеспечить себе покой.

Когда затрещали костры и клубы дыма потянулись в глубь чащи, из последней начали вылетать мелкие итицы и разные насекомые, иные надали на землю и дали зоологу возможность набрать интересную коллекцию незнакомых видов. Затем на лужайку выбежало странное и страшное существо, очень напоминавшее дикобраза, но величиною с крупного быка. — его иглы имели около метра в длину.

Ощетинившись и превратившись в нечто вроде огромного колючего шара, животное пробежало мимо оторопевших людей и скрылось в камышах.

Вслед за ним короткими и высокими прыжками выскочило из чащи животное, облик которого напоминал хищника. Оно было темно-желтой масти с кошачьей головой, довольно длинным и толстым хвостом, короткими ногами и тупой мордой, оскалившей острые зубы. В общем, оно было похоже на большую — почти в два метра длиною — речную выдру, отличаясь от нее только более заметными ушами и короткой гривой. Хотя оно не обнаруживало намерения нападать и прокрадывалось вдоль опушки к воде, но облик его так заинтересовал Капитанова, что он уложил хищника удачным выстрелом.

Зверь действительно оказался интересным: в его пасти нельзя было различить ни плоских резцов, ни остро-буторчатых коренных зубов, как у хищников позднейших времен. Все зубы были более или менее острые, конические, как у пресмыкающихся. Только передние, заменившие резцы, были немногим меньше других и несколько сдавлены, сидевшие по бокам челюсти — несколько больше, а клыки превышали все остальные по величине и выдавались над ними в обеих челюстях, особенно в верхней.

— Вот интересный пример первобытного млекопитающего, имеющего еще зубы ящера, но уже с началом той

Дифференцировки, которая развилаась в позднейшие периоды, — сказал геолог.

Из чащи больше никто не появлялся, так что путешественники могли наконец отаться давно заслуженному отдыку, конечно под охраной очередного караульного, поддерживавшего дымокуры, спасавшие от жалящих насекомых. Благодаря этому спали спокойно.

На следующий день продолжалась местность того же характера, как и накануне под вечер. Река окончательно превратилась в озеро с множеством островов, течения почти не было заметно, и все время приходилось работать веслами. Над водой и лесом резали цветные стрекозы и огромные рогатые жути, достигавшие тридцати сантиметров в длину; пролетали бабочки, каждое крыло которой могло покрыть руку человека. По временам появлялись странные мелкие и крупные птицы синевато-серого цвета, немного напоминавшие цаплю, только с более короткими ногами, длинным хвостом и коротким клювом, в котором можно было различить мелкие зубы.

Одну птицу удалось подстрелить на лету, и Каштанов демонстрировал своим спутникам это странное пернатое, представлявшее переходную форму между ящерами и птицами. Оно имело размеры журавля и было покрыто синесерыми перьями; его длинный хвост состоял не только из перьев, как у птиц, но также и из многочисленных позвонков, т. е. имел строение хвоста пресмыкающихся, а перья росли по обеим сторонам этого хвоста. На крыльях имелись по три длинных пальца с такими же когтями, как и на ногах, так что эта птица могла лазать по деревьям и по скалам, хватаясь за них и передними конечностями. Рассмотрение животного привело Каштана к выводу, что оно принадлежало к роду археоптериксов, но отличалось от экземпляров, найденных в верхнелорских отложениях Европы, значительно большей величиной.

К концу дня берег сделался совсем низменным и на значительных протяжениях представлял болото, заросшее хвоцами и папоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к прозябанию в воде. Эти заросли давали приют различным жалящим насекомым, которые с яростью нападали на путешественников при каждой попытке последних причалить к земной стене ради коллекционирования, а затем некоторое время преследовали их по воде. Комары, длиной в двадцать пять миллиметров, муhi, величиной со шмеля, воды и слепни, крупнее четырех сантиметров, ссызались в этих крылатых

Какие-то странные пернатые, представлявшие переходную форму между ящерами и птицами, лазили по деревьям

ствис всплесками и водоворотами. Существование четвероногих наземных животных в болотистых зарослях новидимому было невозможно.

— И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного гнуся? — сказал Громеко, употребляя сибирское выражение для обозначения жалящих кровопийц.

Но вот с юга шахнуло свежестью, и по временам можно было различить какой-то равномерный шум, доносиившийся оттуда.

— Впереди большое открытое озеро с голыми берегами или море, — сказал Макшеев. Он первый услыхил этот шум.

атаках на людей, которые вынуждены были позорно отступать и начали уже тревожиться при мысли о близком ночлеге среди полчищ этих мучителей.

Несколько часов плыли по этой болотистой местности, налегая дружно на весла, чтобы скорее из нее выбраться. Животный мир здесь новидимому ограничивался насекомыми, первобытными птицами в воздухе, рыбами и ящерами, танвшимися в темной и глубокой воде и выдававшими свое присут-

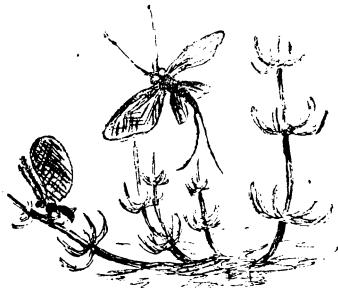
Каштанов выстрелил в странную птицу

— Море? — удивился Папочкин. — Неужели в Плутонии имеется даже море?

— Если есть реки, в чем мы не можем сомневаться, они должны впадать в конце концов в какой-нибудь бассейн со стоячей водой. Не могут же реки течь бесконечно.

— А разве реки не могут теряться в болотистых озерах, подобных тому, по которому мы едем, или иссякать в песках?

— Совершенно верно! Но при обилии воды вероятнее существование открытого бассейна, тогда как полузаросшее озеро, по которому мы плывем, составляет только его преддверие.

МОРЕ ЯЩЕРОВ

Всех интересовал вопрос, какие размеры имеет этот бассейн, не поставит ли он предел их путешествию в глубь Плутонии, потому что пускаться на парусиновых лодках в глубь безбрежного моря было бы конечно невозможно.

Через час впереди, в конце широкой полосы реки-озера с почти незаметным течением, показалась синяя кайма. Устье реки было близко. Налегли сильнее на веста и еще через полчаса подплыли к началу озера или моря.

Растительность, окаймлявшая берега реки, не доходила до самого берега моря, а была отделена от воды широкой оголенной полосой песка. Очевидно прибой волн не давал ей возможности укрепиться у самой воды.

На этом песчаном пляже, обвеваемом морским ветерком и свободном от докучливых насекомых, путешественники расположились на исчелег.

Выгрузив на берег вещи и разложив костер, все побежали к морю, чтобы убедиться, какая в нем вода. Они хотели узнать, является ли море конечным замкнутым бассейном с соленой водой или только большим проточным озером. Кроме того всем хотелось купаться, потому что за последние дни, с тех пор, как убедились в существовании крупных ящеров в водах реки, от купанья пришлось отказаться.

Быстро раздевшись на мягкем песчаном берегу, все вошли в мелкую воду, глубина которой увеличивалась очень медленно и только шагах в пятидесяти от берега достигла пояса. Она оказалась заметно соленой, но не в такой степени, как в океанах поверхности земли; ее можно было сравнить с водой Балтийского моря.

Охвачившись купаньем, путешественники стали обсуждать вопрос о дальнейшем плавании.

Море оказалось сравнительно небольшим: на южной стороне горизонта можно было различить противоположный берег даже простым глазом, а хороший бинокль показывал совершенно отчетливо зеленую стену зарослей, более высокие группы деревьев, местами же темные лиловатые массы — вероятно скалы и обрывы.

Позади зеленої стены, благодаря вогнутости зеленої поверхности, также можно было видеть, но уже менее ясно, сплошную поверхность того же лиловатого цвета и кое-где группы более высоких гор. Такой характер местности возводил во всех исследователях желание перебраться на южный берег. Это не было невозможным; до него не могло быть больше сорока-пятидесяти километров, и в тихий день, с легким шипучим ветром, позволявшим воспользоваться парусом, можно было бы без особенного риска пуститься в плавание.

Ввиду неудачной охоты последних дней в поясе болот и озер, запас мяса иссяк, и на ужин варилась только каша.

Макшеев и Папочкин предприняли рыбную ловлю; во время купанья они заметили крупную рыбу, поэтому захватили удочки и отправились вверх по берегу реки к тому месту, где она выходила из зарослей и вода была глубже. Довольно долго поплавки оставались спокойными, и рыболовы уже думали перенестить место, как вдруг рыба стала сразу сильно клевать.

Макшеев подсек и выбросил на берег крупную рыбу, но у Папочкина добыча оказалась настолько тяжелой, что могла оборвать лесу, поэтому он начал подводить попавшуюся рыбу к берегу, чтобы подцепить ее сачком. И вдруг

вода вздулась пузырем, удочку рвануло, и какая-то темная масса унесла пойманную рыбу вместе с крючком; рыболов успел рассмотреть только спину, покрытую крупной чешуей, и короткий хвост.

Макшеев, занятый сниманием своей рыбы с крючка, услыша сильный всплеск воды, закричал:

— Ну и рыбина попалась вам, Семен Семенович, должно быть килограммов в восемь весом!

— Не в восемь, а в восемьсот! — ответил пораженный ужасом зоолог, — она оборвала мою удочку и ушла.

Макшеев подбежал к нему и принес показать свою рыбу. Это было очень странное животное — широкое и плоское, как камбала, покрытое грубой чешуей, состоявшей из пластинок в квадратный сантиметр, с однолопастным хвостом, глазами на одной стороне тела и длинными шипами вдоль спины.

— Можно ли есть такое чудовище? — спросил он с сомнением.

— Конечно можно, оно похоже на камбату, хотя и имеет отличия от нее. Я думаю, что это скат. Вообще можно есть всякую свежую рыбу, потому что ядовитыми бывают только у некоторых родов икра, мотыки или черная пленка, выстилающая брюшную полость. Если удалить все внутренности, можно есть рыбу и незнакомого вида — разве что мясо sẽ окажется воинчим или слишком костиистым.

— В таком случае попробуем и половим еще. А какой вид имела ваша удравшая рыбина?

— Я думаю, что это была не рыба, а крупный ящер, который оборвал пойманную рыбу и проглотил ее вместе с крючком и куском лесы.

— Эге, видно и здесь водятся эти хищники! А мы так беззаботно купались в море.

— Да, нужно быть осторожнее. Ведь в морях юрских времен — а это море повидимому перед нами, — водились огромные ихтиозавры, плезиозавры и другие хищные ящеры, которым ничего не стоило бы перечусить человека пополам.

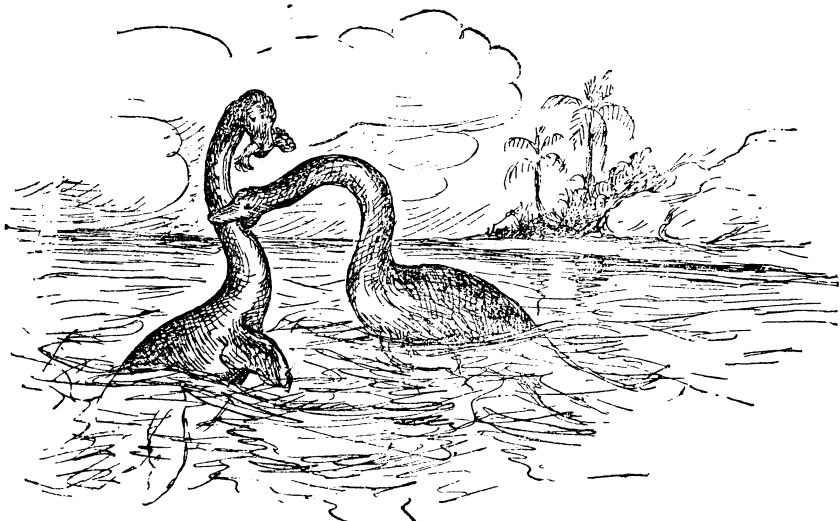
— А акулы в те времена еще не существовали?

— Тоже были. Эти хищники известны чуть не с девонского периода и достигали огромной величины. Найдены зубы их длиной в семьдесят сантиметров. Представьте себе пасть, соответствующую таким губам.

Рыболовы опять закинули удочки и вскоре поймали крупных рыб, похожих на современную стерлядь. Пойманные рыбы были тотчас же вычищены и попали в уху. Пока

она варилась, рыболовы наловили еще десяток таких же сбитателей глубин.

После ужина все сидели возле палатки, покуривая трубки и обсуждая предстоящее плавание по морю, которое тихо плескалось на песке, усыпанном раковинами различных моллюсков, возбудивших большой интерес геолога.

Наконец один плезиозавр, рассвирепев, вонзил зубы в шею соперника

Пока товарищи ловили рыбу, он набрал целую коллекцию и определил, что они относятся к аммонитам¹.

— Смотрите, — прервал беседу возглас Громеко, — какие огромные морские змеи.

На расстоянии около ста метров от берега над поверхностью моря поднялась одна, а затем другая голова, сидевшие на длинной шее; головы были плоские, как у змей, а шеи грациозно извивались. Казалось, что плывут два огромные черные лебедя, туловища которых чуть поднимались над водой.

— Это не змеи, — сказал Каштанов, — разглядывая жи-

¹ Аммониты — отряд вымерших головоногих моллюсков с многокамерной спирально свернутой раковиной: животное помещалось только в передней камере подобно ныне живущему кораблику. Особено много родов и видов аммонитов существовало в триасовый, юрский и меловой периоды.

вотных в бинокль. — Я уверен, что это не кто иной, как плезиозавры¹, присутствие которых в верхнеюрском море вполне возможно.

— Какие чудовища! — заметил Папочкин, также следивший в бинокль за движением животных. — Я думаю, что шея у них имеет не меньше двух метров в длину.

— А к нам в гости они не пожалуют? — спросил Громеко, который помнил еще приключение в лодке с ящером.

— Кто знает. Но я думаю, что на сушу они очень неповоротливы, и мы сумеем уйти от них. На всякий случай зарядим ружья разрывными пулями.

Но морские чудовища не обнаруживали желания вылезать на сушу; они начали нырять, преследуя рыбу. Тихо плывя вдоль берега, они высматривали добычу впереди себя, затем быстрым движением шеи и головы схватывали ее, подбрасывали в воздухе и подхватывали уже с головы, чтобы глотать не против шипов и чешуй, а по ним. Движение плезиозавров при этом были очень быстры и грациозны. Но иногда намеченная жертва ускользала, и тогда животное в погоне за ней почти выскакивало из воды, с шумом рассекая волны и вытягивая шею далеко вперед.

Эта рыбная ловля плезиозавров, за которой путешественники следили с большим интересом, кончилась дракой. Оба плезиозавра одновременно схватили одну и ту же рыбу, вероятно достаточно крупную, и каждый старался вырвать ее из пасти другого.

Одному это удалось, и он пустился наутек, второй преследовал его, догнал и обнял своей шеей шею противника, чтобы заставить его выпустить рыбу. Спутавшиеся шеи извивались то в ту, то в другую сторону, темные тела напирали друг на друга, короткие хвосты и ласты-плавники бешено били по воде, разбрызгивая ее фонтанами. Наконец один плезиозавр, рассвирепев, вонзил зубы в шею соперника и повлек его в глубину. Вода долго еще волновалась над тем местом, где скрылись чудовища.

Через час Громеко и Каштанов, собирающие по берегу выброшенные волнами куски деревьев для ночного костра, увидели темную массу, качавшуюся на волнах. Ее несло вдоль берега, постепенно приближая; наконец она остановилась, вероятно попав на мель.

Возвратившись с дровами к палатке и застав двух то-

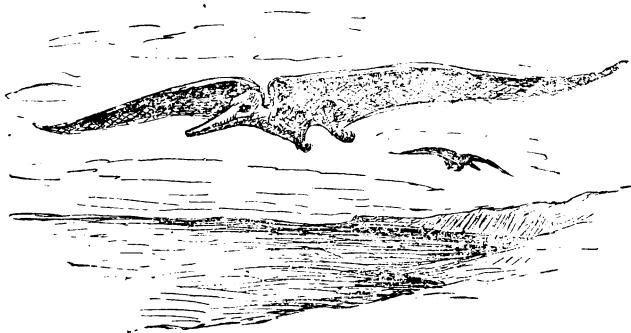
¹ Плэзиозавры — морские ящеры юрского и мелового периодов с массивным телом, покрытым голой кожей, длинной лебединой шеей, маленькой головой и двумя парами ластообразных конечностей; достигали длины от 3 до 5 метров.

варищей уже спящими, они отвязали одну из лодок и поплыли к темной массе. Оказалось, что это один из плезиозавров, на трупе которого уже сидели какие-то крупные птицы и клевали его; другие, поменьше, кружились в воздухе над ними, очевидно ожидая своей очереди, чтобы поживиться, и издавая звуки, напоминавшие кваканье огромных лягушек. Движения их при полете напоминали летучих мышей. Пришлось разогнать стаю нескользкими выстрелами, чтобы приблизиться к трупу, голова которого с верхней частью шеи держалась только на лоскутах кожи, изорванной зубами соперника. Мертвое животное плыло брюхом вверх, выставив из воды свои огромные ласты-плавники. Брюхо было покрыто голой кожей буро-зеленоватого цвета.

Вытащить плезиозавра на берег не было возможности: его тулowiще имело более двух метров в длину, хвост немного меньше, а шея большие; задние ласты достигали почти полутора метров.

Подстреленные птицы оказались летающими ящерами¹ двух родов: более крупные (птеродактили) по величине превышали орла, мелкие достигали размеров крупной утки.

Те и другие имели огромную голову с зубастым клювом, голое тулowiще и летательную перепонку, соединявшую передние и задние конечности, как у летучей мыши. Мелкая порода обладала длинным хвостом.

¹ Летающие ящеры или птерозавры — вымершие пресмыкающиеся юрского и мелового периодов; имели большие челюсти с коническими зубами, длинную шею и, некоторые, длинный хвост; передние и задние конечности соединялись летательной перепонкой и ящеры могли летать подобно летучим мышам. Величина была разная, от размеров мыши до гигантов в 1 м длины и 6 м в размахе крыльев.

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ МОРЕ

На следующий день погода оказалась вполне благоприятной для плавания по морю. Небо было почти безоблачно, дул слабый северный ветер, позволявший применить парус, но не разводивший большой волны.

Готовясь в путь, тщательно осмотрели лодки и плот и растянули палатку между двумя баграми, служившими вместо мачт. На пирамиде из плавника, сооруженной Макшеевым на берегу, поставили еще жердь с белым флагом, который должен был служить сигналом для обратного пути.

Несколько дальше от берега у самого края зарослей, куда прибой мог достигать только в исключительных случаях, в песке вырыли яму и спрятали в ней собранные коллекции — горные породы, гербарии, черепа, кости и шкуры животных, чтобы не рисковать их подмочить при плавании и не везти лишнюю тяжесть. Над засыпанной ямой устроили вторую пирамиду из плавника, чтобы какие-либо хищники не могли разрыть ее, привлекаемые запахом шкур. В бутылочке подвесили к пирамиде краткое описание пути экспедиции от юрты до берега моря.

Покончив с этими работами, путешественники уселись в лодки и пустились в путь, держа курс прямо на юг, к чуть видневшемуся вдали противоположному берегу. Когда судно несколько отдалось от берега, ветер надул парус, и движение сделалось более быстрым.

Отплыв от северного берега моря, путешественники лучше могли судить о его общем характере. В обе стороны, на восток и на запад от устья реки Макшеева, берег был окаймлен той же высокой зеленою стеной, разорванной в немногих местах устьями подобных же рек. Пирамида с флагом хорошо выделялась на зеленом фоне. Ни гор, ни даже холмов позади полосы зарослей не было видно, и очевидно местность, прилегавшая к этому берегу моря, на значительное расстояние представляла низменную равнину, вероятно сплошь лесистую и болотистую.

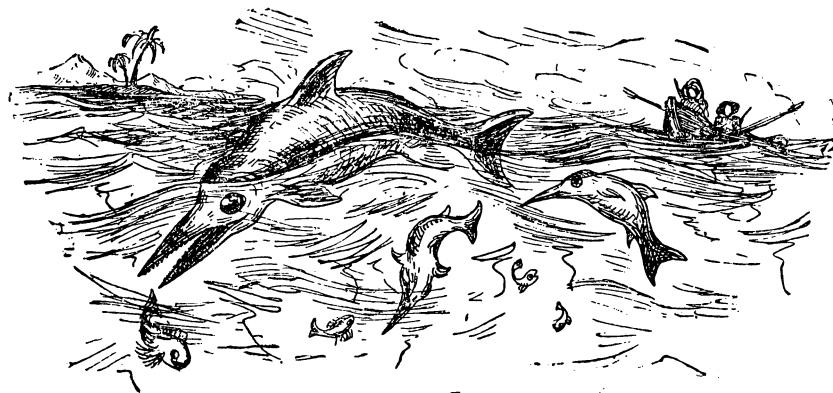
После двухчасового плавания сделали отдых, предоставив судну плыть только под парусами.

Море было почти спокойно. Легкий ветерок чуть рябил его поверхность, совершенно пустынную вдали от берегов.

Глубина была велика, так как шнурок с грузом, длиной в сто метров, не достал дна. Других средств измерения у пу-

тешественников не было. Отдохнув, они взялись опять за весла и гребли еще час.

Теперь они находились приблизительно на середине моря, потому что оба берега казались одинаково далекими. Вскоре ветер немного посвежел. Поплыли быстрее. Уже хорошо различались высокие утесы черного, лиловатого и красноватого цвета, поднимавшиеся уступами в глубь страны. Они тянулись вдоль самого берега, а правее уступали место зеленой стене леса; эта стена еще дальше вправо сменялась

Исследователи могли видеть, как молодой ихтиозавр охотился за рыбой

высокими красноватыми холмами, то доходившими до самой воды, то отделенными от нее узкой полосой темной зелени.

По мере приближения к берегу море начало оживляться; появились огромные медузы, до метра в диаметре, покачивающие свои прозрачные студенистые тела на волнах; когда переставали грести, в воде можно было различить стаи мелких и крупных рыб. По временам показывались наутилусы, распустившие свои паруса и красные щупальцы поверх белоснежной раковины.

В двух километрах от берега количество обитателей моря сделалось еще больше. Местами водоросли образовали целые пловучие острова, и весла погружались с трудом в их зеленую мягкую массу; вместе со стеблями этих растений можно было добывать из моря мелких ракушек, рыбок и насекомых.

Бросили свой импровизированный лот; глубина оказа-

лась двадцать пять метров. Отсюда уже хорошо видна была белая полоса прибоя у подножия утесов.

До сих пор плаванье шло как нельзя лучше и походило на увеселительную прогулку. Но путешественникам суждено было испытать и тревожные моменты. Примерно в километре от берега из воды быстро поднялась на расстоянии каких-нибудь тридцати метров от судна голова плезиозавра и, грациозно покачиваясь на длинной шее, стала подвигаться навстречу. Ящер плыл медленно, разглядывая людей, которых вместе с их судном очевидно принял за какого-то большого невиданного зверя.

Ружья с разрывными пулями были наготове, и, когда плезиозавр приблизился, грянули два выстрела. Обе пули попали в цель; стройная шея содрогнулась, кровь хлынула из полуоткрытой пасти, голова беспомощно повисла на раздробленной шее, и животное начало биться на воде, поднимая такие волны, что мореплавателям пришлось поскорее отплыть подальше, чтобы их не затопило.

Они усиленно гребли к берегу, когда мимо них, вздымая две гряды волн, словно подводная лодка, промчалась темная масса; из воды выдалась зелено-бурая спина и длинная огромная голова, напоминавшая голову крокодила. Полуоткыв пасть, усаженную острыми зубами, чудовище стремилось к умиравшему плезиозавру, рассчитывая на легкую поживу.

— Это вероятно ихтиозавр¹! — воскликнул Каштанов, провожая глазами страшного ящера.

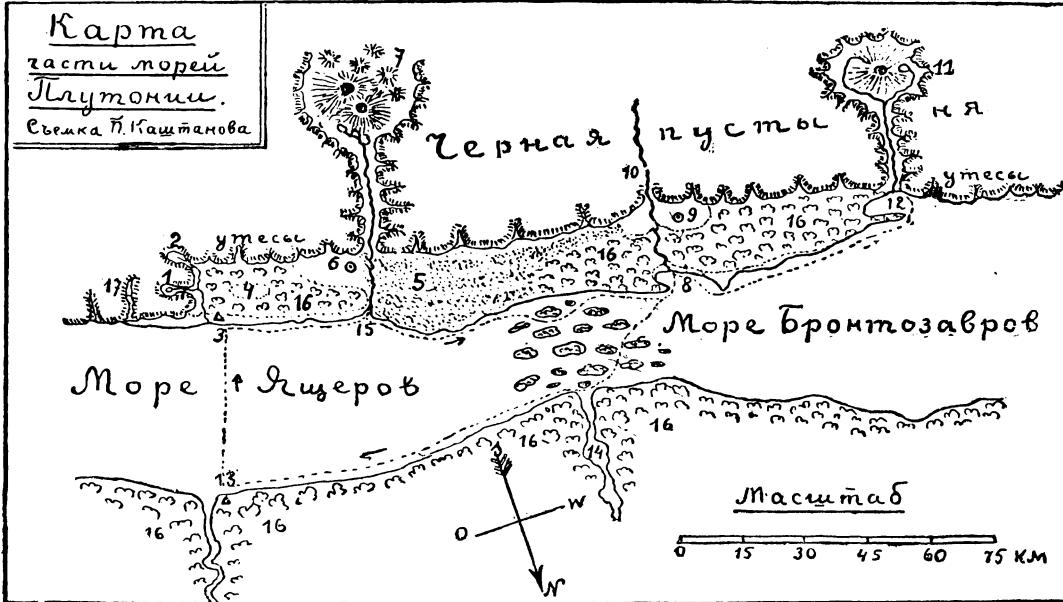
— Ну, эта гадина будет похоже той, — заметил Максеев, — он свободно может схватить и перекусить пополам человека.

— И его трудно заметить и пристрелить в воде, — сказал Громеко.

Берег был уже недалеко; подплывая к нему, исследователи имели еще возможность видеть, как молодой ихтиозавр охотился за рыбой, которая спасалась от него, высакивая из воды, совершая так же, как высакивают пескари, гольяны, язи, преследуемые прожорливой щукой; пасть ихтиозавра имела большое сходство с пастью щуки и также была усеяна острыми зубами.

¹ Ихтиозавры — морские ящеры юрского и мелового периодов с признаками рыб и ящеров (откуда название); тело рыбообразное, без шеи, голова вытянута в клювообразное рыло как у дельфина, длинный хвост, оканчивающийся плавником, плавник на спине, короткие передние и задние конечности в виде плавников, тело покрыто голой кожей; некоторые достигали 8—9 метров длины.

Карта
части морей
Птеродактилии.
Съёмка П. Каштакова

- 1 — озеро Стегозавра;
- 2 — ущелье Птеродактилей;
- 3 — место высадки;
- 4 — поляна Игуанодонов;
- 5 — песчаные холмы;
- 6 — муравейник № 1;
- 7 — вулкан Сатаны;
- 8 — бухта Рыбная;
- 9 — муравейник № 2;

- 10 — речка Муравьиная;
- 11 — вулкан Ворчун, озеро Отшельника и р. Папочкина;
- 12 — бухта Убежища;
- 13 — устье р. Макшеева;
- 14 — река Громеки;
- 15 — устье р. Серной;
- 16 — лес хвоицей, папоротников и пальм;
- 17 — ущелье Миллиардов

Отклоняясь от бурунов у подножия обнаженных скал, путешественники гребли к низкому берегу, окаймленному зеленой стеной, где виднелась ровная песчаная площадка, удобная для стоянки. Но море у берега было настолько мелкое, что пришлось вылезть из воды и тащить руками лодки и плот. Переезд через море занял около шести часов, время было близко к полудню, и после обеда и отдыха можно было еще побродить по окрестностям.

Плот и лодки вытащили на берег, расставили палатку и стали варить обед. При этом обнаружили, что пресная вода на исходе.

— Мы поступили очень неосторожно, — сказал Папочкин, — кто знает, есть ли на этом берегу пресная вода? Нужно было взять с собой воды на несколько дней.

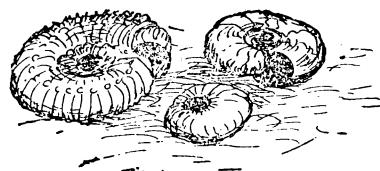
— Если мы воды не найдем, придется плыть обратно через море, почти ничего не увидев на этом берегу, — заявил Громеко.

— Я думаю, что ваши опасения напрасны, — успокоил Каштанов. — Если бы этот берег был совершенно лишен растительности, тогда другое дело. Но тогда бы мы конечно привезли с собой пресную воду, на эту мысль надел бы нас его пустынный характер.

— Я уверен, что мы по соседству найдем или ручей или источник, — сказал Макшеев, — потому что эта пышная растительность не может существовать на соленой воде.

После обеда и отдыха зоолог и ботаник отправились в лес за водой, а Каштанов и Макшеев должны были заняться осмотром береговых утесов к востоку от стоянки. Все вооружились ружьями, заряженными разрывными пулями, на случай встречи с сухопутными ящерами или какими-нибудь другими хищниками.

Генерала привязали у палатки, а в стороне разложили большой костер, который должен был пугать незваных гостей.

МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИАРДЫ МАКШЕЕВА

Ближайшие утесы почти черного цвета с красными и желтыми пятнами и подтеками на поверхности оказались состоящими из железной руды — сплошного магнитного железняка. Каждый удар молотка по скале обнаруживал эту руду, и только местами можно было заметить гнезда и вкрапления какой-то другой темной породы.

— Какие богатства лежат здесь бесполезно! — воскликнул Макшеев, когда они осмотрели ряд береговых утесов, и везде оказалась руда, с поверхности только немножко выветрившаяся и окислившаяся.

— Да, здесь можно было бы устроить рудник, который снабжал бы рудой все человечество на земной поверхности, — заметил Каштанов. — Конечно раньше пришлось бы построить железную дорогу через Плутонию и Землю Нансена и поставить гигантские ледоколы в море Бофора.

— Это дело будущего, вероятно не слишком далекого! Когда сократятся запасы железной руды там наверху, и не такие предприятия окажутся выгодными и необходимыми для человечества.

На расстоянии километра от начала утесов дальнейший осмотр берега был остановлен морем, волны которого разбивались у самого подножия отвесных скал, не оставляя даже узкой тропинки для прохода.

— Дальнейшую разведку придется производить с лодки в тихую погоду, — заметил Макшеев.

— А пока не попробуем ли мы пробраться вверх по одному из ущелий, мимо которых прошли? — предложил Каштанов.

Вернувшись немножко назад, оба исследователя углубились в первое же ущелье, врезанное в угасы железняка. Устье его было завалено громадными глыбами руды, через которые приходилось перелезать с большим трудом. Во время этого гимнастического упражнения Макшеев вдруг остановился пораженный.

— Посмотрите-ка, что это? — воскликнул он, указывая на блестящую ярко-желтую жилку, толщиной в пять-десять сантиметров, пересекавшую огромную глыбу магнитного железняка. — Держу пари на что угодно, что это чистое золото!

— Вы совершенно правы! — ответил Каштанов, — это самородное золото.

— Ну, и богатства здесь валяются! — воскликнул бывший золотоискатель. — Много месторождений золота пришлоось мне видеть в Калифорнии и в Аляске, но такой жилы сплошного золота я еще не встречал и даже не слыхивал о чем-либо подобном.

— Мне также не приходилось читать в описаниях о подобных жилках, — подтвердил Каштанов. — Но ведь она проходит только в глыбе, а не в скале, и богатство ее, в конце концов, ограничивается несколькими десятками килограммов.

— Если есть жилка в глыбе, почему не может найтись ее продолжение в утесе, от которого глыба оторвалась?

— Разумеется! Мы конечно поищем, но возможно, что она выходит наружу в совершенно неприступном утесе, и мы будем смотреть на нее, как лисица на виноград. «Хоть видит око, да зуб неймет!»

— Нет утесов недоступных для динамита и горных работ! — с увлечением вскричал Макшеев. — Лишь бы найти ее!

— Я думаю, что интерес этой находки будет для нас чисто теоретический. Мы не можем увезти с собой на наших ладьях не только тонну, но даже и сотню килограммов золота.

— Ну так что же! Уезжем, сколько можно, а затем снарядим специальную экспедицию в недра земли за золотом.

Осмотрев утесы, возвышающиеся в устье ущелья над грудой глыб, и убедившись, что в них золота не видно, геологи пошли вверх по ущелью, которое далее немного расширялось. Его бока поднимались отвесно, дно было усыпано щебнем и мелкими обломками. В боках виден был только магнитный железняк, но среди щебня Каштанов заметил и другие породы.

— Вот вам еще золото! — сказал Макшеев, пройдя вверх по ущелью шагов пятьдесят. Он поднял обломок руды, в которой золото было вкралено мелкими точками.

Шагах в двухстах от устья дно ущелья начало подниматься вверх, а затем превратилось в ряд уступов. Преодолев первые из них, геологи остановились перед совершенно ствесной скалой, вышиной в четыре метра, преградившей им путь, так как на гладкую стену железняка вскарабкаться не было никакой возможности.

Макшеев с огорченным видом стукнул молотком по отвесной стене и воскликнул:

— Дальше ходу нет, и наши надежды на золотую жилу, ухнули!

— Да, придется искать другое ущелье.

— Ну, что это! — рассердился Макшеев. — Вместо того, чтобы дать нам золото, утес хочет отнять у меня единственный молоток.

Этот взглаз обяснялся тем, что молоток словно прлип к стене, и золотоискатель напрасно старался оторвать его.

В это время Каштанов, который рассматривал породу возле уступа, повернулся к ней спиной, на которой висело ружье, и почувствовал, что какая-то могучая сила притянула его к себе. Ружье брякнулось о стену, и геолог оказался не в силах от нее оторваться.

— И сильна же магнитность этой руды! — воскликнул он, сообразив, в чем дело. — Это магнитный железняк притянул к себе и ваш молоток, и мое ружье!

— Но как же мы освободим их? Не оставлять же такие необходимые вещи тут на вечную память о нашей неудачной экскурсии?

Каштанов вылез из ремня, а ружье осталось плотно приставшим к стене. В это время Макшеев, рзявшись обеими руками за молоток, дернул его изо всех сил и оторвал от стены. Затем оба взялись за ружье и соединенными силами отделили и его от утеса.

— Делать нечего, идем назад! — предложил Каштанов. — С железными предметами в руках мы только измучимся.

— Постойте, я придумал средство взобраться выше. Ружья мы оставим здесь: в этом голом ущельи никакого зверя быть не может.

— Ну, и потом?

— А вот, смотрите!

Макшеев набрал среди щебня на дне ущелья угловатые, достаточно крупные куски руды и начал их приставлять ровной стороной к отвесной стене уступа; они тотчас же притали и держались крепко. Прилипшие куски образовали лестницу, по которой с некоторым риском можно было залезть наверх.

— Удивляюсь вашей находчивости, — сказал Каштанов. — Вы настоящий золотоискатель, который выходит с честью из любого затруднительного положения.

— Благодарю за комплимент! На эту идею меня навел мой молоток. Когда он торчал у стены рукояткой ко мне, а я давил на него рукой и не мог сдвинуть с места, у меня и явилась мысль — вот тебе ступенька лестницы; остальное понятно.

Оставив ружья, патронташи и сумку с собранными об-

разцами руды на дне ущелья, геологи полезли наверх. Впереди лез Макшеев и продолжал лестницу из кусков, которые подавал ему снизу товарищ. Через пять минут оба были наверху.

Ущелье сохраняло тот же характер: отвесные стены справа и слева ряд уступов на дне и везде сплошная более или менее магнитная руда. Вскарабкавшись еще шагов на двести, геологи увидели на дне ущелья глыбу, величиной с бычачью голову, ярко-желтого цвета, — это было сплошное золото.

— Ну-ка, золотоискатель, унесите-ка этот кусочек к нам в лагерь! — засмеялся Каштанов.

— Да, почтенная штучка. — ответил Макшеев, толкая ногой глыбу, которая и не шевельнулась. — Я думаю, эта штучка весит килограммов восемьдесят и стоит около ста тысяч рублей! Очевидно золотая жила близко!

Поднявши головы вверх, оба начали внимательно осматривать отвесные бока ущелья и вскоре справа, на высоте около четырех метров, увидели среди темного магнитного железняка желтую жилу золота, шедшую наискось; она то раздувалась до полуметра, то сжималась, давала отрыски вверх и вниз.

— Миллионы, миллионы перед нами! — вздохнул Макшеев, окинув взором видимую длину жилы. — Здесь десятки тонн золота прямо на виду!

— Вы слишком увлекаетесь золотом, — заметил Каштанов. — Пусть эта жила стоит десятки миллионов, но ведь это только жила. А ее окружает целая гора цепной железной руды, миллиарды тонн, которые стоят миллиарды рублей.

— Но весьма вероятно, что и жила не одна; возможно, что целые участки горы состоят из золота и тогда его запасы будут стоить тоже миллиарды рублей.

— Если бы мы стали добывать такие массы золота, его рыночная цена быстро бы упала. А значение золота в жизни человечества гораздо меньше, чем значение железа, без которого современная техника не может обходиться. Уничтожьте золотую монету и бесполезные золотые украшения, и спрос на золото окажется очень небольшим.

— Вы увлекаетесь ролью железа, — возразил Макшеев. — Если бы золота было много, оно заменило бы многие металлы, особенно в сплавах с медью, цинком, оловом. Техника предъявляет большой спрос на прочные, не окисляющиеся металлы и сплавы. Из дешевого золота начали

бы делать бронзу, проволоку и многое, на что теперь поневоле берут медь и ее сплавы.

— Все-таки здесь бесспорно громадные запасы железа и проблематические, сравнительно небольшие запасы золота.

— Ну хорошо, ты берите себе запасы железа, а мне предоставьте золото, когда мы вернемся сюда, чтобы разрабатывать их, — засмеялся Макшеев.

— Могу предоставить вам и железную руду, пусть эти миллионы или миллиарды будут вашей добычей! — ответил такой же шуткой Каштанов.

Вернувшись к берегу моря, исследователи осмотрели еще несколько подобных же ущелий. Везде стены состояли из железной руды, местами с прожилками и гнездами золота. Но толстой жили, подобной найденной в первом ущелье, больше не встречали, так что Макшеев вынужден был признать, что богатства, представленные железной рудой, несравненно больше, чем те, которые давало золото. Тяжело нагруженные образцами миллионной и миллиардной руды, геологи пришли наконец к палатке, где поразили своим рассказом товарищей, вернувшихся немного раньше.

ЛЕС ХВОЩЕЙ

Песчано-галечный пляж моря был ограничен со стороны суши густой растительностью; друг возле друга стояли огромные хвоци, достигавшие еосыми — десяти метров в высину. Зеленые ветки их начинались на небольшой высоте над землей, так что под ними можно было пребираться только

ползком или сильно согнувшись. Между хвощами росли древовидные папоротники разных видов. В общем, получалась чаща, почти непроходимая для человека.

Папочкин и Громеко начали искать тропу или естественный разрыв в чащце и наконец нашли узкое сухое русло, пролегавшее по границе между утесом и лесом. Недалеко от моря русло раздвоилось: левая ветвь продолжала итти между утесами и лесом, правая уходила в глубь чащи. Растительность здесь немного изменилась: кроме хвоицей и папоротников, попадались саговые пальмы, которые поднимались на несколько метров выше хвоицей. Почва в лесу была покрыта мелкой травой, жесткой, как щетина. Вдоль русла, на краю лесной чащи, теснились и другие растения. Громеко то и дело произносил названия и приходил все больше и больше в ботанический оазарт.

— Знаете ли, — воскликнул он наконец, — в каком геологическом периоде мы сейчас находимся?

— Уж не в каменноугольном ли? — буркнул зоолог, который не имел пока еще никакой научной добычи в лесу и только переколол себе руки о колючую траву.

— Эка куда хватили! Разве ихтио- и плезиозавры вошли в каменноугольное время? Благодаря общению с геологами мы уже просветились на этот счет. Нет, батенька, мы сейчас в юрском периоде. Смотрите, вот типичный для него папоротник, вот стройное деревцо гингко, а эта жесткая травка найдена впервые в юрских отложениях Иркутской губернии на берегу реки Ангары и названа Освальдом Герером, швейцарским палеоботаником, именем геолога Чекановского, открывшего ее.

— Ну и прелость, стыдно ей давать его имя! Она ~~уже~~ нашей крапивы и ею может питаться разве какой-нибудь ящер с ложеной глоткой.

— Легок на помине! — прервал Громеко своего сердитого спутника. — Взгляните-ка на этот маленький следок, это уже скорее по вашей части.

Он остановился среди русла, указывая пальцем на почву. На мелком песке виднелись глубоко вдавленные следы огромных лап с тремя пальцами, оканчивавшимися тупыми когтями; след имел более тридцати сантиметров в длину.

— Ну и чудовище же здесь прошло! — с легкой дрожью в голосе воскликнул зоолог. — Это конечно ящер! Но интересно бы знать — травоядный или хищник? В последнем случае встреча с ним будет не особенно приятна.

Папочкин внимательно рассматривал следы, видневшиеся на песке и исчезавшие там, где песок сменялся галькой.

— Странно, что все следы имеют одинаковые размеры — сказал Громеко. — Передние лапы всегда бывают меньше задних, насколько я знаю. А что это за полоса в промежутке между следами правых и левых ног? Можно подумать, что животное тащило за собой огромное бревно.

Папочкин рассмеялся.

— Это след, оставленный хвостом ящера. И сопоставляя его размеры с одинаковой величиной стисков ступней, я полагаю, что животное гуляло только на задних ногах, опираясь на хвост.

— Разве подобные двуногие ящеры известны?

— Известны, и именно из юрского периода. Например игуанодон, походивший на огромного кенгуру и имевший огромные задние и маленькие передние ноги.

— А чем же он питался?

— Растениями, судя по форме его зубов. Если эти следы действительно принадлежат игуанодону, нам бояться нечего, хотя это чудовище достигало в юрское время от пяти до девяти метров в длину.

— Ну и прекрасно! — вздохнул ботаник. — Я все еще помню того отвратительного ящера, который собирался пожинать мною или Макшеевым на реке.

От разветвления русла путешественники решили идти по правой ветви, тянувшейся к подножию утеса, где скорее можно было встретить источник воды, составлявший главную цель экскурсии. Действительно вверх по этой ветви почва становилась все более и более влажной, а мелкая растительность вдоль нее все более пышной и разнообразной.

Вдруг впереди между стеблями растений в русле заблестела вода.

— Мы спасены! — воскликнул Папочкин. — Источник недалеко от нашей стоянки.

— А может быть вода соленая? — поддразнил его Громеко.

— Попробуйте! По виду она пресная.

— Как же вы различаете по виду пресную и соленую воду? Я что-то не умею.

— Вы — ботаник, а не знаете, какие растения бывают вокруг соленой воды?

— Во-первых, здесь юрский период, а какие растения произрастали вокруг юрской соленой воды, мы еще не знаем. Во-вторых, вы сказали, что различаете воду по ее виду, а не по виду окружающих растений.

— Я не так выразился, нужно было сказать: по виду

русле. Если бы в источнике была соленая вода, все русло было бы покрыто отложениями разных селей.

Обмениваясь этими замечаниями, Папочкин и Громеко быстро шли вверх по руслу, которое вскоре врезалось узкой щелью в высокие утесы и содержало здесь маленький ручеек пресной воды, постепенно исчезавший в песке. На последнем в изобилии риделись большие и малые следы ящеров, приходивших на водопой.

— Сколько их тут ходит! — воскликнул Громеко. — Того и гляди наткнемся на этакое двуногое чудовище.

Утолив жажду, охотники осторожно, приготовив на всякий случай ружья, пошли по ущелью вдоль ручейка. Оно быстро расширялось и превратилось в котловину, окаймленную почти отвесными темнокрасными скалами, красиво оттенявшими зелень кустов и деревьев, росших вдоль их подножья. Среди зеленої лужайки на дне котловины блестело маленькое озеро, на дне которого, очевидно из почвы, выходили ключи. К озеру через лужайку шла широкая, хорошо пропашная тропа. Дно еле виднелось через прозрачную воду.

Набрав воды в принесенные с собой ясстяные сосуды, охотники решили спрятаться в кустах котловины, чтобы выждать, не явится ли какое-нибудь животное на водопой. Но минуты проходили за минутами, а никто не появлялся. Только в воздухе над котловиной реяли несколько стрекоз, еще более крупных, чем те, которые оживляли реку Мажшеева; Папочкин следил за ними и вдруг схватился за ружье.

— Что вы, уж не стрекоз ли хотите стрелять разрывной пулей? — рассмеялся Громеко.

— Тише, смотрите туда, на скалу! — прошептал зоолог, указывая на утесы, возвышавшиеся над входом в котловину.

На небольшой площадке стоял на задних лапах, подпираясь длинным и толстым хвостом, небольшой ящер, очень похожий на кенгуру; но только он был темнозеленого цвета с бурьими пятнами, а готова его напоминала голову талиара с нависшей хоботообразной верхней губой.

— Вероятно молодой игуанодон! — прошептал Папочкин.

— Жаль, что не кенгуру, — заметил ботаник. — Кенгуру мы бы скушали на ужин, а ящера есть пожалуй не решимся.

— Милый мой, не забывайте, что мы в юрском периоде и птиц или млекопитающих не найдем для продовольствия. Если мы не хотим умереть от голода, нам придется перейти на мясо ящера. Несмотря на ваши ботанические восторги, вы пока еще не нашли съедобных корней плодов или трав. Не жевать же нам хефши или эту поганую чекановскую траву!

— А рыба? Ведь в море рыба водится.

— Почему вы не боитесь есть рыбу, а боитесь питаться мясом травоядного ящера? Это все предрассудки, которые приходится забыть в этом подземном царстве.

На небольшой плосадке стоял на задних лапах, подпираясь длинным и толстым хвостом, небольшой игуанодон

Грянул выстрел. Животное сделало прыжок в воздух и тяжело грохнулось на лужайку ниже озера. Когда сно перестало биться, охотники вылезли из своей засады и подошли к нему.

Молодой ящер был ростом выше человека: его неуклюжее тело покоилось на толстых и длинных задних ногах и толстом, в конце сразу утончающемся, хвосте; передние ноги были коротки и тонки и имели по пяти пальцев с небольшими острыми когтями, тогда как на задних было по три пальца с большими, но тупыми когтями. По всему складу тела было очевидно, что животное предпочитало вертикальное положение горизонтальному, так как при последнем его задняя половина поднималась значительно выше передней. Голова была большая, довольно противного вида, с обвисшими мясистыми губами и маленькими глазками. Тело было совершенно голое, как у лягушки, а кожа наощущать такая же скользкая и холодная.

Обмерив, описав и сфотографировав ящера, охотники отрезали у него мясистые задние ноги, весившие каждая почти шестнадцать килограммов, и пошли назад к стану, тяжело нагруженные провизией и водой.

Мясо ящера, поджаренное ломтиками на сковородке, оказалось настолько вкусным и нежным, что даже Громеко, питавший отвращение ко всяkim пресмыкающимся и земноводным, поел его с аппетитом.

За ужином обсуждали план дальнейшего путешествия. Способ передвижения на лодке, оказавший до последнего времени такие услуги, теперь повидимому был неприменим, если только с юга в море не впадала река, вверх по которой можно было бы плыть. В первую очередь и нужно было искать устье такой реки. Во время поисков можно было обследовать и местность по этому берегу и в зависимости от ее характера решить вопрос о дальнейшем маршруте на случай, если бы никакой реки не оказалось. Тогда пришлось бы идти пешком, что конечно сильно ограничивало путешествие.

ХИЩНЫЕ И ТРАВОЯДНЫЕ ЯЩЕРЫ

На следующий день довольно сильный ветер развел на море порядочную волну, и брызги прибоя долетали даже до палатки. В такую погоду плаванье на утлом судне было невозможно, и путешественники решили ехать вчетвером сделать экскурсию в глубь незвестной страны, пользуясь руслом, пересекавшим лес.

Так как нельзя было предполагать, что морские ящеры нападут на пустую палатку, возле нее оставили только Генерала, но не на привязи, чтобы в случае опасности он мог спрятаться в чаще.

Выше того места, где русло разделялось на две части, вдоль левой ветви, по которой направились охотники, с обеих сторон продолжалась стена хвоющей и папоротников. Только кое-где по чаще извивались узкие тропы, протоптанные небольшими животными. В воздухе, над вершинами деревьев реяли огромные стрекозы и другие насекомые таких же громадных размеров; изредка проносились небольшие штеродактили, преследовавшие этих насекомых. Но лесная чаща казалась совершенно мертвой, необитаемой: не слышно было ни пения птиц, ни шорохов, которыми так изобиловали леса по берегам реки Махшесева. Только один раз шедший впереди Громеко заметил на узкой тропе какое-то темное животное, величиной с небольшую собаку, но оно скрылось так быстро, что он даже не успел прицелиться. Пришлось довольно часто охотиться охотой за насекомыми, и Папочкин добыл мотылька в тридцать пять сантиметров шириной, усевшегося на цветок пальмы, и несколько жуков, величиной с большой кулак, которые пребольно кусались и царапались.

Наконец лес кончился, и охотники вышли на обширную поляну, поросшую той же жесткой травкой, а местами, где почва была влажная, плаунами, мхами и небольшими кустами стелившихся папоротников. На юге поляна доходила до крутого и голого склона темно-красных гор, поднимавшихся метров на двести и рассеченных глубоким ущельем; оттуда вероятно вытекала вода, заболачивавшая поляну и во время дождей сбегавшая по руслу в море. Поляна имела больше километра в длину и от ста до двухсот метров в ширину.

Геологов манило к себе ущелье в горах, и все понравились к нему. Но, отойдя немного, заметили, что на северной окраине поляны, за выступами леса пасется небольшое стадо ящеров.

Одни, стоя на задних лапах, обрывали своими толстыми губами листья пальм и молодые, более нежные побеги хвоицей и папоротников. Другие же, исключительно молодые, кормились травой, смешно подняв свой толстый зад выше головы и размахивая хвостом. Иногда они начинали резвиться и гоняться друг за другом то на четырех, то на двух ногах, делая неуклюжие прыжки.

Нельзя было упустить такой интересный случай сфотографировать пасущихся и играющих игуанодонов. Путешественники быстро вернулись к опушке леса и стали подкрадываться вдоль нее к стаду. Им удалось приблизиться и сделать первый снимок, когда игуанодоны внезапно встревожились: взрослые перестали есть, насторожились и затем испустили резкий свист. Услыхав его, молодые поднялись на задние ноги и, неуклюже переваливаясь, побежали к родителям, которые окружили их кольцом, обратившись спиной наружу.

Второй и третий снимки усковечили эту тревогу игуанодонов, которая оказалась не напрасной. С противоположного конца поляны вдоль опушки леса огромными прыжками в несколько метров длиною приближалось чудовище, которое охотники приняли сначала за игуанодона.

Оно было такого же роста и также пользовалось для передвижения только задними ногами; но когда оно приблизилось, можно было заметить, что оно отличалось от травоядных ящеров более стройным телом и несравненно более быстрыми движениями. Подскакав к кругу игуанодонов, чудовище остановилось и издало громкое шипение, на которое его противники ответили протяжным жалобным свистом. Затем оно начало кружиться короткими скачками вокруг ящеров, но со всех сторон встречало поднятые зады и тяжелые, размахивающие хвосты последних. Удар хвостов или массивных задних ног вероятно имел ужасную силу.

Убедившись в невозможности проникнуть в круг этим путем и похитить одного из детенышей, хищник внезапно сделал огромный прыжок через головы защитников и обрушился на столпившихся в центре, прижавшихся друг к другу молодых игуанодонов. Трусливые травоядные бросились врассыпную, спасаясь от врага, который успел схватить одного из молодых и сразу перекусил ему горло.

Разные моменты нападения также были сфотографированы, после чего раздались два выстрела и хищник растянулся рядом со своей жертвой. Когда он перестал двигаться, охотники приблизились и могли рассмотреть этого нового

Цератозавр успел схватить одного из молодых ящеров и сразу перекусил ему горло

представителя крупных пресмыкающихся. Он действительно походил на игуанодонов своими длинными задними ногами и толстым хвостом, служившим опорой телу.

Передние ноги были очень короткие и оканчивались четырьмя пальцами с острыми когтями. На короткой шее сидела небольшая голова с огромной пастью, усаженной острыми зубами, и на переносице возвышался короткий и плоский рог, служивший скорее украшением, чем орудием нападения.

Два меньшие рога поднимались над глазами, а от затылка вдоль спины и хвоста тянулся ряд мелких, но острых шипов. Голая морщинистая кожа была серо-зеленого цвета. Животное достигало пяти метров в длину и обладало несомненно огромной силой, а о его ловкости и смелости можно было судить по нааданию на стадо игуанодонов.

Рассмотрев убитого ящера, Каштанов нашел, что это должен быть цератозавр из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны и другие сухопутные ящеры мезозойской эры.

— Надеюсь, что этого отвратительного хищника мы есть не будем! — сказал Громеко, когда было окончено измерение и описание животного.

— Отчего же? Если бы не было другого мяса, пришлось бы удовольствоваться и этим, — ответил Макшеев. — Но мы можем воспользоваться игуанодоном, которого хищник успел только загрызть.

— Только нужно его хорошо припрятать. Иначе птеродактили не оставят нам ни кусочка. Смотрите, они уже почувствовали поживу!

Действительно, над поляной уже кружились летучие ящеры, издавая свое хриплое кваканье. Поэтому охотники отрубили задние ноги молодого игуанодона и спрятали их в чаще, подвесив к ветвям, а затем направились к ущелью через поляну, опустевшую после битвы и выстрелов.

УЩЕЛЬЕ ПТЕРОДАКТИЛЕЙ

Устье ущелья было широкое, и по его дну извивался ручеек, окаймленный группами папоротников. На крутые склоны растительность не поднималась; они были голые, скалистые, красноватого, черного или желтого цвета. Каштанов и Макшеев поспешили к скалам. Громеко занялся поиском новых растений вдоль берегов ручейка, а Папочкин — охотой за громадными бабочками, порхавшими над лужайками.

Первый утес, к которому подошли геологи, был темно-красного цвета. Каштанов ожидал опять встретить в нем железную руду, но, отбив кусок и рассмотрев его под лупой, он покачал головой и промолвил:

— Это что-то новенькое!

Несколько кусочков, отбитых в других местах, имели такой же характер, но твердые и гладкие скалы не давали возможности отбить более крупный образец. Тогда оба геолога соединенными силами начали разбивать глыбу той же породы, лежавшую у подножия. Наконец она дала трещину и развалилась на две части: в ее ядре блеснули жилки и гнезда белого металла.

Каштанов наклонился и воскликнул с удивлением:

— Самородное серебро, очевидно, в сплошной красной серебряной руде.

— Опять миллионные богатства! — усмехнулся Макшеев.

После находки сплошной золотой жилы, значение которой так раскритиковал его учений товарищ, Макшеев относился немного презрительно к дарам минерального царства этой волшебной страны.

Подвигаясь далее вдоль подножия утеса, геологи скоро достигли места, где темно-красный цвет сменялся черным с желтыми и красными пятнами и жилками. Здесь опять оказался сплошной магнитный железняк. Немного далее, более разрушенные, изрытые ложбинками утесы были яркожелтого и зеленовато-желтого цвета. В них Каштанов признал свинцовые охры и окисленные свинцовые руды, в которых на глубине мог быть скрыт массивный свинцовый блеск.

Еще дальше вверх по ущелью на склоне возвышался большой утес, привлекавший к себе внимание своим темно-зеленым цветом; издали казалось, что он покрыт мхом или лишайниками. От этого утеса молоток отскакивал со звоном, и только с большим трудом удалось отбить небольшие кусочки, которые еще более увеличили удивление Каштанова.

— Самородная медь сплошной массой, с поверхности скислившаяся, — сказал он.

— Ну и богатства в здешней стороне! — воскликнул Макшеев. — Какой руды хочешь, той и просишь. Хоть ставь тут универсальный metallurgический завод!

— Да, когда на наружной поверхности нашей планеты руды не будет хватать для растущих потребностей человечества, ему волей-неволей придется спуститься сюда за нужными металлами. Тогда и льды, и туманы, и выюги будут человеку нипочем.

— Или же люди просверлят туннель-шахту из Европы или Америки через земную кору, чтобы добраться кратчайшим путем к этим огромным запасам! — пошутил Макшеев.

В это время над геологами, увлекшимися осмотром исконаемых богатств, быстро пронеслась большая тень и одновременно послышался возглас Громеко:

— Берегитесь летучего ящера!

Оба схватились за ружья и подняли головы. На высоте метров двадцати над ними реяло огромное животное темного цвета; по его полету не трудно было узнать летучего ящера из породы птеродактилей; он был значительно крупнее тех, которых видели на берегу моря, и имел около шести метров в размахе крыльев. Опустив вниз голову с огромным клювом, ящер высматривал себе добычу и глядел с удивлением на невиданных двуногих тварей.

Но охотникам некогда было ждать разрешения его сомнений, так как ящер, обрушившись с такой высоты на свою жертву, мог убить или сильно поранить ее когтями или зубами. Макшеев быстро прицелился и выстрелил. Птеродактиль метнулся в сторону, усиленно замахал крыльями, отлетел на склон ущелья и уселся на выступе скалы, где начал мотать головой, раскрывая и закрывая зубастую пасть.

— Должно быть ему немного попало! — заметил Макшеев, не решаясь стрелять еще раз, потому что животное сидело слишком далеко.

В это время на лужайке, где оставались зоолог и ботаник, раздался громкий крик и вслед за ним выстрел.

Из-за ряда хвоцей и папоротников, отделявших русло ручья от подножия скал, вылетел второй птеродактиль, уносивший в своих лапах какой-то большой темный предмет. Предположив впопыхах, что ящер унес одного из товарищей, Каптанов выстрелил в свою очередь. Разбойник взмахнул крыльями, выронил ношу и сам полетел кувырком за стену деревьев.

Геологи бросились со всех ног в эту сторону, чтобы по-

дать помоћь товарищу, свалившемуся с высоты нескольких метров. Но, пробившись через чащу, они столкнулись с бежавшими им навстречу Громеко и Папочкиным.

— Вы оба живы и целы? Кто же из вас только что выпал из когтей ящера?

Товарищи дружно рассмеялись.

— Ящер унес только мой плащ, в который я завернул собранные растения и положил на лужайку. Он очевидно принял его за какую-то падаль, — объяснил ботаник.

— А я стрелял ему вслед, но вероятно промазал! — добавил зоолог.

Успокоившись насчет судьбы товарищей, геологи пошли вместе с ними туда, где еще трепыхался подстреленный ящер. При приближении людей он вскочил на ноги и бросился им навстречу, взмахивая одним крылом и волоча другое, очевидно сломанное.

Он бежал, переваливаясь, как утка, вытянув вперед огромную голову, раскрыв пасть и издавая злобное кваканье. Мясистый нарост на его переносице налился кровью и стал темно-красным. Ящер достигал человеческого роста и, несмотря на рану, представлял опасного противника, так что пришлось прикончить его вторым выстрелом.

Пока Каштанов и Папочкин изучали птеродактиля, Макшеев и Громеко отправились искать похищенный плащ. Они осмотрели лужайку до подножия скал, лазили по чаще, но ничего не нашли.

— Вот так история, куда же он девался? — ворчал ботаник, отирая пот, катившийся градом с лица. — Не мог же он проглотить мсй плащ!

— Я прекрасно видел, что ящер выронил его после выстрела, — подтвердил Макшеев.

В это время второй птеродактиль, до сих пор сидевший на выступе скалы, взлетел на воздух, спланировал к вершинам хвойной и подцепил на одном из них какой-то темный предмет, с которым полетел дальше.

— Чорт возьми! — воскликнул ботаник, — это опять мой плащ. Мы искали его на земле, а он остался на деревьях.

Макшеев уже целился в пролетавшего мимо ящера, но внезапно плащ развернулся, сноп растений посыпался вниз, а испуганное животное выпустило из когтей свою добычу. Охотник опустил ружье.

— Эти птеродактили очевидно не отличаются особенной сообразительностью, если таскают несъедобные вещи, — сказал Громеко, направляясь к упавшему плащу.

— А может быть они умнее, чем вы думаете. Не хотели

ли они похитить ваш плащ и ваше сено, чтобы устроить своим детенышам более комфортабельное гнездо? — пошутил Макшеев.

— Сено? Как вы непочтительно выражаетесь о моих ботанических сборах! А чтобы доказать ум ящеров, не скажете ли вы, что он унес мой плащ, чтобы одеть своих голых детенышей?

— Нет, этого я не скажу! — рассмеялся Макшеев. — Разве что летучие ящеры играли роль царей юрского периода и стояли на очень высокой ступени развития. Но зачем вы набрали столько одинаковых растений? — прибавил он, увидев, что ботаник подбирает разбросанные по лужайке стебли, выпавшие из плаща и похожие на камыши.

— И вот догадайтесь, что это такое? — ответил Громеко, подавая своему спутнику один из стеблей.

— Какой-то камыш, по-моему, толстый и довольно кочечий. Им могут питаться разве какие-нибудь игуанодоны.

— Вы угадали, игуанодоны едят его с удовольствием, но и мы не откажемся от этого камыша.

— Неужели? Он годится разве для супа!

— Нет, не для супа, а для чая. Разломайте-ка стебель.

Макшеев переломил стебель, из которого вытекла какая-то прозрачная жидкость.

— Попробуйте сок этого презренного камыша.

Сок оказался липким и сладким.

— Неужели это сахарный тростник?

— Если не сахарный тростник, растущий в настоящее время на поверхности нашей планеты, то во всяком случае сахароносное растение.

— Как же вы догадались, что оно сладкое?

— Во рту молодого игуанодона, которого задавил хищник на поляне, я видел стебель какого-то растения: наощупь оно показалось мне липким. Я стал искать, где оно растет, и нашел его в изобилии вдоль ручья, и конечно попробовал сок. Наши запасы сахара на исходе. Можно заменять сахар соком этого тростника и даже вываривать из него сахар. Видите, мое сено в иных случаях приносит прямую пользу!

Вернувшись к убитому птеродактилю, Громеко показал и остальным товарищам свою находку, из-за которой произошло приключение с плащом. Все одобрили его план и решили на обратном пути нарвать побольше тростника, чтобы попробовать устроить выварку сахара.

Охотники направились дальше по ущелью, на дне которого протекал ручеек, окаймленный узкой полосой мелких хвоцей и жесткой травы.

Скоро теснина превратилась в настоящую щель, все дно которой было покрыто водой. Стало темно, мрачно и сырое. Охотники шли гуськом: впереди Макшеев с ружьем в руках, позади Каштанов, пробовавший молотком утесы.

Но вот впереди стало светлее, показалась зелень. Щель быстро расширилась и превратилась в довольно большую котловину, окруженную скалами, внизу отвесными, а выше отступавшими уступами во все стороны, образуя амфитеатр. Дно котловины было покрыто сочной и зеленой травой, в центре находилось озеро, из которого вытекал ручеек.

— Фу, как здесь воняет! — воскликнул Громеко, как только охотники подошли к озеру.

— Действительно, пахнет очень скверно, словно падалью! — подтвердил Макшеев.

— Уж не минеральное ли это озеро, например с серными источниками? — предположил Папочкин, наклоняясь к воде.

Охотники начали оглядываться по сторонам и обратили внимание на странное шипение, чередовавшееся с визгом, напоминавшим визг иробки, водимой по стеклу. Эти звуки раздавались сверху, со стен котловины, но никого не было видно.

В это время над лужайкой мелькнула большая темная масса и опустилась на один из уступов, откуда навстречу ей визг и шипение раздались особенно громко.

— Птеродактиль! — воскликнул Макшеев.

— Очевидно здесь гнезда летучих ящеров, — догадался зоолог.

— Ну, вот вам и источник вони! Эти животные вероятно очень неопрятны.

Ящер, спустившийся на уступ, вскоре поднялся и, заметив в котловине людей, начал кружиться над ней, издавая отрывистое кваканье. На утесах визг и шипение сразу прекратились.

— Иши, замолчали детеныши!

— Интересно было бы раздобыть яйца и молодых птенцов из гнезд, — сказал зоолог.

— Попробуйте-ка залезть на эти кручи, а потом вступить в бой с родителями. Они вам покажут, где раки зимуют!

— Э, да их тут много! — воскликнул Каштанов, указывая на другого птеродактиля, высунувшегося из-за выступа, тогда как еще два уже реяли в воздухе.

— Что же, начнем пальбу? — предложил Макшеев, которому хотелось загладить свой промах.

— Зачем? Одного мы уже добыли и рассмотрели, а заряды нужно беречь. — предупредил Каштанов.

— И дадим лучше отбой; налево, кругом! пока все гнездилища не встревожились, — сказал ботаник, которому пребывание в зловонной котловине было очень не по вкусу.

Над лужайкой летали и квакали уже несколько ящеров, и охотники сочли более благоразумным последовать совету Громеко. Проходя к выходу в щель, они заметили у подножия стены целые кучи костей разной величины, перемешанных с пометом птеродактилей.

— Мы попали в помойную яму гнездилища ящеров! — пошутил Макшеев.

— Они устроились тут в безопасном месте, это — настоящая крепость.

— Вероятно на их яйца и детенышей покушаются другие ящеры, — пояснил зоолог. — Обратите внимание, что хотя это пресмыкающиеся, но повадки у них уже птичьи.

— Совершенно верно. Наличие крыльев позволило им изменить образ жизни своих далеких предков.

— Все-таки жаль, что мы не могли узнать, как устроены их гнезда и какой вид имеют яйца и детеныши, особенно насиженные яйца.

— Я думаю, что они не высиживают яйца, как птицы, — заметил Каштанов, — а предоставляют эту обязанность солнцу, как другие пресмыкающиеся.

— Не горюйте, мы где-нибудь найдем еще яйца игуанодонов или плезиозавров, — утешал Громеко зоолога.

— Если они будут свеженькие, устроим себе колоссальную яичницу. Воображаю, как велики яйца этих тварей, одного хватит на нас всех! — шутил Макшеев.

Вернувшись обратно через ущелье на поляну у подножия возвышенности и набрав по дороге сладкого тростника, путешественники направились к месту, где был убит хищный ящер.

Здесь царило большое сживление. В воздухе носились взад и вперед летучие ящеры разной величины; трупы цератозавра и игуанодона были покрыты этими животными. Отрывая куски мяса от туш, одни пожирали их на месте, другие же уносили на юг, к ущельям гор, где очевидно находились их гнездилища. Визг, кваканье и шипение раздирали уши.

При приближении людей вся стая, пирившая на трупах, вспокоилась. Одни взлетели и начали кружиться над поляной, другие, переваливаясь на своих коротких ногах и болоча полураспущенные крылья, отбежали в сторону. Они очевидно наелись так, что им трудно было летать. Папочкин успел сфотографировать два момента этого переполоха.

Наевшиеся ящеры не нападали на людей, нарушивших их трапезу, а только оглашали воздух различными звуками, выражавшими вероятно неудовольствие.

Над лужайкой летало и квакало несколько ящеров

Захватив в чаще спрятанные окорока игуанодона, охотники направились через лес по тому же сухому руслу. Приближаясь уже к котловине, Громеко шедший впереди, вдруг остановился и указал своим спутникам на отпечатки огромных ступней, глубоко вдающиеся во влажный песок русла.

— Это не игуанодон, — заметил Папочкин. — Животное шло на четырех ногах. Смотрите, вот следы задних ног с тремя пальцами, а вот следы передних с пятью!

— И ступни имеют другую форму и большую величину, чем у игуанодона, — заметил зоолог, указывая на впадину.

— А по ступне можно узнать, хищное это животное или травоядное? — спросил Макшеев.

— Я думаю, что оно травоядное. Пальцы оканчиваются не когтями, а чем-то броде копыт, которыми хватать нельзя.

— А вот и отпечаток хвоста, более короткого и тонкого, чем у игуанодона, — заметил зоолог, указывая на впадину, извивавшуюся между отисками ног.

— Во всяком случае животное очень крупное и очевидно находится около нашего озера, потому что обратного следа нет, — сказал Громеко.

— Да, поэтому ружья наготове и будем осторожны! — предупредил Макшеев.

Медленно, шаг за шагом, охотники подвигались вверх по руслу, зорко всматриваясь вперед. Но никто не появлялся, только стрекозы и жуки реяли и летали над вершинами хвоицей и папоротников. Пройдя по узкому зеленому коридору до утесов, охотники остановились в перешительности.

Шепнув товарищам, чтобы они подождали, Макшеев пробежал по ущелью и затем подал сигнал, чтобы остальные присоединились к нему. В котловине все спрятались за деревья у ее входа и могли наблюдать интересное зрелище.

На лужайке паслось чудовище, превосходившее по своим размерам и по своему странному виду все, что путешественники до сих пор видели в Плутонии — стране вымерших исполинов.

Животное достигало восьми метров в длину и до четырех метров в высину. Передние ноги были значительно короче задних, и массивное туловище направлено вперед, оканчиваясь поразительно маленькой головой, похожей на голову ящерицы. Вдоль спины тянулись двумя рядами щитки или пластинки, торчащие вверх и несколько вбок, подобно крыльышкам. Четыре пары самых крупных поднимались над туловищем, три пары маленьких — над толстой шеей и две пары — над хвостом.

Менее массивный и более короткий, чем у игуанодонов и цератозавра, хвост нес еще три пары длинных шипов пониже пластин. Голая морщинистая кожа чудовища была кое-где усеяна бородавкообразными возвышениями, более многочисленными и мелкими на шее и голове, более редкими и круп-

Стегозавр достигал восьми метров в длину и до четырех метров в высину

ными на туловище и хвосте. Темнобурые пятна и разводы на грязнозеленом фоне кожи усиливали отталкивающий вид животного.

Оно спокойно паслось на берегу озера, захватывая пучки сладкого тростника и мелких хвоцей своей большой пастью, размеры которой никак не соответствовали маленькой голове. При движении туловища щитки на спине делали небольшие взмахи, словно крылья.

— Точно крыльшки амура, — прошептал Макшеев.

— Хорош этот амур юрского периода! — засмеялся Громеко. — Я никогда не мог себе вообразить, что могут существовать подобные страшилища.

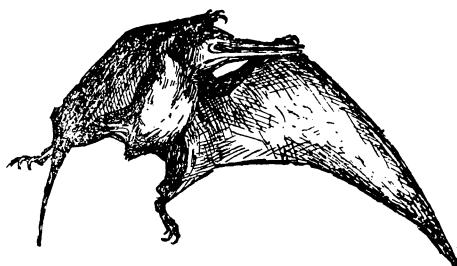
— Этот страшный вид, щитки, шипы, бородавки, разводы — все это средства для отпугивания врагов этого мирного и вероятно совершенно безобидного животного, — сказал зоолог, сделавший уже несколько снимков. — А как зовут этого амура? — обратился он к геологу.

— Это конечно стегогавр, самый оригинальный из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны, и цератозавр, и виденный нами раньше трицератопс. В верхнеюрское время существовало несколько родов этих чудовищ, остатки которых были найдены в Северной Америке.

Наглядевшись на ящера, охотники произвели из своего убежища быстрел, стдавшийся эхом от скал, а затем хором закричали дикими голосами.

Испуганное животное опрометью бросилось бежать, переваливаясь, подобно иноходцу, причем спинные щитки ударились друг о друга, издавая громкое хлопанье, словно кастаньеты.

Когда оно скрылось из вида, охотники вышли из своей засады, набрали воды из озера и побредли вниз по руслу к своему стану, предвкушая обед из жареного молодого игуанодона и отдых на берегу спокойного моря.

ОГРАБЛЕНЫ ДОЧИСТА

Но каково было их изумление, когда, выйдя из леса на берег моря, они увидели, что палатка исчезла.

— Мы вероятно ошиблись и вышли в другое место, — предположил Каштанов.

— Не может быть! — ответил Макшеев. — Мы только что переплыли через загородку, которую соорудили вчера в устье сухого русла вблизи стоянки.

— Верно, но в таком случае где же палатка?

— А где все вещи?

— Где Генерал?

Пораженные путешественники побежали к месту, где должна была стоять палатка. На этом месте не было ничего: ни палатки, ни вещей, ни даже лоскутка бумаги. Остались только потухшее и остывшее уже огнище и отверстия в почве от вынутых палаточных колышей.

— Что это значит? — сказал Громеко, когда все четверо стояли у следов своего костра, на котором рассчитывали жарить игуанодона.

— Решительно ничего не понимаю! — упавшим голосом пробормотал Папочкин.

— Ясно, как день, что нас дочиста обокрали! — воскликнул Макшеев.

— Но кто, кто? — кричал Каштанов. — Ведь это могли сделать только разумные существа, а мы таких не встречали на всем нашем пути с тех пор, как покинули «Полярную Звезду».

— Не могли же растащить наши вещи игуанодоны.

— Или стегозавры!

— Или плезиозавры!

— А не унесли ли их эти проклятые птеродактили в свои гнезда? — предположил Громеко, вспомнивший о приключениях своего папа.

— Это невероятно! И палатку, и посуду, и постели, и всякие мелочи! Я не могу допустить с их стороны такого проявления ума и хитрости, — ответил Каштанов.

— А наши лодки? — воскликнул Макшеев.

Все побежали к окраине леса, где перед уходом в экспедицию спрятали в чалце лодки и весла. То и другое оказалось в целости.

— Мы оставили наш плот на берегу моря против палатки, — заявил Громеко. — А теперь он также исчез неизвестно куда.

— Что же мы будем делать? — воскликнул зоолог, выражая общее недоумение. — Без палатки, без запасов и одежды, без посуды мы погибнем на берегу этого проклятого моря!

— Обсудим хладнокровно наше положение, — предложил Каштанов. — Прежде всего отдохнем и подкрепим свои силы: усталость и голодный желудок — плохие советчики. Мясо мы принесли с собой, разведем костер и поджарим его.

— И попьем водицы с сахаром! — прибавил Громеко, указывая на принесенную жестянку с водой и большой пук сладкого тростника.

Разложили костер, нарезали мясо кусочками, нанизали их на палочки и поставили к огню жарить. Усевшись вблизи костра, посыпав стебли тростника и запивая водой, продолжали обсуждение таинственного исчезновения палатки.

— Мы теперь в положении Робинзона на необитаемом острове! — пощупил Макшеев.

— С той разницей, что нас четверо и что у нас есть ружья и некоторый запас патронов, — заметил Каштанов.

— Нужно пересчитать их и расходовать крайне осмотрительно.

— В моей фляге стакана два коньяку, — заявил Громеко, носивший этот напиток, как врач, для экстренных случаев.

— А у меня в сумке маленький чайник, складной стакан и несколько заварок чая. — прибавил зоолог, не ходивший в экскурсии без этого запаса.

— Это хорошо! По крайней мере можно будет изредка полакомиться чаем, — сказал Макшеев. — У меня в карманах к сожалению, кроме трубки, табаку, компаса и записной книжки, нет ничего.

— И у меня также, если не считать наши молотки.

— Шашлык готов! — возгласил ботаник, следивший за палочками с мясом.

Каждый взял свою палочку, и все принялись за еду. Но мясо не было посолено и не отличалось приятным вкусом.

— Придется поискать соли на берегу моря! — заметил Макшеев. — Нужно было хоть обмакнуть мясо в морскую воду.

Пока ели мясо, чайник зоолога вскипал, и каждому по очереди достался стаканчик чаю, подслащенного соком тростника. Напившись и закурив трубки, возобновили разговор о плане дальнейших действий. Все согласились, что нужно сейчас же начать преследование похитителей, выяснив направление, по которому они ушли с вещами.

— Нужно тщательно осмотреть ближайшие окрестности нашей стоянки. — предложил Макшеев. — Похитители могли прийти и уйти или по воздуху, как предполагает Михаил Игнатьевич, — что мне кажется невероятным, или по воде, воспользовавшись нашим плотом, или по суше. Но до воды они также должны были идти по суше. Следовательно, если они не явились по воздуху, они оставили следы в ту или другую сторону от нашей палатки.

— Жаль, что мы сразу не подумали об этом, а бегали взад и вперед и могли уже заглатать следы похитителей!

— Вдоль утесов на восток пройти далеко нельзя, как мы убедились вчера, — продолжал Макшеев. — По руслу они тоже едва ли ушли: оно загорожено, и кроме того мы никого не встретили и подозрительных следов не видели. Следовательно, следы похитителей нужно искать или на самом берегу моря, или на запад вдоль этого берега.

— Совершенно верно! — заметил Каштанов. — Эти два направления наиболее вероятны.

— Итак, приступим к делу. Так как в отношении выслеживания я гораздо опытнее вас всех, — закончил Макшеев, — то я прошу вас посидеть на месте, пока не изучу окрестности стоянки.

Опустившись на колени, Макшеев начал тщательно изучать почву вокруг того места, где стояла палатка; затем он передвинулся к берегу моря, осмотрел место, где лежал плот, вернулся назад и направился на запад вдоль морского берега. Отойдя шагов двести, он воткнул сухую палку в песок и вернулся к своим товарищам.

— Наше имущество похищено не людьми и даже не ящерами какого-либо рода. Его утащили какие-то крупные насекомые, судя по следам их ног, которые видны всюду; их очень много, несколько десятков. Сначала я подумал, что вещи стаскили к плоту и увезли по воде, но оказалось, что до самой воды следы не доходят и нет никаких признаков того, чтобы плот стаскивали в воду. Он исчез совершенно непонятным образом. Палатки и вещи частью унесли, частью тащили по песку на запад, вдоль берега моря. Похитители имеют шесть ног, а туловище их достигает около метра в длину, судя по его отпечаткам на песке.

— Здоровые твари! — воскликнул Папочкин.

— Но что же случилось с Генералом? — спросил Каштанов. — Убили ли его, утащили ли живым на съедение или он убежал куда-нибудь, испугавшись грабителей?

— Следов Генерала много вокруг палатки, но они большую частью перекрываются следами насекомых, следова-

тельно старше их. Свежей крови нигде не видно, нет и каких-либо частей растерзанных собакой насекомых. Я думало, что Генерал убежал от многочисленных и невиданных врагов и прячется в чащце. Впрочем, нужно еще обследовать почву вдоль края леса.

С этими словами Макшеев опять приступил к изучению следов от места, где стояла палатка, к опушке леса. Вдоль последней он прошел несколько раз назад и вперед, внимательно осматривая почву, наконец остановился и подозрительно ташился к себе.

— Вот здесь Генерал ушел в чащцу; но с ним перед тем что-то случилось: он волочил задние ноги по земле.

Обрубив охотничим ножом нижние ветви хвоющей. Макшеев пополз, согнувшись, в чащцу, все время призывая свистом собаку и останавливаясь в ожидании ответа. Наконец послышался слабый визг и немного спустя из-под нависших ветвей выполз Генерал, но в ужасном виде. Все тело его вздулось, а задняя половина бессильно волочилась по земле.

— Что с тобой, Генерал, бедная собачка? — говорил Макшеев, поглаживая голову животного, которое с приветливым визгом лизало его руки. Инженер ползком вылез назад из темной чащи, а вслед за ним выползла и собака, вызвавшая своим жалким видом общее сочувствие.

— Похитители переломили ей позвоночник? — предположил Папочкин.

— Не думаю! — возразил Громеко, осматривая собаку. — Конечно нет, — продолжал он, — скорее всего они ранили Генерала отравленными стрелами. На спине у него несколько маленьких ранок с запекшейся уже кровью, а позвоночник цел.

— При чем тут стрелы? — удивился Макшеев. — Ведь похитители были насекомые!

— Я и забыл! В таком случае они ужалили или укусили собаку ядовитыми челюстями или жалом.

— Что же нам делать с Генералом? Можно его вылечить?

— Я думаю можно. Если бы яд был смертельный, собака уже издохла бы. К несчастью наша алтечка похищена с остальным имуществом. Придется попробовать холодные компрессы.

Макшеев взял Генерала, жалобно визжавшего, на руки и понес к берегу моря. Громеко начал поливать его тело водой. Собака сначала порывалась вырваться и визжала, но

вскоре холод обнаружил свое действие, и она затихла. Тогда ее положили задней половиной тела в воду.

Пока ботаник возился с Генералом, остальные вытащили из чащи обе лодки и весла, спустили их на воду и сложили в них оставшееся имущество, бывшее во время злополучной экскурсии с собой. Затем двое сходили опять к озеру в скалах, чтобы пополнить запас пресной воды, а остальные в это время поджарили запас мяса игуанодона, чтобы не останавливать преследование похитителей из-за приготовления пищи.

За час времени, понадобившийся на все сборы, опухоль у Генерала заметно уменьшилась, и он начал подниматься на ноги. Решено было взять его в лодку, двоим ехать в лодках с имуществом вдоль берега, а двоим идти по следам похитителей, пока они держатся берега. Таким образом лодочники могли в случае надобности подать помощь пешеходам или взять последних в лодки, а пешеходы могли остановить лодочников, как только следы отклонятся в глубь страны.

ПО СЛЕДАМ ПОХИТИТЕЛЕЙ

Макшеев и Громеко пошли пешком, Каштанов и Папочкин отправились в лодках, не отставая от пешеходов, но и не опережая их. К счастью погода была тихая, и море чуть плескалось на пляже. Макшеев шел впереди по следам похитителей, по временам останавливалась и обмениваясь замечаниями с ботаником. В одном месте например были видны отпечатки многих похищенных вещей, которые похитители сложили на землю, очевидно при отдыхе; в другом оказались

ясные отпечатки плота, при виде которых Мажшеев воскликнул:

— Загадка с плотом также разъяснилась: похитители унесли и его на себе.

— На какого беса? — спросил Громеко.

— А на какого беса им понадобились наша палатка, постель и прочие вещи? Ведь они унесли даже образчики золотой и железной руды, которые мы с Петром Ивановичем вчера набрали.

— Просто непостижимо, что это за звери! Можно подумать — разумные существа. Я не удивлюсь, если они раскинут палатку, будут сидеть на наших постелях и есть из нашей посуды.

— Все может быть в этой чудесной стране минувших геологических периодов. Не могли разве некоторые насекомые в юрские времена подняться до высокой степени развития и проявить особые способности.

— Да ведь и в современном периоде есть насекомые, живущие колониями по известным законам, например пчелы или муравьи.

— Постойте, вы мне подали мысль! Уж не муравьи ли утащили наше имущество?

— А почему не пчелы или осы?

— Если судить по правам муравьев наружной поверхности нашей планеты, то им более подходит роль похитителей. Ведь муравьи тащат в свой муравейник всякую дрянь, даже совершенно им не нужную, и обладают громадной силой, сравнительно со своей величиной.

— Да, пчелы гораздо слабее и собирают в улей только мед и воск, а осы тащут съестное. Кроме того и те и другие крылаты, а наши грабители повидимому бескрылые.

— Я тоже так думаю, хотя и крылатые насекомые могли тащить по земле такие предметы, которые слишком тяжелы для переноса по воздуху.

— В общем мы кажется на правильном пути: первое подозрение — на муравьев, второе — на ос, третье — на пчел.

— И те, и другие, и третий принадлежат к насекомым, кусающимся или жалящим и вводящим в рану яд. Я думаю, что они и ужалили Генерала, когда он защищал от них палатку.

— Верно! Укусы этих насекомых сопровождаются опухолью и сильной болью, а если принять во внимание их величину, то можно допустить и временный паралич под действием яда.

Так, обмениваясь соображениями насчет природы похитителей, наши путешественники прошагали часа два и за это время сильно устали, так как песок пляжа был довольно рыхлый и трудный для ходьбы.

— Ну, я больше не могу! — сказал наконец Громеко, останавливаясь и вытирая пот, катившийся градом по лицу. — Сегодня ужасно душно и ни ветерка.

— Зато море спокойно, и наши товарищи не отстают от нас.

— Не перемениться ли нам с ними? Мы устали работать нижними конечностями, а они — верхними.

— Сумеют ли они итти по следам пехитителей? Впрочем, попробуем.

Макшеев окликнул плывших в лодках. Когда они пришли, он показал Каштанову и Папочкину следы насекомых и некоторое время шел с ними, наблюдая, как они будут разбираться в этих следах. Потом он и ботаник забрались в лодку, с удовольствием протянули ноги и взялись за весла.

Местность сохраняла все тот же характер. Вдоль берега моря тянулся песчано-галечный пляж, шириной в сотню-другую шагов, заливаемый очевидно волнами во время сильных бурь. Его окаймляла сплошная стена хвоющей и палоротников, в которой только изредка показывалась узкая брешь — сухое русло, подобное осмотренному накануне. На песке под лучами солнца грелись игуанодопы, убегавшие в лес при приближении людей и лодок. На море по временам появлялись плезиозавры и плагали, грациозно изогнув шеи, словно огромные черные лебеди. Над лесом нередко пролетали летучие ящеры, высматривавшие, нет ли поживы на берегу моря. Они представляли собою необычайное, фантастическое зрелище.

Часа через два после того как Макшеев и Громеко забрались в лодки, впереди показались красноватые холмы, доходившие до берега моря и прерывавшие стену леса. Здесь оказалось более глубокое и широкое сухое русло, уходившее в глубь страны, отделяя окраину леса от холмов, представлявших скопление мелкого красноватого песка.

Следы похитителей поворачивали вверх по руслу, и пешеходы крикнули плывшим в лодках, что нужно причаливать к берегу.

Убедившись, что похитители действительно свернули с морского берега в глубь страны, путешественники начали совещаться. Им приходилось теперь, бросив лодки, продолжать преследование пешком.

Но за целый день экскурсии, ходьбы, хлопот и волнений они сильно устали; кроме того Генерал был еще слишком слаб. Поэтому решили отдохнуть несколько часов на берегу моря, дававшего некоторую прохладу, на которую нельзя было рассчитывать вдали от воды в этот ужасно душный и знойный день.

Вытащив лодки на берег, быстро развели костер, поджарили мясо и сварили чай; Генералу сделали опять холодные компрессы.

Подкрепив свои силы, трое легли спать прямо на песке, а четвертый остался на карауле, так как нужно было принять меры предосторожности против нападения ящеров или таинственных насекомых.

Три часа прошли благополучно. Последнее дежурство досталось Каштанову. Он лежал на песке, почти у самого берега, размышляя о дальнейшей судьбе экспедиции, которая стала бы печальной в случае, если не удастся отбить свое имущество у похитителей. Мало-по-малу под влиянием невыносимой духоты он начал дремать и вдруг проснулся от кошмара: ему приснилось, что на него навалился исполнский ящер и огромным липким языком ложет его лицо. В ужасе, со стоном, он раскрыл глаза и увидел прямо над собой морду Генерала, положившего одну лапу ему на грудь и жалобно визжавшего.

Верный пес не напрасно разбудил Каштана. Подняв голову, последний увидел, что горизонт на севере совершиенно потемнел: надвигалась тропическая гроза, уже испытыванная путешественниками на реке Макшеева. Доносился беспрерывный грохот, и темная стена туч беспрестанно разрывалась яркими молниями.

Терять время было некогда, нужно было уходить дальше от берега моря, которое должно было разбушеваться не на шутку. Каштанов разбудил спящих. Решили бежать в холмы, потому что в лесу было не менее опасно, чем на берегу моря. Лодки потащили с собой, опасаясь, что волны смоют и унесут их.

Поднявшись на гребень первой гряды холмов, в которых Каштанов сразу признал морские дюны¹, путешественники увидели, что за ней открывалась глубокая долина, параллельная берегу моря и совершенно бесплодная, как и оба

¹ Дюны — холмы и гряды сыпучего песка, нанесенного ветром; образуются на плоских песчаных берегах морей, озер и рек, песок которых по высыхании переносится ветром, накапливается у препятствий (камней, кустов) и постепенно образует более или менее высокую гряду.

склона гряды. Везде виднелся тот же красноватый песок, который пыпал под лучами Плутона, еще не скрытого грозовой тучей.

В этой долине путешественники решили переждать грозу. Перевернув лодки дном вверх, они укрылись под ними. Это была их единственная защита от ливня, так как непромокающие плащи были похищены, как и остальная одежда.

Гроза не заставила себя долго ждать. Сине-багровый вал надвинулся уже на половину неба. Плутон скрылся, быстро темнело, и первые порывы ветра пронеслись над долиной, срывая с гребня дюн струйки песку. Дюны словно задыхались, воздух наполнился горячим песком и сделался еще удушливее. Но вот налетел и ураган. Каштанову, выглянувшему из-под лодки, показалось, что вся первая гряда дюн поднялась в воздух и ринулась в долину. Песчинки сыпались целыми погонками на лодки. Лес хвоющей, который был виден в широком устье долины, трепетал под напором бури, словно чаща тростника. Стройные стволы хвоющей гнулись почти до земли, ветви изгибалась в воздухе, словно пряди зеленых волос; летели сорванные верхушки, сучья, стебли. Сумрак то и дело исчезал в ослепительных вспышках молний, после чего казался еще гуще. Гром гремел, не умолкая.

Но всет по ледкам забарабанили крупные капли дождя и полил ливень, сразу очистивший воздух от песка и пыли. Хотя ветер еще бушевал, но намокший песок уже не поднимался в воздух. Несмотря на массы низвергавшейся воды, со склонов дюн стекали только небольшие и быстро исчезавшие ручейки, так как песок жадно поглощал воду.

Быстро промчалась гроза. Плутон начал проглядывать сквозь разрозненные тучи. Дождь кончился, и путешественники хотели вылезти из-под лодок, где им приходилось полулежать в духоте. Но не тут-то было — лодки нельзя было приподнять, они были придавлены кучами песку, нанесенного бурей и намоченного водой, под тяжестью которого их дно прогибалось.

— Мы арестованы под лодкой! — воскликнул Папочкин. — Помэгите нам освободиться.

— Мы сами арестованы! — ответил Макшеев, сидевший с Каштановым и Генералом под другой лодкой.

— Что вы думаете делать?

— Собираемся вырыть себе проход в рыхлом песке под бортом лодки.

— Идея! Мы сделаем то же самое.

Некоторое время все было тихо, только слышалось пыхтение людей, рывших себе ход в песке, словно кроты.

Затем из-под носа одной лодки выполз на животе грязный и естрапанный Макшеев, вслед за ним Каштанов и начальец Генерал, а из-под второй лодки показались зоолог и ботаник.

Потом пришлось освобождать лодки от наваленного на них песка и тащить их вниз по долине к сухому руслу. Но добравшись до русла, путешественники остановились в изумлении: здесь катила свои бурные, желтовато-красные воды большая речка, по которой нельзя было плыть, но и в брод перейти ее также было невозможно.

— Продолжать преследование невозможно! — огорченно воскликнул Громеко. — Придется ждать, пока не сбежит вода.

— Это не так страшно, — заметил Макшеев. — Гораздо печальнее то, что вода в русле и дождь повсюду уничтожили следы похитителей, и мы не будем знать, куда они направились.

— Эх, зачем мы только сделали привал! — с досадой сказал Папочкин. — До ливня мы наверно успели бы отмахнуться десяток километров и может быть добрались бы уже до убежища грабителей.

— Ну, сделанного не вернешь! — Я полагаю, что искать это убежище придется не долго. Не могли же они тащить наши вещи целые десятки километров, — утешал Каштанов.

Вода в русле убывала на глазах путников и через полчаса остались только лужи в углублениях почвы.

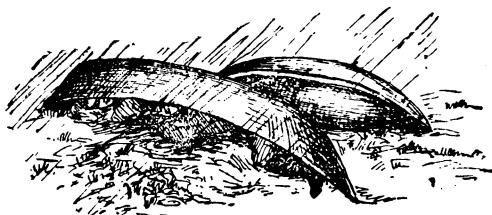
— В путь! Вода скатилась! — сказал Макшеев.

— Но что же мы будем делать с лодками? Не тащить же их за собой в глубь страны неизвестно сколько километров! — сказал Каштанов.

— Придется их оставить вблизи моря, но только нужно спрятать как-нибудь от тех же таинственных грабителей.

— Закопаем их в песок, — предложил Громеко.

— Хорошая мысль! Песок рыхлый, и, хотя придется работать собственными руками, другого выхода нет.

ЦАРИ ЮРСКОЙ ПРИРОДЫ

Похоронив лодки, путешественники направились вверх по руслу, в котором года уже не текла. Но большие лужи и линская глина местами заставляли вылезать на тот или другой берег. Шли осторожно, зорко поглядывая по сторонам и держа ружья наготове на случай неожиданной встречи с похитителями.

Слева от русла тянулся тот же лес хвощей, папоротников и пальм, тогда как справа одна за другой возвышались гряды красноватых голых дюн. Убежище грабителей могло быть как в лесу, так и среди дюн.

Через некоторое время наткнулись на что-то темное, лежавшее в русле и полузанесенное песком и илом; откопали его и увидели перед собой огромного черного муравья, тело которого достигало около метра в длину, голова была немного меньше человеческой, а скрюченные в предсмертной борьбе лапы оканчивались острыми когтями.

— Вот царь природы юрского периода! — воскликнул Каштанов.

— Если их колонии или общеэлития так же населены, как муравейники на земной поверхности, нам придется иметь дело с тысячами врагов, — сказал Папочкин.

— Да, врагов хищных и беспощадных, — прибавил Громеко.

В это время Генерал, который плелся позади и иногда ложился отдохнуть, подошел ближе. Увидев мертвого муравья, он с остервенением бросился на него, издавая злобное ворчание.

— Эге, узнаешь, брат, одного из тех, кто тебя искусал! — воскликнул Макшеев, удерживая собаку.

Немного далее встретили труп второго муравья, а потом и третьего. Очевидно ливень застиг некоторых похитителей еще в пути, и вода унесла их.

— Эти черные дьяволы перемочили и перепортили все наши вещи! — воскликнул в отчаянии Громеко.

— Да, сомнительно, чтобы у них хватило ума расставить палатку и спрятаться в нее вместе с вещами, — подтвердил Папочкин.

— Я думаю, что они добрались в свое жилище раньше ливня, — заявил Макшеев. — Ведь нужно вспомнить, что они двинулись в путь гораздо раньше нас, а мы еще в двух местах отдыхали по несколько часов.

Прошли еще километра два в молчании. За руслом лес

начал редеть, и в нем появились многочисленные тропинки. На песчаных грядах, особенно же в долинах между ними, уже видна была растительность: кусты, пучки трав, мелкие хвощи.

Вдруг Макшеев остановился и указал своим спутникам на ближайшую долину между двумя грядами, где по песку двигались два темные тела, то тащившие, то катившие какой-то белый шар.

— Муравьи?

— Очевидно! Что же они тащат? У нас ничего круглого и белого не было.

— Нашли какую-то другую добычу.

— Давайте спрячемся и затем пойдем по их следам, они приведут нас к муравейнику.

— Только держите Генерала, чтобы он не бросился на них.

Путешественники отошли немного назад и укрылись за опушкой леса.

Вскоре из-за кустов в устье долины показались муравьи, катившие перед собой по песку большой белый предмет яйцевидной формы.

— Неужели яйца этих муравьев так велики? — спросил Макшеев.

— Нет, это скорее яйцо какого-нибудь летающего ящера, которое они стащили и катят в свое жилище, — сказал Папочкин.

— А как вы думаете, эти яйца ящеров съедобны?

— Почему же нет? Едят ведь яйца черепах, почему не съесть яйцо ящера?

— Это нужно принять во внимание, — заметил Громуко. — Теперь, при скучности нашей пищи и необходимости беречь заряды, яичница была бы очень жестки.

— Для такого огромного яйца нужна соответствующая сковорода, которой у нас нет.

— Обойдемся и маленькой! Пробьем в яйце дырочку с одной стороны, перемешаем палочкой желток и белок, подсыплем соли и будем брать на сковороду сколько нужно.

— Но у нас вообще-то сковороды нет, муравьи утащили нашу кухню.

— А я и забыл. Но нельзя ли устроить сковороду из яичной скорлупы, — осторожно отрезать верхушку яйца и на ней жарить?

— На чем же, у нас нет масла.

— Есть сало игуаподона.

Пока охотники обменивались этими кулинарными сооб-

ражениями, муравьи докатили яйцо до берега русла и остановились в нерешительности, так как берега его были обрывисты. Сбросить яйцо с обрыва было не трудно, и на мягком песке оно бы не разбилось, но поднять его на ту же высоту на другом берегуказалось слишком трудной задачей для муравьев.

Насекомые между тем бегали вокруг яйца и вдоль обрыва, шевеля сяжками и касаясь ими друг друга, очевидно советуясь.

Затем один спустился в русло, постоял перед обрывом противоположного берега, побежал вдоль него, временами останавливаясь у обрыва.

Шагах в пятидесяти дальше он нашел менее крутое место, которое показалось ему подходящим для устройства спуска. Он и начал устраивать его, работая передними ногами и челюстями, отрывая глыбы земли и оттаскивая их в сторону.

Второму муравью, оставшемуся у яйца на карауле, скоро надоело ждать, он также опустился в русло и побежал по следам товарища, который был скрыт от него поворотом берега.

— Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложил Громеко.

Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.

— Во-первых, они могут заметить нас, и мы прежде временно выдадим им свое присутствие, во-вторых, не найдя оставленного яйца, они начнут его искать по окрестности, а мы вместо того чтобы идти по их следам к муравейнику, будем прятаться в кустах и потеряем время, — заявил Каштолов, отвергая предложение ботаника.

Но в это время Папочкин заметил в той же долине между песчаными грядами еще одну пару муравьев, которые катили второе яйцо.

— Теперь, пожалуй, ваши доводы — не трогать первое яйцо — отпадают, — сказал он.

— Ну, тогда скорее за работу!

Макшеев и Громеко перебежали русло, подняли вдвоем яйцо, имевшее полметра в попечнике, и перенесли его в свое убежище на опушке.

Затем Макшеев рукой осторожно затер следы ног в русле, которые могли указать муравьям, если они были достаточно умы, куда делось яйцо.

Вскоре в русле показались оба муравья, бежавшие к оставленной добыче. Взобравшись на берег и не найдя яйца,

они начали бегать взад и вперед, подбегали друг к другу, шевеля сялками и очевидно находясь в смущении.

В это время в устье долины показались муравьи, катившие второе яйцо. Увидев их, первые кинулись им навстречу и, очевидно предположив, что вторые похитили их добычу, начали ее отнимать.

Началась свалка; муравьи приставали на четырех задних ногах, поднимая переднюю пару и стараясь вцепиться челюстями в шею противника и перегрызть ее. В пылу борьбы одна пара приблизилась к берегу русла и свалилась с обрыва. При падении один муравей очутился на другом, воспользовался удобной минутой и почти откусил голову соперника.

Оставив последнего, он побежал на помощь товарищу, изнемогавшему в борьбе, — вдвоем они быстро одолели врага и покатали яйцо к руслу.

Путешественники следили с большим интересом за боем, но никак не могли решить, которая пара муравьев одержала верх, потому что всех этих насекомых совершенно нельзя было отличить друг от друга.

Победившие муравьи остановились у берега русла, посвещались, затем скатили в него яйцо и покатали его вверх.

В нескольких местах, где противоположный берег казался им более низким, они останавливались и пробовали поднять яйцо наверх. Но их когти были недостаточно сильны, чтобы пробить твердую скорлупу, яйцо скользило в их лапах и падало назад.

Добравшись до того места, где в береге русла был выкопан спуск, муравьи заметили его и сделали попытку втащить яйцо наверх, подпирая его своими туловищами.

Это им удалось, и они покатали его дальше по тропинке, уходившей в глубь леса. На основании действий этой пары приходилось думать, что победили вторые муравьи.

Теперь оставалось идти по тропинке вслед за муравьями. Но, не зная, как далеко придется еще идти, нужно было сначала разделаться с яйцом, отнятым у муравьев: нести его было тяжело, а катить по лесу неудобно. Поэтому быстро развели огонь в яме, выполненной в песке, поместили яйцо целиком вкрутую, разделили на части, а из скорлупы сделали несколько тарелок и сковороду.

После ужина путешественники пошли в глубь леса по тропинке, хорошо вытоптанной, но узкой и неудобной. На высоте одного метра от земли ветви хвощей сплетались так, что приходилось ползти или идти согнувшись; очевидно только муравьи пользовались этой тропой.

Через полчаса лес начал редеть; муравьиная тропа часто раздваивалась, пересекалась другими, и Макшееву приходилось тщательно высматривать след яйца, в то время как Каштанов вел глазомерную съемку, чтобы иметь карту местности, населенной их врагами.

— Странно, что мы до сих пор в лесу не встретили ни одного муравья, — сказал Каштанов.

— Они вероятно имеют определенные часы для отдыха и сна, а другие животные не смеют приближаться к муравейнику.

Но вот впереди показался широкий просвет. Очевидно лес кончался, а на поляне за ним мог быть муравейник. Поэтому нужно было удвоить осторожность. Зоолог и ботаник остались с Генералом, а Каштанов и Макшеев отправились на разведку.

Дойдя до края леса, они остановились под защитой последних деревьев и начали осматривать местность. Лес сменился обширной поляной, вернее пустырем, почти совершенно лишенным растительности, — только кое-где торчали обденные стебли.

Среди этого пустыря, недалеко от опушки леса возвышался огромный плоско-конический холм, метров двенадцати вышиной и более ста метров в поперечнике, состоявший из наложенных друг на друга древесных стволов.

При помощи бинокля можно было различить, что стволы расположены не в беспорядке, а по известной системе, образуя сложную, хотя и грубую постройку. Во многих местах на различной высоте темнели входные отверстия, но муравьев нигде не было видно, — они несомненно спали.

Пустырь был замкнут со всех сторон лесом, возвышеностями и дюнами, и муравьи являлись единственными хозяевами его. В его западной части, вдоль подножия дюн, вероятно протекал ручеек, судя по полосе зеленої травы и кустов, резко выплеснувшихся на желтом фоне песка.

КАК ПРОНИКНУТЬ В МУРАВЕЙНИК

Осмотрев местность, Каштанов и Макшеев вернулись к своим товарищам, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

— Напасть на спящий муравейник не трудно, — сказал Каштанов, — но будет ли это целесообразно — не знаю. Нам ведь неизвестно, в какой части этого огромного сооружения сложены наши вещи, мы легко можем заблудиться в лабиринте ходов.

— Внутри наверно темно, а у нас нет ни свечей, ни фонарей, — заметил Папочкин.

— Можно устроить факелы, я видел в лесу смолистые деревья, годные для этой цели, — заявил Громеко.

— Идя с огнем, мы несомненно разбудим муравьев и подвергнемся нападению, которое должно кончиться печально для всех нас, — сказал Макшеев.

— Да, их должны быть сотни, если не тысячи, и сколько бы мы ни уложили выстрелами и ножами, в конце концов нас все-таки загрызут или зажалят до смерти.

— Но что же нам делать? — пробормотал Каштанов. — Мы не можем отказаться от своих вещей, они необходимы нам для обратного пути.

— А если поджечь муравейник с одной стороны? Муравьи начнут спасать свои запасы и в том числе наши вещи, которые вытащат наружу.

— Прежде всего они будут спасать свои личинки и куколки, а вещи могут за это время сгореть. Но если они даже успеют выплыть вещи, то все-таки нам придется отнимать их силой.

— Не выкурить ли муравьев дымом, а потом, когда они покинут свое жилище, отправиться за вещами?

— Этот план уже лучше, но в ходы, наполненные дымом, мы сами не сможем проникнуть, а когда дым рассеется, муравьи тоже могут вернуться.

— Положение, кажется, остается безвыходным! Как же нам поступить?

Все сидели, понурив головы, придумывая новые планы, которые также приходилось отбрасывать как невыполнимые.

— Вот что я придумал, — заявил Каштанов, — нужно отравить или оглушить муравьев ядовитыми травами, чтобы они оставались в оцепенении в течение времени, необходимого нам для поисков наших вещей в муравейнике. Такими газами являются: хлор, бром и сернистый газ. Следовательно, нужно прежде всего найти материал для приготовления до-

статочного количества газов. Хлор можно добыть из поваренной соли, которая имеется в море. Бром вероятно имеется в золе водорослей, растущих в этом море, но добыть его будет еще труднее, чем хлор. Всего легче было бы приготовить сернистый газ, если мы только найдем серу, серный

Через несколько километров песчаные склоны долины реки уступали место скалистым

колчедан или другую сернистую руду. Свинцовый блеск мы уже видели в ущельях птеродактилей, может быть он найдется и здесь, в утесах возвышенности.

— Но ведь на поиски материала и изготовление газа понадобится не мало времени! — сказал Макшеев.

— Что же делать! На несколько дней нам хватит наличных зарядов для добычи пищи. Лучше подготовить способ наиболее верный, рискованные способы останутся у нас в запасе на случай крайности.

— Следовательно нам нужно убираться отсюда, ничего не сделав с грабителями?

— Лучше уйти, пока муравьи нас не заметили, и не возбуждать их подозрительности поспешными попытками. Если мы их потревожим, они сделаются более осторожными, расставят караулы у входа, будут обыскивать окрестности и затруднят нам дальнейшие шаги, ведь мы еще не знаем, на каком уровне развития стоят эти цари юрской природы.

Все согласились с Каштановым, хотя и не без чувства досады на необходимость отказаться от немедленной расправы с грабителями. Решили вернуться к песчаным дюнам и вдоль русла проникнуть на возвышенность в поисках серы или сернистых руд.

Путешественники прошли к руслу вдоль опушки леса; никаких животных, даже насекомых не было видно, — очевидно муравьи систематически охотились за всякой дичью в окрестностях муравейника. Только изредка над пустырем проносился какой-нибудь ящер, спешивший дальше. Русло тянулось вдоль окраины пустыря, а немного далее вверх врезывалось в песчаные холмы, пролегая в довольно глубокой долине. Здесь по обоим берегам росли кусты, небольшие хвоши, сладкий тростник, папоротники. Вверх по этой долине путешественники подвинулись еще на несколько километров и затем решили основательно отдохнуть после тревог и переходов, продолжавшихся целые сутки. Воды в ручье было уже много, а тень пальм и хвоиц манила к себе. Сварили чай, поужинали оставшимся в запасе яичным желтком и спокойно выспались. Но затем появление муравьев по соседству заставило поторопиться с завтраком, чтобы поскорее уйти подальше от муравейника и не выдать его обитателям свое присутствие.

Через несколько километров песчаные склоны долины уступили место скалистым, так как русло начало врезаться в столовую возвышенность.

В поисках сернистых руд Макшеев и Каштанов шаг за шагом осматривали скалы, — один на правом, другой на левом склоне, что конечно замедляло движение. Папочкин и Громеко оставались вблизи русла, с ружьями наготове, чтобы добыть какую-нибудь дичь или отразить нападение ящеров или муравьев. Но последние не встречались, местность постепенно становилась все более пустынной, даже вдоль ручья деревья и кусты росли уже более редко, и только узкая полоса травы и сладкого тростника везде еще окаймляла его берега. Наличие последнего очень радовало путешественников, так как он остался их единственной пищей в этой пустыне.

Из животных им попадались только огромные стрекозы, ревущие над водой, и изредка птеродактили, охотившиеся за этими насекомыми. Воздух был совершенно спокоен, лучи Плутона жгли немилосердно в узкой долине, горные склоны которой были нагреты, слорно печь, и только близость воды, которой можно было постоянно утолять жажду и смачивать голову, поддерживала путешественников и позволяла им двигаться вперед.

Поиски сернистых руд пока были безуспешны.

Обеденный привал сделали на берегу ручья, сварили чай, пососали сладкий тростник и разделили последний сухарь.

— Вечером нам придется попробовать стрекозу или под-

стрелить птеродактиля, — печально сказал Папочкин, собирая последние крохи сухаря.

В ГЛУБЬ ЧЕРНОЙ ПУСТЫНИ

Отдохнув, продолжали путь вверх по долине. На обоих склонах тянулись те же черные, мрачные скалы, разбитые трещинами то на огромные неуклюжие кубы, то на стройные, тонкие столбы. Растительность вдоль ручья становилась все беднее, хвоища попадались реже, папоротники и пальмы совсем исчезли и только трава и сладкий тростник продолжали окаймлять берега ручья.

На ночлег остановились у последнего сухого дерева, чтобы воспользоваться им в качестве топлива. Сварили чай и пили его в большом количестве с соком тростника, чтобы обмануть голод, так как никакой дичи не попалось.

После чая Макшеев и Каштанов вздумали подняться на склон долины, чтобы осмотреть местность. Последняя представляла собой равнину, расстилавшуюся во все стороны на далекое расстояние; только на юге, километрах в двадцати, над ней поднималась группа плоско-конических гор.

Когда оба исследователя отошли на несколько десятков шагов от края обрыва, так что долина ручья совершенно скрылась из вида, они почувствовали все мрачное величие окружающей пустыни.

Черный голый утес, усыпанный крупными и мелкими осколками, отделившимися от него под влиянием высокой температуры вечно греющих лучей, представлял почву этой пустыни. Нигде ни кусточка, ни былинки, один черный

камень под ногами до горизонта, небо с красноватым Плутоном над головой — абсолютная, непроходимая пустыня, грозившая верной смертью от голода и жажды смельчаку, который решился бы надолго углубиться в ее необозримые просторы.

От черного камия, нагреветого Плутоном, дышало жаром, как из раскаленной печи, а сверху жгли отвесные лучи Плутона, от которых решительно негде было укрыться. Только горы, поднимавшиеся на юге, вносили маленькое разнообразие в ужасную подавляющую монотонность пустыни, потому что они были не черны, а изобиловали белыми, красными и желтыми полосами и пятнами.

Рассмотрев местность, Каштанов сказал своему спутнику:

— Я думаю, что нашему проникновению в глубь таинственной страны поставлен недалеко отсюда окончательный предел. Долина, по которой мы идем, вероятно оканчивается там, у группы гор, и я боюсь, что дальше расстилается такая же мрачная пустыня, абсолютно непроходимая без специального снаряжения, без больших запасов воды, провианта и топлива.

— Неужели вся остальная часть внутренней поверхности земли представляет такую же раскаленную пустыню?

— Вероятно, что так, по крайней мере до окрестностей входного отверстия у южного полюса, если такое существует. Ведь влагу, необходимую для растительности и животной жизни, внутренняя поверхность получает через эти отверстия. Очевидно море, которое мы переплыли, составляет последний резервуар этой влаги.

— Но северные ветры, вообще господствующие, как мы видели, могут заносить эту влагу и дальше.

— За последнее время мы этих ветров не ощущали, кроме редких бурь с грозами. Вероятно последние тучи, приходящие с севера, разряжаются над морем и в ближайшей к югу от него полосе, а дальше над этой раскаленной пустыней несутся только остатки влаги, воздух не насыщается ими и дожди невозможны.

— Значит мы дойдем только до этих гор на юге?

— Да, доберемся до них и увидим, правильны ли мои соображения.

— Что же делать, если на этом пути мы не найдем нужных нам сернистых руд?

— Эти горы, судя по их форме и цвету, вероятно представляют потухшие вулканы, а на склонах вулканов почти

всегда можно найти серу. Я почти убежден, что мы там найдем то, что нам нужно.

— И повернем назад?

— Нет, нужно воспользоваться тем, что мы уже прошли так далеко от моря, и сделать еще экскурсию на юг, и убедиться в непроходимости пустыни. Тогда наша совесть будет спокойна — мы сделали все, что в человеческих силах.

Впереди ни кусточка, ни былинки, один черный камень
под ногами до горизонта

— Но может быть в другом месте море проникает дальше на юг, а следовательно даст нам возможность проникнуть дальше.

— Если мы отнимем у муравьев наши вещи, то можем проехать вдоль берега моря на восток и на запад и убедиться в этом.

Насмотревшись на пустыню и бросив прощальный привет синей поверхности моря и его зеленым берегам, которые чуть виднелись на севере, за краем пустыни, геологи направились обратно к своему лагерю. Когда они спускались по расселине, скользя на осыпях и прыгая с глыбы на глыбу, они услышали один за другим два выстрела.

— Что это? Неужели муравьи забрались так далеко и напали на наших товарищей? — заметил Каштанов.

— Нужно поспешить на помощь! — ответил Макшеев.

Удвоив быстроту спуска, они через несколько минут достигли подножия склона и бегом направились к месту стоянки. Но их тревога оказалась напрасной: не муравьи напали на товарищей, а благосклонная судьба послала голодающим запас провизии.

Сидя на берегу ручья, Папочкин и Громеко заметили черную тень, пронесшуюся над ними. Они подняли головы и увидели, что над долиной кружит большой птеродактиль, внимание которого может быть привлекла блестевшая на солнце жестянка. Не долго думая, они схватили ружья и выстрелили, когда ящер, описывая новый круг, спустился ниже. Одна пуля попала, и животное свалилось. Это был очень крупный экземпляр, длиной от головы до кончика хвоста больше полутора метров, так что его туловище имело много мясистых частей.

Насытившись ужином из ящера, залегли спать, поочередно карауля, так как мясо, разложенное на камнях для провяливания, нужно было беречь от летучих ящеров, которые могли сюда залететь.

На следующий день движение вверх по долине продолжалось; путешественники были нагружены запасами сущего мяса, а также сладкого тростника и топлива, так как опасались, что всего этого выше по долине уже не встретят. Долина действительно становилась все более и более пустынной, и растительность на берегах ручья попадалась все реже. Сернистая руда не встречалась, и теперь Каштанов возлагал единственную надежду на вулканообразные горы в верховьях долины, которые к концу длинного перехода казались уже совсем близко. Немного не доходя их, долина сузилась и превратилась в короткое ущелье, которое вывело путешественников в котловину, расположенную у самого подножия гор.

К всеобщему удивлению, на дне котловины оказалось довольно большое озеро, скалистые берега которого местами были покрыты зеленью — небольшие хвоци, папоротники и тростник росли группами ча более отлогих участках берега, прерывавшихся невысокими скалами. Это озеро представляло удобное место для стоянки, где можно было оставить лишний груз, чтобы подняться налегке на горы в поисках серы или сернистых руд.

Расположившись в тени папоротников, путешественники вздумали выкупаться в темной, спокойной воде озера, кото-

рое походило на большое гладкое зеркало в раме черного дерева с изумрудными вставками. Палочкин, раздевшийся первым, храбро нырнул с головой в воду, но тотчас же вынырнул и выскочил на берег с возгласом:

— Вода горячая, дух захватывает!

Остальные стали пробовать воду — кто рукой, кто ногой — и убедились, что засолг прав: вода почти обжигала кожу.

Громеко вытащил карманный термометр, единственный уцелевший из инструментов экспедиции благодаря тому, что он всегда был с собой. Опущенный в озеро, он показал 40° по Цельсию.

— Ну, это еще не так страшно! — сказал ботаник. — Сорок градусов Цельсия равны тридцати двум градусам Реомюра, а это температура горячей ванны, которую вполне можно выдержать.

Но горячая ванна в жаркий день не могла освежить, так что путешественники ограничились только тем, что помылись основательно, употребляя вместо мыла белый тонкий ил, который лежал толстым слоем на дне озера. Он был нагрет еще больше, чем вода, и положительно обжигал погруженные в него ноги, зато пенился подобно мылу и прекрасно заменял его.

— Вот еще неожиданное богатство, остающееся без употребления в этой стране чудес! — сказал Макшеев, усердно натираясь илом.

— Да, предпримчивые люди создали бы громадное дело. Целебное мыло из недр земли излечивает всякие болезни, начиная от насморка и кончая раком, — приблизительно так гласили бы рекламы, которыми были бы наводнены страницы газет и журналов. — смеялся Громеко, относившийся иронически ко всем богатствам, возбуждавшим предпримчивый дух прежнего золотоискателя.

— Уж если говорить о богатствах Плутонии, то нельзя забывать и животный мир! — воскликнул Палочкин, сушившийся на солнце после ванны. — Я бы организовал акционерную компанию для вывоза всех этих «живых окаменелостей» и снабжения ими зоологических садов и музеев всех государств поверхности нашей планеты. Такая компания имела бы огромный успех, больше наших горнопромышленных предприятий, потому что золото, медь, железо — все это имеется в достаточном количестве и там наверху, а живых мамонтов, плезиозавров, птеродактилей там нет.

— Меня интересует это горячее озеро, — сказал Громеко, — я уже раньше заметил, что вода в ручье тепловата,

но приписывал это ее нагреванию в голой долине с черными склонами; теперь ясно, что ручей получает свое тепло из этого озера.

— Мы несомненно находимся у подножия старых вулканов, — пояснил Каштанов, — и озеро получает приток в виде горячих ключей, выходящих из нагретых еще недр вулкана.

— Нужно обследовать это озеро по всей его окружности и выяснить этот приток, — заявил зоолог.

— Вот вы и займитесь этим вдвоем с Михаилом Игнатьевичем, пока варится ужин, а мы пойдем на разведки к вулкану, — предложил Каштанов.

Одевшись после «валны», он и Макшеев обогнули западный конец озера, из которого вытекал ручей, просачивавшийся между наваленными черными глыбами, и начали подниматься на совершенно голые и усыпанные черным щебнем холмы, лежащие у подножия вулкана. Перевалив через них, разведчики очутились у подножия первой большой горы, на крутом склоне которой можно было различить потоки лавы, изливавшейся в разное время из кратера на вершине горы и застывшей на поверхности то округленными волнами, то хаотически нагроможденными друг на друга глыбами.

Рассматривая более старые потоки, поверхность которых была местами желтая, красная и белая, Каштанов объяснил свою спутнику, что здесь находятся охра, нашатырь¹ и сера.

— Ну вот и сера, которая нам так нужна! Но только здесь ее немного и собирать трудно, а в кратере, надеюсь, найдем ее больше.

Карабкаясь по глыбам потока, разведчики через час достигли вершины горы. Она была плоская и в центре ее зияла черная пропасть с почти отвесными стенками.

— Вот и кратер довольно солидных размеров.

— К несчастью, совершенно недоступный.

— Обойдем его кругом, может быть найдется удобное местечко для спуска.

Вершина горы также состояла из застывшей глыбовой лавы. С нее открывался обширный вид в обе стороны. На

¹ Нашатырь — соединение аммиака с хлором, белая соль, которая при нагревании улетучивается; встречается в расщелинах лавы вулканов и легко изготавливается искусственно для применения в медицине и технике. Охра — минеральная краска из водной окиси железа в смеси с глиной или известью разных цветов от желтого до буро-красного.

севере у подножия холмов лежало озеро в своей зелено-черной раме. Оно имело форму почти правильного круга и быть может тоже представляло кратер еще более древнего вулкана. На восток и на запад спускались огромные лавовые потоки, постепенно теряющиеся в виде гряд и стен черных скал на поверхности пустыни.

На юге поднималась немного выше вторая гора, очевидно главный конус вулкана, закрывавшая дальнейший вид; с первой горой она была соединена узкой и скалистой седловиной.

Обогнув кратер с запада и убедившись, что с этой стороны спуск в него также невозможен, разведчики прошли по седловине на вторую гору. Ее вершина имела также глубокий кратер, но разорванный на юго-востоке громадной выемкой, от которой вниз по склону шел гигантский лавовый поток, вероятно продукт последнего извержения вулкана.

Эта выемка в вале кратера позволяла спуститься на его дно без особого риска.

Теперь вид на юг был открыт. В ближайшем соседстве с главным вулканом возвышалось еще несколько низких вулканов с обвалившимися кратерами, а за ними до горизонта разстипалась та же черная пустыня, которой казалось не было конца.

— Да, дальше на юг, в глубь Плутонии здесь хода нет! — воскликнул Макшеев, впиваясь своим острым взором в даль. — Километров на сто не видно ничего, кроме черного камня.

— И экскурсировать в эту сторону нечего, — прибавил Каштанов. — Осмотрим вулканы, наберем серы — и назад к муравейнику отбивать наше имущество.

Вид с вершины горы произвел на них удручающее впечатление.

Под ногами наблюдателей тянулась группа черных гор, изрезанных глубокими ущельями, словно морщинами с желтыми, белыми и красными пятнами, словно набрызганными гигантской кистью неопытного маляра, а затем во все стороны шла черная ровная пустыня без единого признака жизни, безотрадный простор которой под красноватыми лучами Плутона имел особенно зловещий характер.

— Это царство смерти, более ужасное, чем полярные снежные пустыни! — воскликнул Каштанов.

— Да, если бы дух зла существовал, то лучшего места пребывания ему не найти, — подтвердил Макшеев.

— Вы подали хорошую мысль. Назовем эти вулканы троном Сатаны.

Осмотрев местность и заметив наиболее удобный пункт для спуска в кратер, разведчики пошли к озеру, выбирая более прямой путь от главной вершины, чтобы отправиться на следующий день вчетвером за серой.

ЭКСКУРСИЯ В КРАТЕР САТАНЫ

На следующий день все четверо отправились к главному вулкану, захватив с собой на всякий случай только одно ружье, немного жареного мяса и сладкого тростника. Остальное имущество можно было оставить у озера под наблюдением Генерала, так как полное отсутствие животных в этой пустыне позволяло надеяться на его беспомощность.

Путь шел спачала через низкие горные холмы и гряды лавовых потоков, потом по склону главного вулкана вдоль огромного потока, начинавшегося у брешей кратера.

Через два часа добрались до нее и начали спускаться вглубь по глыбам застывшей лавы, представлявшим нечто вроде лестницы для исполинов.

Спуск продолжался полчаса и привел на дно кратера, которое представляло площадку с засохшей и растрескавшейся черной грязью, прежде очевидно покрытой водой исчезнувшего озерка. За площадкой круто поднималась противоположная стена, густо покрытая белыми, желтыми и красными налетами и натеками. В желтых налетах не трудно было узнать самородную серу в виде мелких и крупных кристаллов, сидевших в пустотах лавы или покрывавших ее поверхность нетрепанным слоем.

Вынув охотничьи ножи, путешественники принялись скабливать налеты и отделять более крупные кристаллы, складывая добычу в свои заплечные мешки. Когда последние были наполнены, оказалось, что в каждый поместилось около шестнадцати килограммов.

— Шестнадцать килограммов серы дают свыше одиннадцати тысяч литров сернистого газа, — заметил Каштанов, — а шестьдесят четыре — почти сорок пять тысяч литров. Я думаю, что этого достаточно для муравейника.

— Больше мы и не можем унести, — сказал Папочкин, — у нас есть еще ружья и некоторые запасы, а тащить это все на себя придется два дня.

— Кое-что можно навысочить на Генерала, — предложил Макшеев, — он уже поправился, сегодня целый день отдыхает и унесет на своей спине килограммов тридцать. До озера под гору мы эти тридцать килограммов донесем, поэтому наберем еще серы, чтобы хватило.

Позавтракав и отдохнув, путешественники набрали еще килограммов тридцать, для помещения которых Макшеев снял свою рубашку и сделал из нее мешок. В одной из трещин наскребли также горсть поваренной соли.

Во время отдыха Каштанов полулежал, прислонившись к стене кратера, и внезапно ощутил резкие удары, доносящиеся из глубины горы.

«Неужели вулкан не постух?» — подумал он.

Но не имея опыта в изучении действующих вулканов, он не придал значения этим звукам и даже не сказал о них своим товарищам.

Когда же сбор второй партии серы был окончен и все четверо опять уселись на дне кратера, чтобы отдохнуть перед подъемом и спуском с тяжелым грузом на плечах, Каштанов вспомнил о звуках и приложил ухо к скале. Удары слышались еще яснее и ощущалось даже легкое дрожание утесов.

— Я может быть ошибаюсь! — воскликнул он, вскочив с своего места. — Но мне кажется, что нам здесь мешкать нечего: в недрах вулкана идет какая-то работа. Уж не готовится ли он к извержению? Послушайте сами!

Приложив ухо к стенке кратера, все убедились в справедливости его слов.

— Может быть извержение и не состоится; может быть оно произойдет через неделю или через месяц, но я не по ручусь, что оно не может случиться сегодня, — заявил профессор.

— Совершенно верно, и сидеть на дне кратера нечего,

тем более, что нам предстоит нелегкий подъем до его края, — согласился Громеко.

Взвалив тяжелые мешки на плечи, путешественники полезли вверх по лестнице исполнинов. Но подъем с ношей шел не так скоро как спуск, и только через час они были на верху. Оглянувшись назад, они убедились, что их поспешность была вполне своевременна: со дна кратера поднимался тонкий столб желтоватого дыма, в воздухе запахло серой и хлором.

Содрогание стенок кратера уже настолько усилилось, что ощущалось под ногами. Нужно было торопиться, потому что с минуты на минуту извержение могло начаться взрывом лавовой пробки, закупорившей жерло кратера. Не теряя времени, путешественники начали спускаться по той же дороге, по которой пришли, и через час были у озера, где скучившийся Генерал приветствовал их радостным лаем и визгом.

Впрочем вулкан не торопился начинать свою деятельность. Над его вершиной виднелся только тонкий столб буроватого дыма, поднимавшийся вертикально на огромную высоту и там рассеивавшийся. У озера не слышно было подземных ударов и все было спокойно.

Когда все сгрузили мешки с серой возле остального имущества, Папочкин спохватился, что забыл свое ружье в кратере или на вершине, где два раза останавливались для отдыха. Заявив об этом товарищам, он сказал, что вернется сейчас к вулкану за ружьем.

— У нас есть еще три ружья, а в муравейнике четвертое запасное, так что можно обойтись без оставленного и не зачем подвергаться еще раз опасности, которую мы избегли, — заметил Каштанов.

— Вулкан только дымит, — твердил зоолог, очень любивший свою двустрелку, отличавшуюся верным боем, и огорченный своей забывчивостью. — Пока вы отдыхаете, я успею сбежать.

— Спускаться в кратер дымящегося уже вулкана нельзя, потому что вы задохнетесь от ядовитых газов. А наиболее вероятно, что вы оставили ружье именно на дне кратера. Следовательно ваша затея все равно невыполнима, — убеждал Каштанов.

— Нет, я вспоминаю, что скорее всего оставил ружье на краю кратера еще перед спуском, чтобы не таскать его напрасно вниз и вверх по скалам. А добежать до края кратера не так уж долго и опасно, — твердил зоолог.

— Извержение может начаться каждую минуту. Не знаю даже, благоразумно ли мы поступаем, оставаясь до зав-

тра на берегу этого озера; не лучше ли подальше уйти от вулкана?

Но все очень устали от восхождения и спуска с тяжелой ношей на спине. Вид вулкана не внушил особых опасений, а озеро находилось на расстоянии около двух километров по

В кратер спускались по глыбам застывшей лавы, представлявшим нечто вроде лестницы для исполинов

прямой линии от кратера, т. е. сравнительно далеко, и можно было надеяться, что его берегам непосредственная опасность не может угрожать, поэтому решили ночевать у озера, рассчитывая присутствовать хотя бы при начале такого грандиозного явления, как извержение вулкана.

Но тишина продолжалась только часа четыре. Спящие внезапно были разбужены страшным грохотом и колебаниями почвы. Им показалось, что их подбросило в воздух и что они падают в озеро.

Все вскочили на ноги, испуганно озираясь; почва дрожала под ногами, и деревья на берегу озера раскачивались в разные стороны.

Вершина вулкана была окутана густой завесой черного дыма, которую прорезали, подобно молниям, раскаленные камни, выбрасываемые из кратера.

Извержение началось.

— Где же Палочкин? — воскликнул Макшеев, заметивший, что их только трое.

— Не сбросило ли его толчком в озеро? Он лежал ближе всех к его берегу, — предположил Громеко.

Но поверхность воды была покрыта только мелкой рябью, очевидно обусловленной сотрясением почвы. Круговых волн, которые указывали бы, что в воду только что свалилось тяжелое тело, не было видно.

— Не убежал ли он с перепугу вниз по долине?

— А не ушел ли он все-таки к кратеру за своим ружьем? — заметил Каштанов.

Последнее предположение показалось наиболее правдоподобным, потому что зоолог отличался упрямством. Он очевидно подождал, пока его товарищи уснули, и отправился к вулкану.

Когда все призывы и поиски вокруг озера оказались тщетными, пришлось признать, что зоолог ушел за ружьем.

— Хорошо, если он еще не дошел до вершины вулкана, когда извержение началось, — заметил Каштанов. — В противном случае он несомненно погиб.

— Что же нам делать? — воскликнул Макшеев. — Помоему, нужно бежать к нему на помощь!

— Подождем некоторое время, — предложил Громеко. — До дна кратера и обратно три-четыре часа хода. Если он ушел в девять, как только мы уснули, он через полчаса или час должен вернуться.

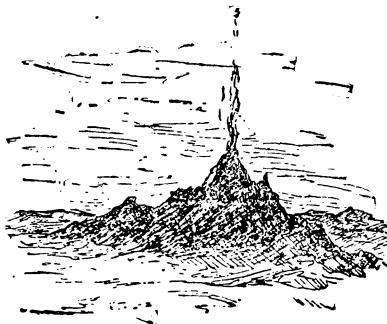
— А за это время ход извержения покажет, можно ли подняться к кратеру без крайнего риска!

— Но ведь это ужасно — сидеть бездеятельно на месте и ждать, вместо того, чтобы спешить на помощь товарищу!

— Да, это ужасно, но мы можем спасти его только в том случае, если он еще не дошел до кратера и только ранен упавшим камнем. Если же он оказался на вершине или в самом кратере во время взрыва, то он безусловно погиб, если не от камней, то от газов. Пытаясь теперь проникнуть на вершину вулкана, мы товарища не спасем,

а рискуем судьбой всей экспедиции. Смотрите, что там делается!

Последние слова Каштанов произнес при виде огромного облака паров, вырвавшихся из кратера вулкана.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВУЛКАНА

Через несколько секунд раздается оглушительный грохот, словно гора разлетелась на части или взлетела на воздух. Облако помчалось вниз по склону, чудовищно разрастаясь вверх и в стороны и превращаясь быстро в лилово-черную тучу или целую стену туч, которые клубились, перемешивались, свивались, озаряясь ослепительными молниями. Эта стена неслась по склону со скоростью поезда, и через несколько минут ее конец был уже у подножия вулкана, а верхний край поднимался, клубясь, гораздо выше его вершины.

— Это совсем напоминает страшное извержение Лысой горы на острове Мартиника, погубившее в мае 1902 года город Сен-Пьер с его двадцатью семью тысячами жителей в течение нескольких минут! — воскликнул Каштанов. — Эта туча, — так называемая жгучая или палящая, — состоит из страшно сжатых и перегретых водяных паров и газов, переполненных горячим пеплом, и несет не только мелкие камни, но и громадные глыбы.

— Наше счастье, что туча направилась не к озеру, а в другую сторону, иначе нас постигла бы участь жителей Сен-Пьера, — заметил Громеко.

— Да, она очевидно воспользовалась той же брешью в крае кратера, по которой прошли и мы, и поэтому на-

правилась на юго-восток, пробираясь по последнему потоку лавы.

— Что же будет дальше? — спросил Макшеев.

— Эти палиющие тучи могут повторяться через известные промежутки времени — часы или дни, а затем появится лава.

— Но могут ли следующие тучи направиться в другую сторону, чем первая, например к нам?

— Если край кратера не изменился при страшном взрыве, сопровождавшем выход первой тучи из жерла, то и следующие тучи скорее всего сохранят направление первой. В противном случае они пойдут по новому пути.

— Следовательно могут направиться и в нашу сторону?

— Конечно, но пока мы будем надеяться, что этого не случится, и до поры до времени мы здесь в сравнительной безопасности.

Во время этой беседы туча, расположившаяся в стороны, закрыла значительную часть восточного склона горы, но двигалась вниз уже медленнее и росла главным образом вверх. Все три путешественника стояли безмолвно, созерцая ужасное и величественное зрелище.

И вдруг из-за гребня близкайшего холма подножия вулкана появился Палочкин. Он бежал стремглав, без шапки, с разевающимися волосами, перепрыгивая через глыбы, заграждавшие ему дорогу. Его товарищи бросились ему навстречу, засыпая вопросами. Но он так запыхался от быстрого бега и волнения, что не мог говорить.

Только отлежавшись в тени деревьев у озера и проглотив несколько чашек холодного чаю, он пришел в себя и начал свой рассказ.

— Несмотря на ваши убеждения, я решил сходить за ружьем к вулкану, который казался мне мало угрожающим. Я надеялся, что ружье осталось на одном из двух привалов, сделанных нами во время подъема, или в крайнем случае на вершине. Я дождался, пока вы крепко уснули, и около десяти часов ушел налегке, взяв только несколько стеблей тростника. На месте первого привала ружья не оказалось, а так как вулкан не усиливал своей деятельности, я полез дальше. Но ружья не было и на месте второго привала. Я поднялся уже очень высоко, и до вершины оставалось не больше полукилометра. Проклятый вулкан попрежнему слабо дымил, и возвращаться не хотелось.

— Я уже поднимался к бреши в крае кратера, и мне казалось, что я вижу свое ружье, прислоненное к глыбе лавы в сотне шагов впереди, когда внезапно раздался силь-

ный грохот и из жерла выбросило массу дыма, поднявшуюся вверх. Я остановился в нерешительности. Итти дальше было уже опасно, а повернуть назад — обидно, когда до ружья было так близко. Но посыпавшиеся сверху мелкие камни и комья грязи вывели меня из нерешительности. Они сыпались градом вокруг меня, и один ком так саданул меня по плечу, что я вскрикнул; должно быть он набил мне здоровый синяк — я с трудом двигаю рукой. С минуты на минуту можно было ждать нового взрыва и бомбардировки более крупными и раскаленными камнями. Я побежал вниз как только было возможно на неровном пути. Через полкилометра раздался второй взрыв, после которого вершина вулкана скрылась в дыму. Порывом воздуха унесло мою шляпу; вокруг меня опять начали падать камни, и я все бежал и бежал. Последний страшный взрыв, когда я был недалеко от подножия, бросил меня со всего размаха на землю и я чуть не вывихнул себе руки. Поднявшись, я увидел эту ужасную тучу и, собравши последние силы, побежал опять, опасаясь, что она меня догонит и задушит.

— Да, вы счастливо избегнули ужасной опасности, — сказал Каштанов, когда зоолог окончил свой рассказ.

— И в наказание за свое упрямство потеряли шляпу и устали, как ломовая лошадь, — прибавил Громеко.

— Будем рады, что наш товарищ вернулся, и обсудим, что делать дальше, — заметил Макшеев.

— Нужно уходить подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Папочкин.

— Да вы разве в состоянии итти сейчас? Вы еще не успели отдохнуть от вчерашней ходьбы и прибавили к ней новую. Ложитесь и спите, часа два мы можем подождать.

— А не лучше ли нам действительно отодвинуться подальше от вулкана, хоть на два-три километра? — предложил Макшеев. — Его соседство начинает становиться опасным, а мы находимся у самого подножия, вулкана.

Громеко также поддержал это мнение. Решили отойти на поверхность черной пустыни вблизи края ущелья, где озерная котловина переходила в долину ручья. С этого пункта можно было наблюдать дальнейший ход извержения вулкана. Наполнили жестянку водой, навьючились серой и припасами. Два мешка серы приспособили в виде выюка на Генерала, который сначала протестовал и пытался сбросить тяжелый груз, но потом смирился и поплелся потихоньку рядом с людьми, вместо того чтобы рыскать по сторонам в поисках какой-нибудь поживы.

Из озерной котловины поднялись по невысоким уступам

лам на поверхность черной пустыни, по которой прошли километра два, и остановились у того места, где ущелье расширялось в долину. Извержение как будто приостановилось, первая жгучая туча уже рассеивалась, вершина горы очистилась от дымовой завесы, и из кратера поднимался только тонкий столб черного дыма. Рассмотрев вулкан в бинокль. Каштанов заметил, что его вершина потерпела некоторое изменение во время первых взрывов: край кратера с восточной стороны понизился и вершина казалась срезанной наискось.

Понемногу все путешественники задремали, расположившись вокруг мешков с серой на голой поверхности пустыни. Так прошло часа три, когда слова страшный грохот разбудил спящих и приковал их взоры к вулкану. Из кратера опять вырвалась зловещая туча и понеслась вниз по склону, но в этот раз прямо на северо-восток, к котловине озера. Каштанов следил по часам за движением тучи, разраставшейся, как и первая, в высокую и широкую стену серо-жилового цвета. Через четыре минуты после взрыва стена надвинулась уже на озеро и скрыла его от взоров наблюдателей.

— Туча движется со скоростью курьерского поезда, около шестидесяти километров в час! — воскликнул Каштанов.

— Какое счастье, что мы ушли оттуда!

— Да, путь тучи изменился градусов на восемьдесят против первого направления, очевидно вследствие разрушения краев кратера.

— А что было бы, если бы мы остались у озера? — поинтересовался Папочкин.

— На основании наблюдений, сделанных экспедицией, снаряженной французской Академией наук для изучения Лысой горы на Мартинике, я могу сказать, что мы были бы обожжены и задошены в атмосфере перегретого пара с пеплом, составляющего главную массу тучи, или были бы убиты камнями, которые в изобилии несутся в ней. Она переносит даже глыбы в четыре-шесть кубических метров на несколько километров от вулкана. На своем пути туча уничтожает все — животных, растения, — и после нее остается пустыния: голая полоса горячего пепла, больших и малых камней, сгоревших деревьев и покерневших трупов.

— Что же могло сделаться с озером?

— Оно завалено горячим пеплом, камнями, выпло из берегов и превратило ручей, который из него течет, в грязный и горячий поток, вероятно кратковременный.

В это время жгучая туча пронеслась через котловину

озера и поднялась на черную пустыню километрах в двух от того места, где находились путешественники. Несмотря на такое расстояние, люди почувствовали жгучее дыхание тучи в виде сильного и горячего вихря, который заставил их броситься на землю и закрыть лицо руками и одеждами. Они пролежали так около получаса, обливаясь потом, пока не установилось равновесие в атмосфере.

Подняв головы, они увидели над пустыней длинную и высокую стену клубов белого и серого пара, которая тянулась в одну сторону еще километров на десять дальше места, где они находились, и поднимаясь вверх на полторы тысячи метров. Воздух все еще был удушливый и горячий.

— Уйдемте по-добру по-здравому подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Громеко. — Кто знает, не вздумает ли он выбросить следующий заряд прямо в нашу сторону!

— Да, мы уже испытали, как трудно стало дышать в двух километрах от края тучи. Можно себе представить, каково было бы нам в ее объятиях!

Собрав свое имущество, путешественники пошли по пустыне на север, постепенно приближаясь к долине речки, куда они намеревались спуститься в первом удобном месте. Но когда они подошли к краю долины и бросили взглянуть вниз, оказалось, что спокойный чистый ручеек превратился в бурный грязно-белый поток, вышедший из своего русла и бешено мчавшийся по дну долины, уничтожая растительность своих берегов.

— Стоит ли спускаться вниз? — спросил Каштанов своих товарищев. — Итти по ровной пустыне легче, чем по песчаному дну долины, а пить воду ручья, переполненного грязью, теперь уже нельзя.

Все согласились продолжать путь по пустыне и спуститься в низовьях долины, где склоны были более изрыты оврагами. Шли недалеко от края обрыва и время от времени подходили к нему, чтобы взглянуть вниз. Бурный поток через час-другой после второго извержения начал уже убывать и вскоре совершенно иссяк. Видны были только голое русло, поваленные с корнем деревья, вырванные кусты, трава, прибитая к почве и занесенная грязно-белым илом.

— Вулкан отомстил нам за то, что мы похитили из него серу! — пошутил Макшеев. — Он уничтожил ручей, чтобы уморить нас жаждой.

— Да, теперь расчет воды нам будет плохо, — заметил Громеко, — и нужно беречь наш запас, пока мы найдем другой источник в окрестностях муравейника.

— И это может помешать немедленной осаде муравейника.

Несмотря на тяжелый груз и паливший зной черной пустыни, путешественники сделали усиленный переход и остановились на ночлег, только спустившись на дно долины, недалеко от ее выхода из столовой возвышенности и от муравейника. Каштанов и Макшеев отправились на разведку, чтобы изучить внимательно крепость своих врагов. Они поднялись на поверхность пустыни и прошли на восток вдоль края обрыва, с которого можно было хорошо рассмотреть муравейник.

Он имел вид громадного холма, сложенного из сухих стволов и ветвей и состоящего из целого ряда этажей. На уровне земли были расположены главные входы, по одному с каждой стороны света, невысокие, но настолько широкие, что в них могли пройти четыре или пять муравьев рядом. В этих входах происходило непрерывное движение: одни муравьи выходили целыми колоннами, направляясь в разные стороны за добычей пищи, другие возвращались парами и порознь и тащили стволы деревьев, ветви, мертвых и живых насекомых, личинок, куколок, стебли тростника, с которыми скрывались в глубине своей крепости.

В вышележащих этажах также чернели отверстия на различной высоте и в различных местах. Но они служили очевидно только для притока воздуха и может быть на случай нападения врагов — для выхода защитников. Они были уже и ниже главных, так что по ним мог выходить один муравей за другим. Из этих отверстий время от времени также показывались муравьи, бегали по уступам муравейника, вероятно осматривая, все ли в порядке.

— Не помешает ли это обилие отверстий нашему плану? — спросил Макшеев. — Если движение воздуха по муравейнику будет слишком свободно, сернистый газ начнет быстро выходить и не окажет должного действия.

— Сернистый газ тяжелее воздуха и только постепенно вытеснит последний, — ответил Каштанов. — Кроме того важные части муравейника — склады личинок, куколок, яиц, запасы пищи — вероятно находятся в глубине, может быть в камерах, вырытых в почве. Сернистый газ пойдет сначала в эти более глубокие части, а потом уже начнет распространяться в верхние этажи. Впрочем часть отверстий можно будет заткнуть, если мы увидим, что тяга слишком сильная.

— А не заложить ли горящую серу в верхние отверстия?

— Это может вызвать пожар всего муравейника. У нас

Горячий вихрь заставил их броситься на землю и закрыть лицо руками и одеждой.

ведь нет никаких несгораемых подстилок например жаровень, сковород, и серу пришлось бы класть прямо на сухое дерево.

— Можно воспользоваться скорлупой яйца игуанодона, из которой сделаны наши временные тарелки и блюдо.

— Их всего пять, а отверстий гораздо больше.

— Нужно попытаться раздобыть сегодня еще одно или два яйца, тогда можно будет устроить еще с десяток чаш для сжигания серы.

— Это идея! Времени до вечера у нас еще много, сделаем экскурсию в пески, откуда муравьи таскают эти яйца.

Окончив осмотр муравейника, Макшеев и Каштанов возвратились к месту стоянки и сообщили свой план товарищам. Все охотно согласились сходить на следующий день в песчаные холмы за яйцами, пока Макшеев и Каштанов будут заняты измельчением серы.

ГИБЕЛЬ МУРАВЕЙНИКА

Когда последние партии муравьев вернулись домой и муравейник успокоился, путешественники приступили к исполнению своего плана. За день вся сера была истерта в порошок при помощи плоских камней. Наполнив ею заплечные мешки и захватив блюда из личной скорлупы, все направились к муравейнику, где каждый товарищ должен был положить в одном из главных входов свою порцию серы, рассыпав ее грядкой поперек хода, чтобы газ направлялся в глубь сооружения. Зажегши серу, нужно было заложить выход стволами, взятыми со стен, а затем забраться по на-

ружной поверхности и расставить в ближайших отверстиях блюдца с остальной серой, чтобы отравить воздух во всей нижней части муравейника и воспрепятствовать муравьям спасаться вверх. Для того чтобы сера на блюдцах не горела слишком быстро и не могла зажечь сухие бревна постройки, она была слегка смочена водой.

Этот план был в точности исполнен, но только в двух главных выходах, обращенных на юг и на запад, Макшеев и Громеко неожиданно встретили караульных муравьев. К счастью, муравьи были полусонные и не успели поднять тревогу, как их убили ударами ножей.

Путешественники зажгли серу и отошли в сторону, дождалась на страже с ружьями в руках, чтобы истреблять спасающихся. Через четверть часа из нескольких отверстий самых верхних этажей, в которых сера не была положена, появились муравьи, тащившие большие белые свертки, очевидно куколок. Они бегали с ними по поверхности муравейника, спускаясь вниз, но, не достигнув земли, падали, отравленные газом серы, горевшей у нижних входов. Только нескольким удалось спуститься на землю, и они принялись растаскивать бревна, загораживавшие один из самых главных входов, очевидно полагая, что этим они спасут своих задыхающихся в глубине сотоварищей. Но эти неожиданные спасители были истреблены несколькими выстрелами. Больше никто не появлялся — все население муравейника, захваченное во время сна, погибло.

Когда сера догорела и из всех отверстий потянулся легкий сизый дымок, доказавший, что весь муравейник наполнен сернистым газом, Папочкин задал вопрос, совершенно естественный, но до сих пор не приходивший никому в голову.

— Как же мы сами-то попадем в глубь этого сооружения? Ведь оно и для нас отравлено надолго!

— Нужно разгородить нижние отверстия, чтобы усилить доступ воздуха, а затем ждать, может быть несколько дней, пока сернистый газ постепенно не улетучится, — ответил Каштапов.

— Ждать так долго без дела — слишком скучно, — заметил Макшеев. — Нельзя ли устроить какую-нибудь усиленную вентиляцию, чтобы выгнать газ?

— Посредством чего? Огонь разводить нельзя из-за опасности пожара, а других приспособлений у нас нет.

— Если бы нам удалось застрелить игуанодона или крупного птеродактиля, — заявил инженер, — я бы смастерил из его свежей шкуры большой мех.

— Это идея! Но из чего мы сделаем трубы для вдувания воздуха в глубь муравейника?

— А хвоши разве не годятся? — предложил Громеко. — Ведь их стволы пустотелые и нужно только пробить перегородки между отдельными коленами, чтобы сделать из них прекрасные длинные трубы. А их уже можно соединить друг с другом.

— Голь на выдумки хитра! — согласился Папочкин. — И я убеждаюсь все больше и больше, что мы, подобно Робинзону, выпутаемся из всякой беды, которую еще уготовит нам судьба.

— И даже лучше Робинзона, — заметил Каштанов, — потому что он был один, а нас четверо, и все мы специалисты разного рода. Нам было бы стыдно, если бы мы на общем совещании не могли придумать выход из любого затруднительного положения.

— Итак, за дело! — воскликнул Макшеев. — Двое из нас с Генералом пойдут на охоту, а остальные займутся изготавлением труб. Материал под руками — почти весь муравейник сложен из сухих стволов хвоиц.

Папочкин и Громеко вернулись к месту стоянки, отвязали Генерала, принесли оставшееся имущество ближе к муравейнику и затем отправились вдоль опушки леса на восток.

Макшеев и Каштанов направились к муравейнику, но, не дойдя до него десятка два шагов, почувствовали резкий запах сернистого газа. Они начали кашлять и убедились, что подойти ближе невозможно.

— Придется подождать еще!

— Займемся пока доставкой замазки для труб, — предложил инженер. — В русле ручья, после того как сбежал бурый поток, вызванный извержением вулкана, осталось очень много лихой беловатой грязи. Нужно натаскать ее сюда, пока она не высохла.

Захватив заплечные мешки, освободившиеся от серы, оба отправились к руслу и в несколько приемов натаскали целую кучу грязи, представлявшей превосходную замазку. Кучу покрыли мешками и лишней одеждой, чтобы предохранить от жгучих лучей Плутона.

Затем начали раскалывать стволы хвоиц при помощи ножей, клиньев и большого камня, служившего вместо молота, и уничтожать перегородки между коленами. После чего обе половины ствола снова склеивались посредством замазки, и получившаяся труба обвязывалась в нескольких местах гибкими прутьями.

Таким образом в течение нескольких часов была изго-

тovлена дюжина труб, длиной около шести метров каждая. Так как стволы к вершине были заметно тоньше, то трубы не трудно было соединить друг с другом, вставляя узкий конец одной трубы, обильно смазанный замазкой, в широкий конец следующей.

К концу этой работы явились и охотники, доставившие шкуру игуанодона.

Из более тонких стволов хвоией Макшеев устроил стан для меха. Когда мех был сделан, его установили у одного из больших входов в муравейник. Затем в последний начали спускать приготовленные трубы, одну за другой, узким концом вперед, постепенно подвигая их в глубь галлерей и наращивая с широкого конца. Постепенно все двенадцать труб исчезли в темноте галлерей, откуда газ выходил еще в изобилии, так что приходилось прерывать работу и отбегать в сторону, чтобы отдохнуть на свежем воздухе. Широкий конец последней трубы вставили в мех, туго обвязали — и импровизированный вентилятор был готов.

После ужина немедленно начали проветривание муравейника, меняясь у меха, так что трое могли спать, пока четвертый работал мехом.

Проветривание вскоре начало оказывать действие — выделение газа из всех отверстий усилилось. Неожиданную помощь оказалась также налетевшая гроза с сильным ветром, но почти без дождя. Порывы ветра проникли в отверстия муравейника, вытеснили газ из верхних ярусов.

Утром приступили к осмотру муравейника, вооружившись небольшими факелами, которые Громеко подготовил из сухого ствола очень смолистого хвойного дерева. Галлерея, по которой были проложены трубы вентилятора, шла в глубь муравейника с пологим уклоном вниз. Она имела более двух метров в ширину, но только полтора метра в высоту, так что приходилось идти согнувшись. Уже недалеко от входа начали попадаться трупы муравьев, застигнутые газом во время бегства, и чем дальше, тем их было больше, так что ниже конца труб вентилятора приходилось уже очищать себе дорогу, отбрасывая трупы в сторону.

Галлерея оканчивалась в центральной большой камере, в которую сходились, подобно радиусам, и остальные три главные хода. Эта камера была уже врыта на глубину четырех метров в почву равнины, но свод ее состоял из стволов хвоией, расположенных очень искусно по радиусам, подобно стропилам плоско-конической крыши цирка. В промежутках между устьями четырех главных галлерей в стенках камеры открывались другие четыре хода, шедшие также по

радиусам, но с уклоном от центра к окружности и врыты целиком в земле, представлявшей очень плотный морской песок с прослойками гальки. В камере трупы муравьев, куколок и личинок, которые первые спасали, лежали целыми грудами, так что приходилось карабкаться через них.

Путешественники пошли наугад в один из нижних ходов, почва которого была вся устлана трупами. Этот ход был такой же низкий, как и верхние, и чтобы не идти почти на четвереньках, путешественники были вынуждены складывать трупы друг на друга вдоль стен, очищая себе проход посредине. Этот ход, углубляясь в землю, привел на расстоянии семидесяти шагов от центральной камеры к поперечной галлерее, которая имела уже почти два метра высоты, так что в ней можно было выпрямиться. Эта галерея шла по окружности круга под всей площадью муравейника и представляла его важнейшую часть, так как справа и слева от нее располагались отдельные камеры различной величины и с различным назначением: в одних лежали рядами белые куколки, похожие на детские трупы, завернутые с головой в саван; в других порознь и кучами валялись мертвые личинки — толстые белые черви, подобные обрубкам бревен; в третьих были разложены яйца муравьев, напоминавшие желтоватые караваи хлеба. Все камеры, занятые этими будущими поколениями муравьев, располагались с одной стороны кольцевой галлереи, именно с внутренней, тогда как с наружной стороны находились камеры со складами съестных припасов — грудами сладкого тростника, молодых стеблей кустов и трав, различных насекомых — стрекоз, жуков, червей, гусениц, целых или разорванных на куски и издававших зловоние, которое не заглушалось даже запахом сернистого газа, более заметным в этом ярусе муравейника.

Осмотрев ряд камер по обе стороны кольцевой галлереи, путешественники наконец, к своей великой радости, наткнулись и на похищенное у них имущество: все вещи были сложены в одной из паружных камер друг возле друга и в относительном порядке. Здесь была и палатка, и ящики с инструментами и припасами, и сумки с одеждой и бельем, топор, ружье, посуда — даже образцы железной руды и золота, принесенные с первой экскурсии в береговые ущелья и не уложенные еще в мешки с коллекциями.

Вещи принесли в два приема: сначала в центральную камеру, а затем вынесли их из муравейника на свежий воздух, показавшийся удивительно приятным

после часового пребывания под землей в атмосфере, пропитанной зловонием гниющих насекомых и остатков сернистого газа.

Отдохнув и пересмотрев свои вещи, среди которых запас табаку особенно обрадовал курильщиков, лишенных его целую неделю, путешественники захотели осмотреть еще верхние надземные ярусы муравейника, чтобы иметь полное понятие об его устройстве.

Оказалось, что надземная система имела глазной целью защиту подземных частей от непогоды и врагов. Ходы в этой постройке, также идущие радиусами, были узкие и низкие, и в каждом ярусе сходились в небольшой центральной камере. Для сообщения между ярусами служили короткие и круто наклонные ходы.

ПЛАВАНИЕ НА ЗАПАД

После странствования по черной пустыне и в безводных окрестностях муравейника, где в последнее время с трудом добывали грязную воду из ямы, вырытой в русле иссякшего после извержения ручья, путешественники с восторгом приветствовали морской берег и искупались в чистых водах моря Ящеров. Затем они откопали лодки и возобновили свое плавание.

Каштанов, после знакомства во время экскурсии к вулкану с характером этой страны, почти не питал надежды на возможность дальнейшего путешествия к югу; ему казалось наиболее вероятным, что к югу от моря Ящеров заглегла на многие тысячи километров бесплодная и безводная

пустыня, проникнуть в глубь которой при наличных средствах экспедиции нельзя было и думать.

Но исследовать насколько возможно западный конец или западное продолжение моря было интересно и необходимо.

Плыли вдоль берега, представлявшего огромные и бесплодные песчаные дюны, с которыми путешественники достаточно познакомились во время экскурсии к вулкану. Поэтому плавание продолжалось безостановочно до окончания песков, которые тянулись вдоль берега на двадцать пять километров. Море в этой части оказалось мелким, и в разных местах сквозь воду краснели обширные отмели, которые приходилось обходить, отдаляясь от берега. Вблизи берега совсем не попадались плезиозавры и ихтиозавры, предпочитавшие глубокую воду. Зато между отмелами видно было множество мелкой рыбы, которая здесь пряталась от хищников, беспощадно истреблявших ее в других частях моря. Местами морское дно было сплошь покрыто пышными и разнообразными водорослями, доставлявшими обильную жатву как ботанику, так и зоологу. Последнего интересовали различные морские ежи, звезды, плеченогие, брюхоногие и пластинчатожаберные моллюски, которыми кишили эти подводные заросли.

Наконец пески отодвинулись от берега, уступая место узкой полосе леса хвоющей, папоротников и пальм. Здесь наши исследователи сделали привал для обеда, а потом пошли дальше. Количество отмелей в море все увеличивалось, и появились даже низменные острова, сплошь заросшие мелким хвоющим и тростником. Пески отодвигались все дальше, и их красноватые гребни уже почти скрывались за береговым лесом, количество островов все увеличивалось, и море превращалось в огромную тихую реку, разбившуюся на рукава. Даже вода стала почти пресной.

— Очевидно с запада в море впадает большая река, и мы уже попали в ее дельту, — заметил Каштанов.

— Да, здесь уже нет прибоя и поэтому нет песчаного побережья, на котором так удобно было ставить палатку, — сказал Макшеев.

— И нам придется ночевать в чаще среди туч насекомых, — пожаловался Папочкин.

Насекомые действительно появились в изобилии. Над водой и зеленью островов реяли разноцветные стрекозы, иногда преследуемые небольшими летучими ящерами. В чащах хвоющей и тростника пели исполинские комары, и издаваемые ими звуки можно было слышать на расстоянии

нескольких метров. По стеблям ползали огромные жуки — черные, красные и бронзовые, иногда падали в воду и ба-рахтались, стараясь уцепиться за нависшие листья.

Несколько часов плыли между низменным южным берегом, занятым непроходимым, сплошным лесом, и лабиринтом островов, также не представлявших удобного места для стоянки.

Оставалось расположиться на отдых в лодках, причалив к берегу, и ограничиться сухождением, потому что топлива не было совершенно. Все приуныли от перспективы бесконечной войны с комарами.

Маленькое приключение подняло настроение путешественников. Они плыли очень близко от зарослей большого острова, высматривая, нет ли где-нибудь сухого дерева среди бесконечной зелени хвои и мелких папоротников.

— Ура! — воскликнул внезапно Громеко, когда лодки обогнули выступ и впереди открылась новая полоса берега. — Смотрите, какое славное бревно, и невысоко над водой, словно для нас приготовлено.

Действительно, из зеленой стены высовывалось больше чем на два метра толстое бревно зелено-бурового цвета, очевидно ствол большого хвоща, сваленный бурей. Гребцы налегли на весла и направили лодки к самому краю зарослей.

Макшеев встал на носу с багром, а Громеко с веревкой, чтобы закинуть ее на бревно и втащить его в лодку. Он искусно кинул веревку, к концу которой был прикреплен груз, и она обернулась несколькими кольцами вокруг бревна. Но бревно грациозно изогнулось и скрылось в зарослях, унося с собой веревку, конец которой ботаник от неожиданности выпустил из рук. Хвои и папоротники трещали и колебались, словно среди них двигалось какое-то огромное тело.

Из зеленой стены высовывалась больше чем на два метра голова диплодока¹ — толстое бревно зелено-бурового цвета.

— Вот так бревно! — воскликнул смеясь Макшеев, успевший рассмотреть маленькую голову, сидевшую на длинной шее — Михаил Игнатьевич хотел поймать ящера арканием. Зачем же вы выпустили веревку. Нужно было тащить добычу в лодку!

— Так шею ящера вы приняли за бревно? Ха-ха-ха! — смеялись Папочкин и Каштанов.

¹ Диплодок — пресмыкающееся из отряда динозавров, вымерших ящеров; достигал 24 метров длины и 5 метров высоты, имел очень длинную шею, длинный хвост и небольшую голову.

— Он держался совершенно неподвижно, а тело было скрыто в чаше, — оправдывался сконфуженный ботаник.

— Ха-ха-ха! — заливались остальные.

— Вы напрасно смеетесь! — рассердился Громеко. — Я должен напомнить вам, что и вы делали подобные ошибки. Кто-то из вас принял мамонтов за базальтовые холмы, а еще кто-то принял глиптодона за скалу и начал обрабатывать ее молотком.

Но это напоминание только увеличило всеобщую веселость, и в конце концов Громеко также расхохотался.

Усталость, комары, отсутствие топлива были забыты, все наперебой вспоминали разные курьезные случаи путешествия.

Когда смех затих на некоторое время, Макшеев, прислушиваясь, заявил:

— Впереди должно быть более открытое море, я слышу шум прибоя.

Гребцы подняли весла и также прислушались; с запада действительно доносился слабый шум.

— Если так, то наляжем на весла! Там, где есть прибой, найдется и удобное место для ночлега, и дрова для костра.

— Но сначала наполним наши жестянки водой, которая сейчас совсем пресная, не то придется опять искать какой-нибудь ручей, — заметил Громеко.

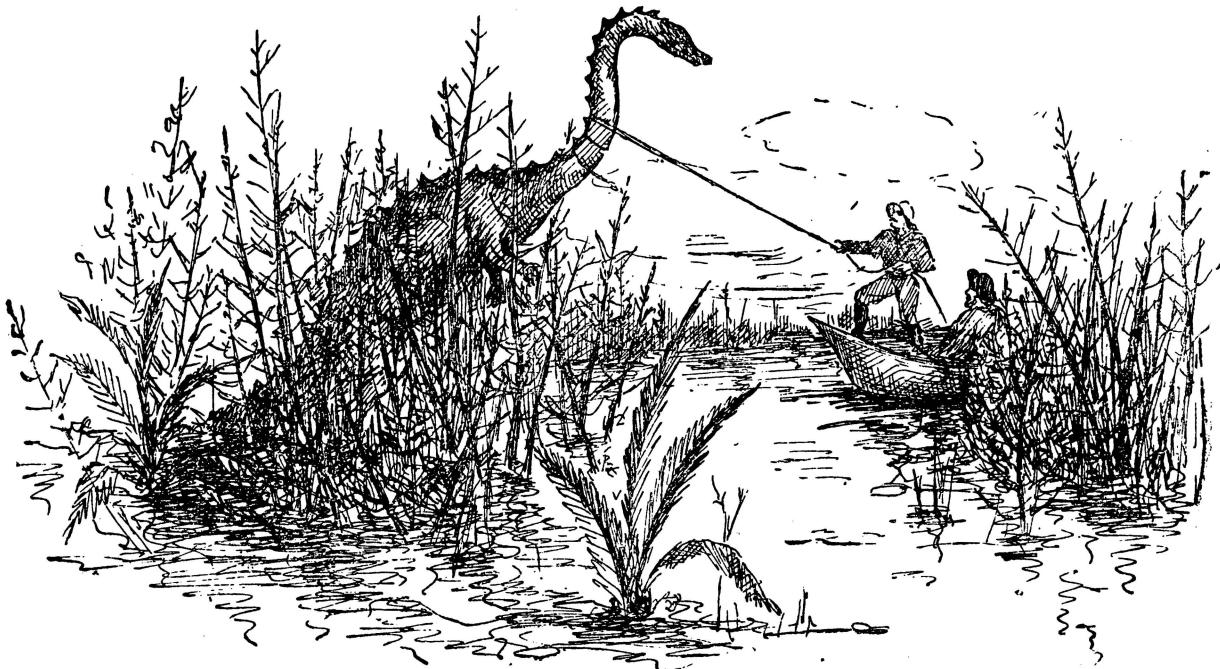
Последовали этому мудрому совету и наполнили водой все свободные сосуды, затем дружно взялись за весла, и через полчаса выплыли из лабиринта островов на открытую воду. Берега отдалялись в обе стороны, и море уходило на запад за горизонт. Вместе с тем на южном берегу опять появился широкий голый пляж, на котором и расставили палатку.

Это второе море, соединенное с первым длинным и узким проливом с островами и мелями, было такое же, как и первое.

На северном берегу была видна только зеленая полоса леса, тогда как на южном позади леса тянулись темные обрывы столовой возвышенности. Над зеркалом вод реяли стрекозы, с пронзительным свистом и кваканьем крутились летучие ящеры, а по временам то тут, то там поднимались шеи и головы плезиозавров.

— Уж не ошиблись ли мы в лабиринте островов и не выехали ли обратно в море Ящеров? — заявил Папочкин, когда зашел разговор о необычайном сходстве обоих морей.

— Сходство конечно большое. Но вы забыли про песчаные холмы южного берега. Если бы мы ошиблись и поехали на восток — ведь по этому Плутону, вечно торчащему в зе-

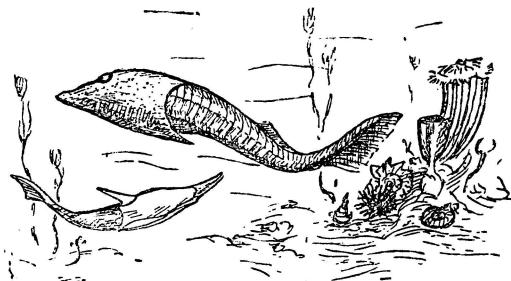
Громеко кинул веревку, к концу которой был прикреплен груз, и она обернулась вокруг бревна.

ните, ориентироваться пельзя — мы должны были бы долго ехать в виду этих дюн, — сказал Каштанов.

— Но не видно реки, текущей с юга, по которой мы могли бы продвинуться дальше, — горевал Громеко.

— Имейте терпение, малодушный! Мы только что выехали в это море, а вы уже жалуетесь.

Но терпение действительно подверглось испытанию. Проплыли несколько часов, а характер южного берега не менялся: все тот же лес без перерыва, все те же обрывы плоских высот позади него. Становилось скучно. Плезиозавры, летучие ящеры, стрекозы сделались настолько обыденными явлениями, что на них обращали не больше внимания, чем на каких-нибудь лебедей, ворон, жуков при плавании на реке земной поверхности. Только изредка ихтиозавры нарушили однообразие и заставляли гребцов браться за ружья, когда вблизи лодки внезапно появлялась широкая буро-зеленая спина или противная голова этого страшного хищника.

СВЕРХЧУДОВИЩА

Так прошла половина дня, и гребцы начали поглядывать уже на берег, высматривая местечко с топливом для обеденного привала. Утром они наловили опять много рыбы и теперь собирались жарить ее.

— Вот впереди на берегу какие-то кучи бревен, — воскликнул наконец Макшеев.

Направили лодки так, чтобы постепенно приблизиться к берегу, и налегли на весла в ожидании вкусного завтрака.

Но когда бревна были еще в сотне метров, Каштанов, всмотревшись пристальнее, заявил:

— Это совсем не кучи бревен, а какие-то животные огромной величины, мертвые или спящие.

— Осторожнее, держите дальше от берега! — крикнул Макшеев, заметивший, что куча шевелилась.

Лодки остановились на расстоянии шагов двухсот, и гребцы с удивлением и с ужасом смотрели на берег, на котором лежали друг возле друга, вытянувшись на песке, четыре каких-то чудовища. Туловища их вздымались над плетнем, подобно длинным холмикам метра в четыре высотою. Вдоль спины шел узкий и плоский гребень, но без щитов и шипов, как у стегозавра, а совершенно гладкий и повидимому голый. Бока животных были песочно-желтого цвета с длинными и узкими темными продольными полосами, так что издали производили впечатление кучи бревен, наложенных друг на друга.

Даже с такого близкого расстояния трудно было поверить, что это не четыре штабеля бревен, а чудовищные животные, длиной не менее пятнадцати — семнадцати метров; но эти штабели вздымались с боков при дыхании, иногда вздрагивали, а хвосты шевелились в воде, поднимая рябь на ее зеркальной поверхности.

— Как бы заставить их встать, — проговорил Папочкин. — Нужно же рассмотреть их как следует и сфотографировать.

— Несколько разрывных пуль не трудно послать в эти туши, — заметил Макшеев, — но не кончится ли это очень плохо для нас? Если чудовища разъятся и бросятся к нам, они нас проглотят в одно мгновенье.

— А хищники это или травоядные? — поинтересовался Громеко. — Что это — колоссальные ящеры, я не сомневаюсь.

— Я полагаю, что это не хищники, — сказал Каштанов. — Таких огромных размеров хищники никогда не достигали; для них нужно было бы слишком много животной пищи, а природа в этом отношении соблюдает известную экономию. Вспомните, что все наиболее крупные животные современности, как слоны, носороги, бегемоты, киты, — не хищники.

— Ну, в таком случае можно поохотиться на них! Поглядите, сколько мяса: можно накормить целый батальон! — заявил ботаник, хватаясь за ружье.

— Подождите немного, — предупредил его Каштанов. — Пусть они даже не хищники, то разъять их едва ли будет благоразумно: они могут броситься к нам и утопить наши лодки, словно скорлупки.

— А если выстрелить в воздух или пустить в них заряд дроби, чтобы они встрепенулись? — не унимался Громеко. — Дробь только пощекочет этих великанов.

— Ну, хорошо, только подплывем сначала так, чтобы быть против них, но на расстоянии хотя бы ста метров от берега.

— Если эти животные сухопутные, то они так далеко в воду не полезут.

Когда лодки очутились против чудовищ, продолжавших спокойно лежать, Громеко выпустил в них двойной заряд дроби. Дробь или звук близкого выстрела, отдавшегося эхом от стены леса, заставили животных вскочить на ноги. Чудовища как-то странно замотали своими длинными шеями, оканчивавшимися головкой, маленькой до смешного в сравнении с громадным телом, хотя и достигавшей семидесяти пяти сантиметров в длину, а затем тяжелой рысцой, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль берега. Ноги у них были короткие и слабые сравнительно с массивным телом.

— Я думаю, что это бронтозавры — самые крупные травоядные ящеры верхнемиорского времени, быстро исчезнувшие на земле при появлении более высокоразвитых животных вследствие своей неуклюжей организации и отсутствия органов защиты, — сказал Каштанов.

— Кто же мог нападать на этих колоссов? Ведь они имеют не меньше пятидцати—восьмидесяти метров в длину, больше четырех метров в высину, — поинтересовался Макшеев.

— И несмотря на эти размеры, хищнику, например цератозавру, ничего не стоит перегрызть шею такому чудовищу, не говоря уже об истреблении его яиц и детенышей.

— Они и в Плутонии повидимому немногочисленны! — заметил Папочкин.

— Мы уже видели много игуанодонов, птеродактилей, ихтио- и плезиозавров, а этих встречаем в первый раз. А так как чудовища оказались трусливыми, то я предлагаю подплыть ближе к берегу, чтобы фотография вышла крупнее.

Ящеры побежали на запад, т. е. в ту же сторону, куда плыли наши путешественники, и, отбежав около полукилометра, остановились. Поэтому через короткое время лодки, приблизившиеся к берегу, очутились опять против них. Папочкин сделал два снимка и, приготовившись к третьему, попросил ботаника выстрелить, чтобы снять животных во время неуклюжего бега.

На этот раз заряд дроби,пущенный в ящеров с близкого расстояния, произвел новый результат. Вместо того чтобы возобновить свое бегство вдоль берега, чудовища, тол-

кая друг друга, бросились в воду, вздымая огромные волны и целые фонтаны брызг, долетавших до неосторожных мореплавателей. Громеко, стоявший в лодке, окоченный с головы до ног, потерял равновесие и бултыхнулся в море с ружьем в руках; Папочкин едва успел спрятать аппарат под свою куртку, самостреженно подставляя голову холодному душу. Каштанов и Макшеев, сидевшие на корме и, к счастью, не выпустившие весел из рук, употребляли крайние усилия, чтобы удерживать лодки против набегавших одна за другой волн и не дать им залить и потопить себя.

Если бы эти гиганты направились прямо к лодкам, гибель путешественников была бы неминуема, — они были бы смыты и потоплены со всем своим имуществом под напором чудовищных тел, так как глубина, на которой они остановились, оказалась не более двух метров. Но ящеры побежали наискось, словно не замечая преследователей, и остановились, когда вода покрыла их туловища и значительную часть шеи. Над поверхностью волновавшегося моря виднелись только четыре уродливые головы, поворачивавшиеся в разные стороны и словно старавшиеся рассмотреть странных врагов или уяснить себе причину переполоха.

В это время Громеко уже вынырнул и подплыл к лодкам, отнесенным волнами несколько в сторону от места катастрофы. Во время падения он не выбросил своего ружья и теперь держал его над головой, ухватившись за борт лодки, пока товарищи не пришли к нему на помощь и не вытащили из воды.

Он промок конечно до нитки, перемочил все содержимое многочисленных карманов — записную книжку, часы, медицинский набор, кисет с табаком, потерян трубку и ругался по адресу виновников приключения.

— Нужно причалить к берегу, — заявил он наконец, выпустив весь заряд своего негодования. — Хотя Плутон греет хорошо, но если не протереть сейчас инструменты и не высушить записную книжку у костра, инструменты заржают, а все мои записи пропадут.

— А бронтозавры? — испугался Папочкин. — Мы расположимся на берегу, а они вылезут из воды и пожелают познакомиться с нами поближе.

— Ну, что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния.

— Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, то нам придется удирать в лес и лезть на деревья...

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что эти чудовища

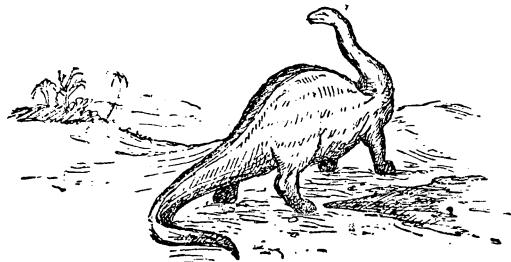
очень трусливы и не отличаются умом. Они нам не опасны, если мы не будем так неосторожны, как были только что. Причалим, зайдемся нашим завтраком и будем наблюдать за ними.

Высадились на берегу, набрали топлива на опушке леса и приступили к приготовлению завтрака, недоверчиво поглядывая в сторону бронтозавров. Последние все еще стояли в воде на том же месте, не решаясь вылезти на сушу.

— Эти животные очевидно не умеют плавать, — заметил Папочкин. — Они спасаются в воде от своих сухопутных врагов, и пока мы не уедем не вылезут на берег.

Пока жарилась рыба, Громеко разложил на песке свою одежду и белье, предоставив лучам Плутона высушить их, сам же в костюме Адама занялся чисткой инструментов и просушкой записной книжки. Позавтракав, полежали на песке, наблюдая за ящерами, которые не двигались с места, а затем все поплыли вдоль берега в том же направлении. Через несколько километров южный берег начал заметно отклоняться к югу, но лежащий впереди длинный мыс, покрытый лесом, заграждал вид в эту сторону. Когда его обогнули, оказалось, что надежда на то, что море распространится далеко на юг и даст возможность плыть на лодках дальше, в глубь Плутонии, не оправдалась. Море образовало только большой залив, и в нескольких километрах виден был его берег.

Так как в залив с юга могла впадать значительная река, то решили плыть в этом направлении. Через час достигли южного берега и убедились, что здесь действительно имеется река, но небольших размеров. Но в одной лодке можно было попытаться сделать экскурсию в глубь страны, скрытой в этом месте стеной леса от морского берега. Поэтому у устья речки выбрали место для стоянки. Экскурсию предположили сделать только вдвоем, оставив двух других при палатке. Муравьи могли быть и в этой местности южного берега, достаточно отдаленной от уничтоженного муравейника.

БРАНДЕР КАШТАНОВА

Захватив с собой провизию, запасную одежду и заряды на случай, если экспедиция затягивается на несколько дней, Каштанов и Папочкин отправились на одной лодке вверх по речке. Так как глубина была небольшая, а течение довольно быстрое, они заменили весла шестами, которыми упирались в дно. Узкое русло было окаймлено с обеих сторон высокой стеной леса; передко хвоши, папоротники и пальмы, склоняясь над водой, почти сходились вершинами, и речка текла под высоким зеленым сводом, через который слабо проникали лучи света.

Здесь было сумрачно и прохладно. Лодка тихо скользила по воде и только слышно было журчание под ее носом и скрип шестов, упиравшихся в галечное дно.

В более открытых местах зеленого коридора реяли и звенели стрекозы, глухо журчали большие жуки, а при слабых порывах ветра чуть шептали и шумели большие листья пальм и ветви папоротников и мягко шуршали хвоши.

Через несколько километров зеленые стены сразу расступились и открылась большая поляна, которую речка пересекала пополам. Почва ее была покрыта очень скучной и мелкой растительностью — щетками жесткой травы нескольких видов.

— Уж не начинается ли и эта речка вблизи той же группы вулканов, которую мы обследовали? — заметил Папочкин.

— Возможно, и в таком случае нам нечего будет делать, — согласился с зоологом Каштанов. — Хотя большое количество воды в речке позволяет надеяться, что ее верховья находятся значительно дальше, среди черной пустыни.

Проплыв еще километра три пополам, исследователи увидели, что впереди, где речка суживалась, с одного берега на другой было перекинуто довольно толстое бревно, висевшее так низко над водой, что лодка не могла пройти под ним.

— Можно подумать, что это мост, который кто-то устроил себе через речку! — засмеялся зоолог. — Во всяком случае, нужно причалить к берегу и убрать эту преграду.

— Э, ведь действительно похоже на мост! — воскликнул Каштанов, когда они подошли к преграде и увидели, что она состояла не из одного бревна, а из трех, аккуратно положенных рядом.

— Да, речка едва ли могла так уложить эти стволы, — согласился Папочкин. — Но если это мост, то кто же его построил? Неужели в этой юрской стране есть люди? Это было бы крайне интересно!

— В юрское время не было высших млекопитающих, как вы знаете. Даже птицы были представлены только фэрмами, переходными к ящерам.

— Но не ящеры же устроили мост!

— Вы забыли про муравьев. Существа, которые строят сложные жилища по определенному плану, вполне способны построить и мост, так как плавать не умеют и воды боятся.

— Вы правы! Вот и жилища этих проклятых насекомых! — воскликнул Папочкин, указывая на запад.

В этой стороне действительно виднелся огромный муравейник, совершенно того же типа, как и уничтоженный путешественниками.

Сбросить сухие и легкие стволы хвоиц в речку было делом нескольких минут, после чего путники направились к лодке, чтобы продолжать плавание. Но, к своему изумлению, они увидели, что в лодку уже забрался незваный пассажир — муравей, который ощупывал их вещи, тогда как другой стоял на берегу.

— Эге, эти черти уже тут как тут, а наши ружья в лодке!

— Берите нож, сначала атакуем того, который на берегу. Я спереди, а вы забегайте сзади.

Оба побежали к насекомому, которое при виде врагов приняло оборонительную позу, прижавшись к кустнику. Каштанов занял его внимание, наступая с ножом, а в это время Папочкин, нагнувшись через кустик, рассек муравья пополам.

Но он не заметил, как муравей, бывший в лодке, быстро выскоцил на берег и ёцепился всеми челюстями сзади в его икру. Зоолог вскрикнул от боли и неожиданности.

Прибежавший на помощь Каштанов рассек и этого муравья, но с трудом освободил товарища; пришлось разрезать вцепившуюся голову на несколько кусков.

Рана, причиненная насекомым через толстый шерстяной чулок, была невелика, но яд укуса быстро действовал, и нога начала гореть и деревянеть.

— Присядьте пока на землю, я сейчас достану нашатырный спирт и бинты из походной аптечки, — сказал Каштанов.

— Нет, нет, помогите мне сойти в лодку, оглянитесь!

На поляне к ним быстро приближалось десятка два му-

равьев; еще несколько минут — и пришлось бы вступить в неравный бой. Не теряя времени, Каштанов взял зоолога, с трудом волочившего ногу, подмышки, спустил его с откоса в лодку, затем вскочил сам, и перед самым носом прибежавших врагов лодка отошла от берега.

Продолжать экскурсию нечего было и думать: один гребец лежал без сил на дне лодки и стонал от боли, а вспо-

Муравей, бывший в лодке, остро выскочил на берег и вцепился своими челюстями в икру Папочкина

лощенные муравьи могли преследовать слишком медленно идущую против течения лодку и не давать ей приставать к берегу. Поэтому Каштанов, не долго думая, повернул лодку вниз по течению и взялся за весла; он старался держаться середины речки, чтобы избегнуть нападения насекомых. Папочкин с трудом снял обувь с раненой ноги, достал нашательный спирт и бинт; нога уже распухла, покраснела и каждое движение вызывала сильную боль.

Через полчаса лодка приблизилась к опушке леса, окаймлявшего поляну с севера и отделявшего ее от моря. Врагов уже не было видно, и Каштанов решил остановиться, чтобы устроить раненого поудобнее. Он разостлал плащи на дне лодки, уложил на них Папочкина, достал запасную рубашку и, смочив ее водой, положил в качестве охлаждающего компресса на раненое место, — это облегчило боль, и зоолог задремал. Отдохнув немного, Каштанов поплыл дальше.

Перед началом зеленого коридора речка давала неболь-

шое колено. Когда лодка обогнула его, впереди открылась картина, которая заставила Каштанова вздрогнуть. Быстрым движением весла он пригнал лодку к берегу, где, уцепившись за кусты, остановил ее и скрыл от взора врагов.

Муравьи были близко. Несколько десятков их сутилось на левом берегу речки в самом начале коридора; они перегрызали стволы хвоцей, росших над водой, и роняли их в речку, сооружая препятствие, через которое лодка не могла пройти. Нельзя было сомневаться, что они хотели отрезать своим двуногим врагам путь отступления к морю. Положение становилось отчаянным: один Каштанов и раненый зоолог не в состоянии пробиться через преграду, охраняемую многочисленными насекомыми. «Один укус при неравной борьбе с ними, — подумал Каштанов, — и он сделяется беспомощным, как и Папочкин».

«Повернуть назад и толкаться вверх по речке? Но и там муравьи могут напасть рано или поздно; и все равно речка остается единственным путем бегства из их владений. Нужно пробиться во что бы то ни стало. Может быть, их испугают выстрелы, а если нет? Всех не перебьешь, они попрятутся в лесу, а когда я начну возиться над разрушением преграды, они нападут целым полчищем», — думал Каштанов.

В этом безвыходном положении Каштанову внезапно пришла мысль, которая, казалось обещала полный успех в случае быстрого воплощения ее в дело. Муравьи, занятые работой, еще не обнаружили лодки, прижавшейся к берегу среди кустов. Поэтому Каштанов начал, избегая резких движений, потихоньку тянуться назад, вверх по речке, цепляясь за кусты, чтобы вернуться за поворот русла, где берег совершенно скрывал его от насекомых. Здесь начиналась опушка леса, изобиловавшая сухими стволами хвоцей и вообще валежником. Причалив к берегу и привязав лодку со спавшим зоологом, Каштанов стащил в речку несколько толстых стволов, наскоро скрепил их друг с другом гибкими прутьями кустов и затем навалил на этот плот огромную кучу стволов, стеблей и хворосту, перекладывая сухой материал зелеными ветвями хвоцей и стеблями тростника.

Когда куча была готова, Каштанов вернулся в лодку и тихонько поплыл вниз по течению, а плот, привязанный к длинной жерди, толкал перед собою по воде, совершенно скрываясь за ним от взоров неприятеля. За поворотом речка текла совершенно прямо к тому месту, где муравьи сооружали преграду, которая отстояла еще на сотню метров. Подтянув плст к лодке, Каштанов поджег кучу и поплыл дальше, попрежнему толкая плот перед собой. Огонь постепенно

пенно разгорался, охватывая горючий материал, а из зелени, проложенной слоями, пошел густой черный дым.

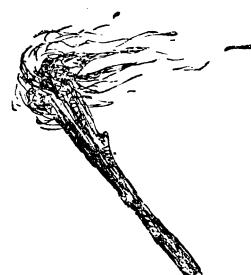
Когда лодка и плот были в сотне шагов от преграды, Каштанов пустил плот по течению, а сам взялся за шест, чтобы задержать лодку посреди речки. Гигантский костер поплыл к преграде и остановился перед ней, обдавая клубами едкого дыма и языками пламени работавших насекомых. Часть последних, обожженная или оглушенная, свалилась в воду, остальные сбежали на берег. Тогда Каштанов зарядил двухстволку мелкой картечью и начал угощать муравьев, подплывая к ним все ближе и ближе, целям рядом выстрелов. Треск огня, языки пламени, клубы дыма, беспрерывные выстрелы, поражавшие насекомых, заставили уцелевших и легко раненых из них пуститься на утек.

От горевшего плота занялась и преграда, состоявшая наполовину из сухих стволов, и пока гремели выстрелы, сгонь охватил всю ее среднюю часть.

Убедившись, что враг бежал, Каштанов причалил к берегу у самого пожарища, прикончил ножом раненых муравьев, а затем принялся уничтожать преграду, сбрасывая горевшие сухие и дымившие зеленые стволы в воду. Через четверть часа препятствие исчезло, и догорающий костер на плоту поплыл дальше по реке, а вслед за ним, не стараясь его обогнать, плыла лодка с человеком, перехитрившим своих многочисленных врагов.

Вниз по течению реки плавание в этом зеленом коридоре шло быстрее, и вскоре впереди в просвете показалась уже синева морской глади.

Приближаясь к устью речки, Каштанов услышал выстрелы, лай Генерала и крики товарищей. Он налег на весла, через несколько минут причалил к берегу и с ружьем в руках бросился к месту стоянки.

СРАЖЕНИЕ С МУРАВЬЯМИ

Проводив товарищей в экскурсию, Макшеев и Громеко, занялись ужением рыбы в устье речки. Промысел оказался таким удачным, что через час одному пришлось уже приступить к чистке рыбы и развесиванию ее на протянутых веревках для вяления впрок.

Пока Макшеев продолжал ловлю, ботаник обошел опушку леса, собирая растения, и при этом обнаружил саговую пальму, которой решил воспользоваться. Вдвоем ее срубили, раскололи вдоль и, вынув съедобную сердцевину, разложили ее для просушки на одеялах.

Окончив эту работу, поставили на огонь котелок с ухой и уселись возле него, обсуждая, чем заняться после обеда.

— Отлучаться далеко мы не можем, — заметил Громеко; — тем более, что оставить рыбу на попечение Генерала нельзя.

— Конечно, — согласился Макшеев, — хотя это и верный пес, но вряд ли устоит от соблазна покушать вволю вяленой рыбы и вспомнить свою родину.

— Ну, что же, наловим еще рыбы и сделаем большой запас ее для себя и для собаки. Кто знает, скоро ли попадется опять такое рыбное место. А это ящерное мясо мне, признаюсь, не по вкусу, все время ем его с отвращением.

В это время уха начала закипать, и Громеко направился к одеялам, чтобы взять саго для заварки.

— Ой, смотрите скорее на запад! — закричал он Макшееву, оставшемуся за палаткой у костра.

Макшеев выбежал на пляж.

С запада вдоль берега моря двигались чудовища, в которых не трудно было узнати бронтозавров.

Они шли медленно, обрывая молодые листья с верхушек пальм и паноротников, по временам останавливаясь возле дерева, казавшегося особению вкузнным.

— Ну, что нам делать, как вы думаете? — спросил Громеко. — Мы знаем, что эти чудовища трусливы и на нас не нападут первые. Но они перетопчут и передавят нам и рыбу, и палатку, если мы пустим их сюда.

— Придется стрелять, — сказал Макшеев, — сначала дробью, а если это не поможет, разрывной пулей.

Оба подняли ружья, прицелились в группу чудовищ, подошедших уже довольно близко и четыре выстрела прокатались глухо вдоль морского берега.

Неожиданный шум и дробь, посыпавшаяся на живот-

ных, донельзя их перепугали. Но вместо того, чтобы повернуть назад, неуклюжие машины бросились в воду и побежали мимо стоянки вдоль берега в небольшом расстоянии от него, вздымая волны и фонтаны брызг.

Неудачливые охотники в несколько мгновений были промочены с головы до ног, удерживая лодку, чтобы ее не снесло в море. Одна из набежавших волн подмыла воткнутый в песок шест, к которому была привязана веревка с вялившейся рыбой, другая плеснула на одеяло с сушившимся саго. Рыба с веревкой упала на песок, а саго намокло.

— Тыфу, окаянные, — выругался Макшеев, отряхиваясь после душа. — Все-таки напакостили.

— Ну, вот нам и работа, — утишил его Громеко. — Мы не знали, чем заняться после обеда, а они об этом позабочились. Теперь нужно всю рыбу опять обчистить, а саго обмыть в речке и сушить.

— И сначала самим обсушиться. А уха наша наверно вся выкипела...

Бронтозавры, описав полукруг по воде, опять вылезли на берег, восточнее устья речки, и продолжали бежать по пляжу.

— И им видно досталось на орехи, ишь как улепетывают, — злорадствовал Макшеев, раздеваясь у палатки, пока Громеко снимал котелок с ухой.

Развесив платье для просушки и водрузив шест с веревкой на прежнее место, путешественники в костюмах Адама принялись за свой обед. Генерал, наевшись с утра рыбных голов и внутренностей до отвала, растянулся на песке и задремал. Ни он, ни занятые едой люди не заметили, как из леса, недалеко от стоянки, вышли один за другим шесть муравьев, остановились и затем столь же бесшумно скрылись в чащце.

Покончив обед, Макшеев и Громеко притягли в палатку и закурили трубки, прежде чем приняться за очистку рыбы от налипшего песка.

Вдруг Генерал заворчал, вскочил и бешено залаял. Выбежав из шалатки, Громеко и Макшеев увидели, что их стоянка окружена муравьями. Одна колонна отрезала их от устья речки, вторая надвигалась с другой стороны к веревке с рыбой и к одеялу с саго.

— А ружья-то у нас не заряжены! — завопил Громеко, бросаясь к патронташу.

— Берите картечь! — кричал Макшеев, торопливо заряжая двустволку. — Палите в правых, а я в левых.

Правая колонна уже набросилась на рыбу и стаскивала

ее с веревки, а левая была в двадцати шагах от палатки, когда грянули первые выстрелы. Гром, дым и падение подстреленных остановили передних.

Но задние напирали, привлекаемые запахом рыбы, и рать опять двинулась вперед. Стоя у входа в палатку, в которую забился ощетившийся и лаявший Генерал, охотники заряжали ружья, чтобы дать еще залп, а затем, вооружившись ножами и прикладами, вступить в рукопашную с врагами, надеявшимися со всех сторон. Но борьба казалась безнадежной, в виду неравенства сил.

Вдруг из кустов устья речки один за другим раздались два выстрела в задние ряды муравьев, а затем оттуда выбежал Каштанов, в руках которого был пылающий пук хвороста. Размахивая им вправо и влево, он бросился прямо в стаю насекомых, которые шарахнулись в разные стороны.

Макшеев и Громеко со своей стороны кинулись к костру и начали бросать головни в муравьев. Это средство помогло — первая колонна была рассеяна и позорно бежала в чашу, оставив убитых, раненых и обожженных на поле сражения.

Покончив с врагами этой колонны, все трое, с Генералом, набравшимся храбрости, атаковали с огнем и ножами в руках насекомых, занятых уничтожением рыбы. Часть платилась за свою жадность, другие успели бежать, унося в челюстях рыбу или куски намокшего и сплюшегося саго. Два муравья потащили за собой все одеяло, но были настигнуты и убиты. Генерал приканчивал раненых, перегрызая им шею.

Когда последние беглецы скрылись в лесу, путешественники могли пердохнуть и подсчитать свои трофеи и ущербы. Мертвых и тяжело раненых муравьев оказалось сорок пять.

Вместо пятидесяти рыб на веревке осталось только пятнадцать, да несколько штук, очевидно потерянных врагами при бегстве, подобрали у опушки леса. Больше половины саго было съедено или затоптано в песок. Громеко получил легкий укус в руку, а Каштанов в ногу, но толстый сапог не поддался и предохранил его от муравьиного яда.

— Как вы кстати явились! — сказал Макшеев, когда, осмотрев поле сражения, все трое уселись у палатки. — Без вашей поддержки и выдумки с огнем мы бы не справились с этим полчищем, и они закусали бы нас до смерти.

— А где вы оставили Папочкина? — спохватился Громеко.

— Ах, я и забыл в пылу битвы, что Семен Семенович лежит у меня еще в лодке!

— Лежит? Почему лежит? Что с ним случилось? Он жив? — посыпались вопросы товарищей, понявших теперь причину неожиданно быстрого возвращения Каштанова.

— Жив, жив! У нас тоже было столкновение с муравьями, и Семен Семенович получил такой укус в ногу, что стал инвалидом. Помогите перенести его в палатку.

Папочкин еще спал, когда его подняли на руки,
чтобы отнести в палатку

— Одну минуту! Дайте нам одеться, — сказал Громеко, только теперь обративший внимание на то, что он, как и Макшеев, до сих пор оставался полуодетым.

— Да, действительно, почему вы оба в таком странном виде, — засмеялся Каштанов. — Вы разве купались, когда на стан напали муравьи?

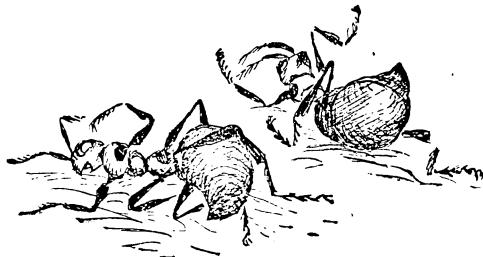
— Нет, нас опять выкупали бронтозавры, — отвечал Макшеев, и, одеваясь, рассказал, как произошло все дело.

Наскоро облачившись, Макшеев и Громеко последовали за Каштановым к речке, где последний, бросившись в атаку на муравьев, оставил лодку с Папочкиным, который спал так крепко, что не слышал ни выстрелов, ни криков и проснулся только тогда, когда его подняли за руки и за ноги, чтобы отнести в палатку.

Уложив его, путешественники развесили уцелевшую рыбу, перетаскали мертвых муравьев в море, и только после этой неприятной работы Каштанов, доедая оставшуюся уху, рассказал товарищам о своих приключениях во время неудавшейся экскурсии.

Так как можно было опасаться, что муравьи, дважды пострадавшие от незваных пришельцев, вернутся снова, то возник вопрос, как быть дальше. Папочкин и Громеко советовали немедленно продолжать плаванье, чтобы убраться подальше от муравейника. Но Каштанову хотелось продолжать экскурсию вверх по речке, прерванную из-за муравьев, так как она давала возможность проникнуть вглубь таинственной черной пустыни, и Макшеев поддерживал его план.

Но так как при всякой попытке сделать экскурсию в глубь страны они рисковали снова встретиться с муравьями и подвергнуться их нападению, первое мнение восторжествовало. Решено было провести здесь ночь и на следующий день двинуться дальше на лодках.

НОВАЯ ЭКСКУРСИЯ В ГЛУБЬ СТРАНЫ

Вопрос, продолжать ли плавание вдоль южного берега моря Ящеров на запад или же вернуться и плыть на восток, обсуждался очень горячо во время раннего завтрака, и наконец решили плыть еще на запад.

Поплыли прежним порядком вблизи берега и скоро выбрались из залива. Южный берег и далее был утомительно однообразен. Проведя две недели среди животного и растительного мира юрского периода, наши путешественники уже так привыкли к нему, что находили его довольно однообраз-

ным. Им хотелось теперь проникнуть дальше на юг, в надежде встретить еще более древнюю флору и фауну, испытать новые приключения и получить новые впечатления.

Но этот дальнейший путь на юг был прегражден пустыней, а плавание на запад или на восток обещало им только все те же картины юрской природы. И все начинали уже подумывать об обратном пути на север.

На берегу в нескольких местах замечены были муравьи, из чего можно было заключить, что этот род насекомых распространен по всему южному берегу моря Ящеров, и они действительно являются царями юрской природы.

— Счастье еще, что они часть времени проводят во сне! — заметил Папочкин. — Иначе от них не было бы житья.

— Да, эти твари хуже сабельных тигров и хищных ящеров. Те и другие не доставили нам и сотой доли тех неприятностей и тревог, которые причинили муравьи, — согласился Макшеев.

Ночевали на пляже. Решили плыть еще один день дальше на запад, и если в этот день не удастся проникнуть на юг, то повернуть обратно.

Этот последний день принес желанную перемену. Берег моря вскоре начал сильнее склоняться на юг, сохраняя тот же характер. Через несколько часов плавания стало видно, что зеленая стена леса скоро кончится и далее начнутся утесы.

— Опять та же столовая возвышенность, а на ее поверхности черная пустыня! — воскликнул Каштанов, изучавший в бинокль местность, лежащую переди. В его голосе было слышно разочарование.

Но когда подплыли к концу леса, оказалось, что между ним и подножием столовой возвышенности расположен большой залив, в глубине которого открывалась зеленая долина; на заднем плане постепенно поднималась группа высоких остроконечных темных гор.

— Опять вулканы! Но на этот раз совсем недалеко от берега моря! — воскликнул Громеко.

Лодки направились к южному берегу залива в устье долины, где виднелась ровная площадка песчаного пляжа.

В долине протекал довольно большой ручей, окаймленный деревьями, кустами и лужайками. Палатку раскинули на пляже. На лужайках вдоль ручья видели жуков, стрекоз, мух, заметили следы игuanодона и летучих ящеров, но муравьев не нашли.

Поэтому после обеда направились к вулканам, но из предосторожности лодки, палатку и лишние вещи запрятали в чашу леса, подвесив некоторые из них даже на деревьях. Генерала взяли с собой.

Путь шел вверх по долине вблизи ручья. Роши по его берегам не представляли непроходимой чащи и были пересечены тропинками игуанодонов.

В утесах обоих склонов Каштанов определил породы, встреченные гораздо севернее, именно на реке Макшеева, — оливковые с вкраплениями никелевого железа. Но только здесь эти вкрапления часто превращались в большие гнезда диаметром от половины до одного метра, состоящие из сплошного металла.

— Ведь это же прекрасный материал для переработки в сталь! — воскликнул инженер, остановившись в изумлении и восторге перед высокой отвесной стеной, в которой большие и малые гнезда металла, тускло блестевшие под лучами солнца, были рассеяны в изобилии. Он смотрел на эту стену с таким же вожделением, с каким дети разглядывают сладкую булку, переполненную изюмом.

— Эх, какой колossalный завод можно было бы основать тут! — сокрушался он.

Над зеленою долиной по временам проносились взад и вперед крупные птеродактили, высматривая добычу; очевидно где-нибудь по соседству на неприступных утесах было их гнездилще.

Нападать на людей они не решались, но когда Генерал слишком опережал путешественников или отставал от них, над ним появлялся яцер и кружился в воздухе в ожидании удобного момента для нападения. Громеко два раза стрелял по летучему хищнику и во второй раз подшиб его. Раненое животное юсталось барахтаться на вершине большого папоротника.

Встретили стадо игуанодонов, которые отдыхали на лужайке у подножия скалы, но охоту на них отложили до обратного пути, чтобы не нагружаться мясом.

Через три часа спокойного хода достигли того места, где долина круто поворачивала на запад. Далее ее правый склон образовывался из откосов группы вулканов. Путь сделался труднее, приходилось то и дело пробираться по лаве, карабкаясь по ее черным глыбам.

На маленькой лужайке, где было удобное место для почлега и несколько сухих хвощей для костра, сложили принесенные с собой запасы и лишние вещи, чтобы налегке обследовать местность.

Между концами двух широких потоков лавы, спускавшихся с вулкана, лежало небольшое озеро в полсотню метров в диаметре, окаймленное группами небольших саговых пальм, хвоющей и узкой полосой тростников. Ручеек вытекал из этого озера, пробиваясь по лаве нижнего потока. Поверхность озера была гладкая, как зеркало, и отражала в себе до мельчайших подробностей и зеленую раму, и черные потоки лавы, и мрачные обрывы столовой возвышенности.

— Вот чудесное местечко для отшельника, который захотел бы уйти навсегда от суеты мирской! — воскликнул Папочкин. — Он выстроил бы себе хижину под защитой черной стены и жил бы, предаваясь созерцанию ясного неба, вечного солнца и величественного вулкана на берегу мирного озера в тени пальм.

— И в один прекрасный день погиб бы под градом камней или под потоком лавы, извергнутым этим коварным вулканом, — заметил Каштанов.

— Или еще раньше умер бы от голода, ибо, насколько могу судить, эти пальмы не дают съедобных плодов, а тростник не сладкий, — прибавил Громеко.

— И не видно никакой дичи! — сказал Макшеев.

— Но отшельник мог бы завести пашню, садик, огород. Вода есть, а на старой лаве отлично растет виноград и...

Зоолог не успел окончить свою фразу, потому что со стороны вулкана, главная вершина которого была скрыта ближайшими нагромождениями лавы, раздался гул, подобный прому, и через несколько минут вокруг путников упал дождь мелких черных лапилли (камешков).

— Вот вам! Его величество предупреждает, что он не даст отшельнику разводить виноград на старой лаве, — засмеялся Макшеев.

— Осмотрим озеро и вернемся назад к нашим вещам. Здесь менее безопасно. — предложил Каштанов.

Пока путники спускались по лаве к озеру, раскат повторился и опять посыпалась лапилли.

— Вулкан сердится на незваных гостей! Он боится, что мы похитим сокровища из его кратера, как похитили серу из кратера Сатаны, прежде чем он успел проснуться.

— Назовем этот вулкан Ворчуном! — предложил Громеко.

Это название было принято сочувственно и занесено на карту, которую набрасывал Каштанов. Озеро получило название Отшельничье, а ручей, вытекавший из него, имя Папочкина.

— Вот мы и увековечили ваши воздушные замки! — смеялся Макшеев, записывая эти имена.

Вода озера оказалось холодной и пресной, на вкус даже напоминавшей сельтерскую, так как из нее при легком подогревании выделялись пузырьки углекислоты.

Обойдя озеро кругом и наткнувшись на удобное место, путники с удовольствием выкупались в его живительной воде и узнали, ныряя, что глубина его не превышает трех метров. Ни рыбы, ни водяных растений, ни насекомых в нем не было.

Так как было еще рано возвращаться на место стоянки, решили взобраться на столовую возвышенность. Это было не трудно, потому что верхний поток лавы упирался в обрыв возвышенности, и глыбы представляли нечто вроде гигантской лестницы, так что, карабкаясь с глыбы на глыбу, путники скоро очутились наверху.

На востоке у их ног, в глубокой яме лежало озеро, а за ним поднимались черные, изрытые склоны Ворчуна, над которым царила его крутобокая вершина. Из нее поднимался столб черного дыма, тянувшийся в спокойном воздухе на огромную высоту. На юг, запад и север расстилалась черная пустыня, совершенно такая же, как вокруг группы вулкана Сатаны. На севере она упиралась в синюю гладь моря, а в другие стороны уходила до горизонта.

— Ворчун гораздо выше Сатаны, и склоны его конуса круче, — заметил Капитанов.

— А начавшееся извержение помешает нам забраться на его вершину, — добавил Макшеев.

— Увидим завтра. Серы нам теперь не нужно, и мы можем повернуть назад в любой момент.

Спустившись обратно к озеру и проделав тот же путь через лавовые потоки, путники через час очутились на месте своей стоянки.

„ШАЛОСТИ“ ВОРЧУНА

Но Ворчун не дал им выснаться как следует. Через несколько часов они были разбужены ужасным грохотом и вскочили перепуганные.

— Неужели и этот вулкан выбрасывает палящие тучи? Смотрите, что там творится! — воскликнул Громеко.

Ворчун был окутан густыми черными тучами, которые спускались все ниже по склону и вместе с тем расползались во все стороны. Чувствовался заметный запах серы и хлора. Тучи клубились, освещались яркими молниями, а грохот, вырывавшийся из недр вулкана, сливался с раскатами грома.

— Нет, — заметил Каштанов, — палящей тучи нам бояться нечего. Это извержение носит другой характер, именно типа Беизувия. Сейчас выбрасываются пепел и бомбы, а потом вероятно плавится и лава.

— Наше восхождение конечно ухнуло.

— Понятно! Было бы безумно лезть на вулкан в такое время.

— Что же мы будем делать?

— Посидим еще здесь или продолжим прерванный сон, а затем пойдем назад к морю.

— Почему же не сейчас?

— Интересно наблюдать извержение так близко.

— А если на нас посыплются бомбочки?

— Едва ли; мы тут у самого подножия, и так далеко они не летают.

— А если лава захватит нас?

— Лава течет медленно и от нее всегда можно уйти, даже пешком.

— Ну, тогда останемся и посмотрим работу Ворчуна. Но не мешает за это время позавтракать.

Разожгли костер, поставили чайник и за едой наблюдали за вулканом.

Он совершенно скрылся в тучах, и даже небо в зените было подернуто серой дымкой, сквозь которую Плутон казался красным диском без лучей, бросавшим зловещий, тусклый свет на мрачные окрестности просыпающегося вулкана.

Вскоре начал падать черный пепел, тонкий, как пудра, сперва отдельными частицами, потом все гуще и гуще, так что чай пришлось пить, закрывая кружки рукой, чтобы не наглотаться вулканической пыли. Постепенно почернели и

трава, и тростник, и листья пальм, а вода в ручье стала похожей на чернила.

— Хорошо, что мы догадались набрать воды в нашу жестянку, — заметил Макшеев. — Иначе остались бы на цепкий день без воды. Но что это за шум?

Так как грохот вулкана ослабел, то в промежутке между раскатами грома можно было расслышать глухой шум, подобный реву морского прибоя, постепенно усиливавшийся. Путешественники переглядывались в недоумении.

— Уж не палящая ли туча? — с тревогой спросил Папочкин.

— Нужно бежать скорее наверх! — вскричал Каштанов. — По ручью несется вал воды или грязевой поток. Я и забыл о возможности этого. Берем пожитки — и на гору!

Живо были опорожнены недопитые кружки, собраны вещи и ружья, и все побежали вверх по лавовому потоку, карабкаясь по глыбам, спотыкаясь, стараясь подняться на достаточную высоту над руслом ручья.

Когда они наконец остановились, чтобы перевести дух, на высоте около пятидесяти метров над местом стоянки и оглянувшись, их взору представилась картина, показавшая, что поспешное бегство было вполне своевременным. По руслу, шедшему со склона вулкана, несся бешеный поток черной воды, срывавший большие глыбы застывшей лавы с своих берегов. Через несколько минут грозный вал, высотой метра в три, докатился до места, где они только что беспечно пили чай. В одно мгновенье в его грязных волнах скрылись зеленые кусты, закачались и повалились пальмы, сломанные или вырванные с корнем, вся площадка исчезла, словно ее и не было.

— Ловко работает! — воскликнул Папочкин. — Мы вовремя убрались!

При своем бегстве путешественники поднялись выше этого лавового потока, и с того места, куда они забрались видны были внизу и та и другая вершины. Грязевой поток прошел по правой вершине, и теперь все повернулись в сторону левой, чтобы посмотреть, что там делается. Через несколько минут по тесной долине левой вершины прикатил второй грязевой поток, но двигавшийся медленнее, так как вода была переполнена пеплом и мелкими камешками и представляла жидкую чёрную кашу, в струях которой крутились кусты, вырванные с корнем, и стволы пальм.

— Их несет с берегов озера, где мы были вчера! — воскликнул Папочкин.

— Вот вам и тихое идиллическое убежище отшель-

ника! Озеро уже не существует, все затоплено грязью, — сказал Каштанов.

— Да, здешние вулканы оказываются очень беспокойными соседями, — заметил Громеко. — Сатана угостил нас палиящей тучей, а Ворчун — грязью.

— И все-таки мы спаслись, да кроме того мы видели грозные и интересные явления природы, — сказал Каштанов.

— А теперь мы отрезаны от моря и наших лодок! — воскликнул Папочкин в совершенном унынии. — Смотрите, справа и слева бурные потоки, а позади нас — Ворчун, который может устроить нам еще какое-нибудь угощенье.

Действительно, путешественники, укрывшиеся от грязевых потоков на скале вулкана, очутились в осадном положении и не могли направиться вниз по долине к морю. А позади них вулкан продолжал громыхать.

— Если теперь прикатит еще сверху лава, мы будем между огнем и водой. Приятная перспектива! — заявил Громеко.

— Да, Ворчун еще не сказал своего последнего слова, — заметил Макшеев.

— Я думаю, что наши тревоги преждевремены, — успокоил их Каштанов. — Грязевые потоки скоро сбегут, и мы пойдем к морю, прежде чем лава, если таковая вообще направится в эту сторону, доберется до нас.

— А пока нас тут промочит до нигки! Укрыться-то негде, — ворчал Папочкин.

Зоолог был совершенно прав. Уже некоторое время из туч, распространявшихся от вулкана, накрапывал дождь, на который путешественники не обратили внимания, занятые грязевыми потоками. Теперь дождь усилился и все начали осматриваться по сторонам, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту. Рассчитывая на хорошую погоду, продолжавшуюся уже много дней, путешественники пошли в экскурсию налегке, без плащей и палатки, и теперь ничем не могли защищаться.

— Мне кажется, что там, выше, где столько крупных глыб лавы, мы скорее найдем какое-нибудь убежище, — сказал Макшеев, указывая вверх по склону.

— И очутимся еще ближе к вулкану! — вздохнул Папочкин.

— Вольному воля, оставайтесь здесь под дождем, а мы полезем, — заявил Громеко.

Но зоолог не захотел отстать от компании, и все пошли вверх по крутым потокам. И камни и обувь уже намокли

и итти было сколько и трудно. Впрочем, скоро добрались до большого вала из навороченных друг на друга глыб, обозначавшего конец более молодого потока, излившегося поверх старого. Между глыбами кое-где оставались промежутки, достаточные для приюта одного человека. Все четверо разместились по этим порам, а мокрый Генерал залез к Макшееву, который был не особенно доволен этим соседством. Достаточно намокшие люди, скрючившиеся в неудобных позах на неровных камнях, переживали довольно неприятные минуты и, чтобы поддержать хорошее расположение духа, перекликались из своих убежищ друг с другом, когда грохот Ворчуна немного затихал.

Дождь лил не переставая. Скоро и по поверхности лавового потока потекли струйки и ручейки грязной воды, наполненной илом, и доставили укрывшимся новые неприятности.

Одному обдало холодным душем бок, другому спину. Папочкин, растянувшийся на животе в низкой и длинной норе, почувствовал воду под собой. Он вылез наружу и с проклятиями начал бегать между глыбами в поисках лучшего места.

Макшееву удалось приютиться вместе с Генералом в маленькой пещерке в лаве.

— Это не Ворчун, — кричал зоолог, карабкаясь по глыбам под дождем, — это чорт знает что.

— Водолеем назовем его! — предложил Макшеев.

Но Папочкин уже не слышал. Он нашел низенькую расщелину и заполз в нее головой вперед. Только она оказалась слишком короткой, и ноги остались снаружи, под дождем.

Вдруг ужасающий грохот потряс воздух. Путешественникам показалось, что камни раздавят их, как мышей в ловушке. Все выскочили из убежищ.

— Землетрясение! — вскричал Громеко.

— Вулкан взорвался и рухнет на нас! — вопил Папочкин.

— Неужели падающая туча? — прошептал Каштанов, бледнея.

Через завесу дождя и туч ничего не было видно, и после первых мгновений искуга все немного успокоились. Но вот с глухим треском вблизи них грохнулась бомба, величиной в голову, покрытая спиральными бороздами, и начала шипеть, трещать и дымиться под дождем. По сторонам, справа и слева, вверху и внизу, то тут, то там также слышны были удары и треск падавших камней.

— По местам скорее! — крикнул Макшеев. — Ворчун открыл пальбу снарядами крупного калибра.

Все поторопились залезть в свои норы, откуда с замириением сердца, но с интересом наблюдали, как падали и шипели бомбы разной величины. Иные, ударившись о глыбу, разлетались на осколки, словно гранаты. Зато ливень быстро прекратился. Порыв горячего ветра пронесся вниз по склону, запахло серой и гарью. Тучи начали рассеиваться или подниматься выше. Снаряды перестали падать. Макшеев решился выглянуть из пещерки.

— Борчун снял свою шапку и показал нам свой красный язык! — вскричал он.

Остальные тоже повылезли и подняли головы.

Наверху, между черными тучами по временам открывалась вершина вулкана, на которой с одной стороны свесился короткий огненно-красный язык лавы, словно дразнивший людей, которые осмелились нарушить вековое единение горы.

— Да, это появилась лава! — заявил Каштанов.

— Час-от-часу не легче! Сначала он хотел затопить нас в грязи, потом залить водой, потом пришибить бомбами, а так как все это не помогло, то пустил в ход последнее средство и хочет залить нас лавой! — щутил Громеко.

— Мужайтесь, Семен Семенович! Теперь уж вам крышка, — смеялся Макшеев.

— Ну, вас! — огрызнулся зоолог. — Если бы опасность была так велика, вы бы сами задали лататы, как перед грязевым потоком.

— От лавы мы уйдем не торопясь! — заметил Каштанов.

Но уходить было некуда. В обоих руслах все еще бушевали грязные потоки, перейти которые было немыслимо. А наверху красный язык быстро удлинялся, по временам исчезая под клубами белого пара, выделявшегося с его поверхности.

— Ворчун вымочил нас, а теперь высушит! Когда лава подойдет близко, мы сначала высушим на себе платье, а потом...

— А потом вымокнем опять при переправе через поток, если не утонем в нем, — докончил Паночкин щутку Громеко.

Но благодаря очищившемуся от пепла и туч воздуху проглянул Плутон и быстро начал обсушивать склоны вулкана. Черные глыбы лавы дымились, словно подогретые подземным огнем.

Путешественники сняли свое платье и развесили его на камнях, предварительно выжавши воду. Громеко разделся

даже донага и, согреваясь лучами Плутона, советовал остальным товарищам последовать его примеру.

— А если Ворчун угостит нас новой порцией снарядов? Сидеть в норах голыми будет не особенно удобно, — заметил Машеев.

— Раз показалась лава, взрывы и извержение рыхлого материала обыкновенно прекращаются, — пояснил Каштанов.

— Но если придется удиরать от лавы, мы не успеем одеться.

В эту минуту над вершиной вулкана вырвалось белое облако паров, и над краем кратера показалась огненная стена, быстро поползшая вниз.

— Первый поток лавы ушел в долину озера, — заметил Каштанов, — а этот, пожалуй, может и до нас добраться!

— А через сколько времени? — поинтересовались остальные.

— Может быть через час, может быть и позже. Это зависит от свойства лавы. Если лава тяжелая и легкоплавкая, она жидкa и течет быстро, а если лава легкая, вязкая, богатая кремнеземом, она трудноплавкая и движется медленно.

— Какой же лавой угощает нас Ворчун?

— До сих пор, насколько было видно по старым потокам, он изливал тяжелую лаву. Вероятно такая же будет и в этот раз. Вообще, по характеру всех пород, которые мы встречаем в Плутонии, очень тяжелых, богатых оливином и металлами, трудно ожидать, чтобы здешние вулканы могли изливать легкую кремнеземистую лаву.

— Следовательно нам нужно убираться отсюда поскорее.

— Да, но я надеюсь, что, прежде чем лава доберется до нас, грязевые потоки иссякнут, и мы свободно переберемся через русло того или другого.

Плутон, не закрываемый больше тучами, и горячий ветер, дувший с вулкана, скоро высушили одежду путешественников, которые оделись и в ожидании возможности уйти продолжали наблюдать вулкан. Конец длинного языка лавы уже скрылся за гребнем склона, очевидно спускаясь в долину бывшего озера у западного подножия Ворчуна. Новые порции лавы, поднимавшиеся из кратера, изливались отчасти по этому пути, отчасти же севернее и вероятно образовали второй поток, спускавшийся на северный или северо-западный склон; в последнем случае он должен был течь в сторону наблюдателей. Но из-за ближайших нагромождений лавы они не могли видеть, куда направляется этот поток.

Количество грязной воды в обоих руслах, особенно в левом, заметно уменьшилось, и по ним катился уже не бешеный поток, а небольшая грязная речка, через которую можно было рискнуть перейти и в брод.

В БЕЗВЫХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Так прошло полчаса. Извержение продолжалось спокойным темпом, и взрывы в кратере слышались только изредка и слабые. Но вот выше по склону над местом, где сидели наблюдатели, послышался глухой шум и шорох, напоминавший звуки, раздающиеся на большой реке во время сильного ледохода. В этой стороне поднимался гребень из громадных глыб лавы, очевидно фронт старого потока, остановившегося на этом месте.

— Пожалуй пора уходить, — сказал Каштанов, вставая, — лава уже недалеко.

Все направились вниз по склону, к месту своего ночлега на берегу ручья, по временам оборачиваясь и отглядываясь назад, туда, где шум все усиливался. Там, над гребнем старого потока, уже показался фронт нового; но он совсем не представлял стену огненно-красной лавы, как рисовали себе три наблюдателя, кроме Каштана, знакомого с этими явлениями. Этот фронт имел вид черного вала из глыб различной величины, который подвигался вперед под действием какой-то невидимой, но чудовищной силы.

Глыбы медленно ползли, надвигаясь друг на друга с треском и скрипом; одни скатывались с гребня вниз, а на месте

их появлялись новые, другие катились довольно далеко вниз по склону, с грохотом ударяясь и разбиваясь о неровности поверхности старого потока или глыбы, лежащей на ней. Из промежутков между глыбами вала то и дело вырывались струи и клубы белого пара, местами взвивались синие огоньки или же появлялись огненные пятна, словно отдельные горящие еще угли в потухающем костре, подернутом пеплом. Но этот костер двигался вперед, словно огромное ползущее чудовище под колеблющимся панцирем из черных чешуй, ползущее и изрыгающее жгучее дыхание и ядовитые испарения.

Спасаясь от глыб, катившихся по склону, путешественники подбежали к руслу правой вершины ручья, немного выше места своего ночлега; оно представляло неровно-буторкавую поверхность с струившимися по ней грязными ручейками. Недолго думая, путешественники смело шагнули вперед, но уже на втором шаге погрузились по колено в вязкую грязь. Послышались возгласы неудовольствия.

— О, чорт! Вlopались! Ноги вытащить нельзя, такая вязкая трясина! Словно тесто!

Громеко, шедший немного позади остальных и увязший менее глубоко, наконец вытащил свои ноги из сапог, оставив последние в грязи, а затем с берега русла, ставши на твердую глыбу, с трудом вытащил и сапоги. Остальные трое стояли в беспомощном положении и не могли двинуться ни вперед, ни назад, словно мухи на липкой бумаге.

А между тем фронт лавового потока неуклонно двигался вперед, и до него оставалось не более двухсот метров вверх по склону. Положение завязших становилось трагическим; ныблизи не было ни бревна, ни доски, ни даже жерди, чтобы положить ее на грязь и помочь товарищам высвободить ноги.

Но Громеко не растерялся. Он живо набросал несколько плоских кусков лавы от берега русла по направлению к Паночкину, как наименее тяжелому. Затем сбросил с себя мешок с вещами, ружье и верхнюю одежду, засучив штаны выше колен и проравившись по лаве к зоологу, помог ему освободиться от груза. А потом, взяв его подмышки, полегоньку вытащил из грязи. На Паночкине были не сапоги, а шнурованные ботинки, которые не могли слезть с ног и потому не остались в грязи.

Затем сообщи устроили вторую добротку из плит к Машееву и вдвоем вытащили его, но без сапог. Каштанова, — самого рослого и грузного из всех. — вытащили втроем, также без сапог.

Тем временем фронт лавового потока надвигался все ближе и уже обиждал путешественников своим раскаленным

Каштанова вытащили втроем и также без сапог

дыханием. Поэтому некогда было выкапывать увязшие глубоко сапоги, а приходилось скорее спасаться от лавы.

Подобрав свое имущество, злополучные исследователи побежали вдоль русла вниз, высматривая местечко понадежнее. Но везде была та же предательская серая грязь, в которую они уже не рисковали соваться.

Так в бесплодных попытках дошли до места noctега, где в русле стояло целое озерко. Воды в нем было мало, но дно представляло ту же грязь неизвестной толщины.

А фронт лавового потока медленно, но неуклонно надвигался сзади.

Шорох, шуршание и треск перекатывающихся глыб, шипение паров не умоляли ни на мгновенье. Пахло серой с хлором, жар становился все сильнее...

У озера, на месте слияния обеих вершин ручья путешественники перебежали через конец старого пстока к руслу у левой вершины, но попали в такую же вязкую грязь. Оставался еще один путь — итти вчерашней дорогой вверх вдоль этого русла к озеру Отшельничьему, чтобы убежать от второго потока лавы, рискуя наткнуться на первый. Это русло суживалось между отвесными обрывами столовой возвышенности и склоном вулкана, и здесь можно было надеяться найти узкое место, где было бы нетрудно переплыть грязь глыбами лавы или перепрыгнуть через нее. Такое место вскоре и нашлось, но на другом берегу русла возвышались отвесные скалы в несколько метров вышины. На них невозможно было взобраться, нельзя было также пройти вверх или вниз вдоль их подножия, так как оно было окаймлено той же грязью.

Обессиленные беготней и волнением, путешественники уселись на глыбах возле грязи и опустили головы. Им оставалось ждать неминуемой смерти: или задохнуться в грязи, забравшись в нее при попытке перебраться через русло, или изжариться и сгореть на берегу, когда лавовый поток настигнет их. И то и другое было одинаково мучительно, и у каждого из людей, попавших в это отчаянное положение, возникала мысль о самоубийстве, если иного выхода не будет.

Отдохнув немного, Каптанов заметил, что фронт лавы движется медленнее. Он вскричал, вскачивая:

— Идемте скорее дальше вверх по этому берегу ручья. Мы успеем пройти мимо конца лавы, она почти остановилась!

— Но если мы от этой лавы уйдем, то наткнемся на ту, которая затопила Отшельничье озеро и повернула конечно вниз по руслу, — безнадежным тоном заявил Папочкин.

— Это единственный шанс для нашего спасения! — на-

стивал Каштанов. — Во-первых, выше по руслу мы может быть найдем брод через грязь в таком месте, где утесы левого берега доступны. Во-вторых, весьма вероятно, что оба лавовые потока не сливаются друг с другом, а следовательно...

— Следовательно, между ними должно быть более или менее широкое пространство, свободное от лавы, — воскликнул Макшеев, доканчивая мысль.

— Да, и на этом промежутке мы можем выждать, пока поверхность трязи не засохнет настолько, что выдержит нашу тяжесть.

— Ура! — закричали Громеко и Папочкин.

Все встали и с новым подъемом энергии зашагали на юг, вдоль русла, карабкаясь по вчерашнему пути через остатки старых потоков. Слева над ними в сотне-другой шагов тянулся фронт лавы, от которого веяло жаром. Но лава надвигалась медленно, и они постепенно увеличивали расстояние между собой и этим черным валом, несшим с собой смерть. Вскоре можно было заметить, что этот вал загибается вверх, поднимаясь по склону вулкана. Фронт лавы был благополучно обойден.

— Ну, от этого мы ушли! — сказал Макшеев, облегченно вздохнув.

Русло представляло в нескольких местах сужения, где можно было перепрыгнуть через грязь. Но везде на противоположном берегу стояла отвесная стена, преграждавшая путь. Приходилось двигаться дальше. Вскоре путешественники начали подниматься на поверхность самого высокого застывшего потока на западном склоне вулкана, за которым находилась котловина озера. Поднявшись наверх, они увидели, что их шансы на спасение очень увеличились.

Этот старый поток разделил новую лаву на две части и сам поднимался между ними в виде плоского горба. С его гребня, где путники спокойно уселись, можно было видеть впереди под ногами котловину, где вчера лежало, словно зеркало в зеленой раме, мирное озеро, которое привело в такой восторг Папочкина. Теперь на этом месте не было ни озера, ни саговых пальм, ни травы, а расстипалось поле серой грязи с отдельными лужами черной воды. Со стороны вулкана на него надвигался фронт второго потока и, вследствие соприкосновения горячих глыб лавы с мокрой грязью, у подножия вала раздавалась беспрерывная канонада маленьких взрывов, выбрасывающих облачка белых паров.

Хотя от места, где расположились путешественники, было шагов пятьсот-шестьсот до потоков горячей лавы, но соседство раскаленных полей сильно сказывалось. Температура

была адская, тем более, что и Плутон совсем не заслонялся тучами и жег непрерывно.

Сидя бездейственно на месте, люди изнывали от жары и бросили с себя лишнюю одежду. Начали ощущаться голод и усталость. Ночь они не доспали, а потом все время бегали и волновались.

— Эх, — пожаловался Папочкин, — чайку бы напиться! Жара невыносимая!

— Жара ужасная, а дров нет! Разве сбегать и поставить чайник на свежую лаву? — пошутил Макшеев. — Там он живо закипит!

— А вода у нас есть?

— Воды осталось еще изрядне, — объявил Громеко, освидетельствовав жестянку.

— Ну, что же, давайте хоть закусывать, если чая не будет. Есть хочется ужасно!

Все уселись в кружок, достали вяленую рыбу и галеты и с аппетитом пообедали, запивая водой.

— Мы сегодня утром сделали круинную оплошность, за которую теперь и платимся, — заявил Каштанов.

— А именно?

— Убегая от приближающегося грязевого потока, мы бы должны были перебраться сразу через ручей на тот берег, а не лезть вверх. Мы бы теперь были уже на берегу моря и не спасались бы от лавы и грязи.

— Да, с того берега шуть к морю был свободен.

— Ну, не совсем! По долине ведь пронесся двойной грязевой поток и вероятно всю ее затопил.

— И захватил бы и нас в этой долине!

— Но мы могли подняться наверх, на черную пустыню, и ити к морю поверху.

— Да, сплоховали! Впопыхах кто же мог сообразить все последствия. Тогда казалось наиболее правильным — спешно подняться выше, чтобы убежать от потока.

— Нет, если бы на нашем месте были люди, хорошо знакомые с действующими вулканами, они бы лучше рассудили, в какую сторону нужно спасаться!

— А я думаю, — заметил Папочкин, — что мы сделали круинную оплошность уже вчера, когда остались ночевать у подножия вулкана, несмотря на признаки начавшегося извержения.

— Но мы же остались, чтобы увидеть это извержение!

— Вот и увидели! Я по крайней мере удовлетворен на всю жизнь и впредь буду держаться подальше от этих беспокойных гор. Сатане я пожертвовал свое ружье, а Ворчуун...

— Ворчуну мы с Макшеевым пожертвовали свои сапоги, а это гораздо чувствительнее. У вас сапоги на ногах, а вы ворчите! Нам же придется шагать без сапог до моря по раскаленным камням черной пустыни.

— Вы правы, я в лучшем положении и должен умолкнуть.

— Что же нам теперь делать?

— Что делать? Только и остается лечь спать, если можно уснуть на этих жестких, неровных камнях.

— Попробуем. Но по очереди одному из нас придется дежурить, чтобы наблюдать за вулканом. Он может выкинуть еще какую-нибудь штуку.

— Сколько же времени будем спать?

— А сколько позволит Ворчун.

— Это максимум. А минимум — пока не подсохнет грязь в русле настолько, что можно будет перейти через него.

Так и сделали: трое кос-как прикурнули на тлыбах лавы, четвертый бодрствовал, наблюдая за состоянием вулкана и высыханием грязи. Последнее, несмотря на жар, испускаемый потоками лавы и лучами Плутона, подвигалось медленно, и только часом через шесть грязь стала проходимой.

Собрав пожитки, путешественники направились к руслу и один за другим, поочереди, перешли благополучно через грязь. Затем полезли по расселине, карабкаясь с глыбы на глыбу, с уступа на уступ, подсаживая друг друга, и через пол-часа выбрались на поверхность черной пустыни, где были уже в безопасности и могли вздохнуть свободно.

Папочкин повернулся лицом к вулкану, снял шляпу, раскланялся и произнес:

— Прощай навсегда, старый Ворчун! Спасибо за твоё угощение и внимание к нам.

Все улыбнулись. Каштанов вскричал:

— Эх, будь у меня сапоги, не ушел бы я сейчас отсюда!

— А что бы вы делали здесь?

— По черной пустыне можно пройти дальше на юг и посмотреть, что находится за вулканом.

— Та же пустыня! Это видно и отсюда.

— Кроме сапог, у нас нехватает и провизии, — заметил Макшеев.

— И почти нет воды! — добавил Громеко, встяжнув жестянку.

— Вы правы! Нужно спешить к морю. Но эти черные камни пустыни страшно накалены. У меня такое ощущение, словно я стою на горячей плитке. А толстые носки за время беганья по лаве почти изорвались.

— Придется разорвать наши рубашки и обмотать ими ноги, — предложил Макшеев. — Итти босиком совершенно невозможно.

Во время этого разговора и он и Каштанов все время приплясывали, поднимая попеременно то одну ногу, то другую, чтобы дать им остынуть. Теперь они сняли с себя рубашки, обернули ими ноги, обвязали их ремешками от ружей и, бросив последний взгляд на окутанный черными тучами вулкан, бодро зашагали по пустыне на север. Итти было легко: поверхность пустыни была совершенно ровная, представляя местами голую массу зелено-черной древнейшей лавы, выглаженную ветрами, местами же усыпанную мелкими обломками.

Как и в пустыне вокруг вулкана Сатаны, здесь тоже не было признаков какой-нибудь растительности. Черная равнина простиралась до горизонта. Над ней чистое небо и в зените красноватый Плутон, заливавший эту равнину своими лучами, отражавшимися от гладкой поверхности так, что последняя сверкала миллионами зеленоватых огоньков. Путникам приходилось закрывать или щурить глаза, чтобы не утомлять их этой массой света и блеска.

Они пошли на северо-восток, чтобы выйти к низовьям ручья, где только и можно было найти удобное место для спуска с возвышенности. Через три часа приблизились к краю обрыва и начали искать подходящую расселину.

Долина, накануне еще представлявшая зеленый оазис, теперь была совершенно опустошена грязевым потоком; деревья были повалены, кусты вырваны и унесены потоком, лужайки занесены грязью. Только кое-где у подножия обрывов уцелели клочки зелени. При виде этой печальной картины разрушения путники вспомнили, что на обратном пути собирались поохотиться на игуанодонов в низовьях долины.

— Они вероятно убежали к морю!

— Или погибли в грязи.

Последнее предположение оправдалось. Немного дальше путники обратили внимание на то, что над долиной кружились птеродактили, словно воронье над падалью. Подойдя ближе, они увидели, что на дне долины идет кровавый пир. Из грязи большими буграми выдавались трупы нескольких игуанодонов, на которых расселись десятки летучих ящеров. Они рвали своими зубастыми кловами мясо и внутренности, ссорились и дрались, сгоняя друг друга, взлетали вверх и опять садились. Визг и кваканье не прекращались ни на минуту.

— Вот и наша дичь! — сказал Громеко при виде этой отвратительной картины. — Что мы теперь будем делать?

— Мы можем подстрелить птеродактиля, — предложил Малшев.

— После того, как они наелись падали? Благодарю покорно!

— Но мы ведь уже проборали их.

— Не зная, что они пытаются и падалью. Да и ели-то потому, что другого мяса не было, когда нас ограбили муравьи.

— Но теперь у нас тоже нет мяса.

— Есть вяленая рыба в лодках, да и свежей наловим в устье речки.

— Вы забываете, что речки уже нет, — сказал Каштанов. — Да и весь залив моря наверно переполнен грязью, которую принес поток, так что рыба или подохла, или ушла подальше в море.

— Я боюсь, что у нас и пресной воды не будет, — заметил Громеко.

— Верно, ведь речки-то нет.

— А я боюсь, не погибли ли все наши венцы, спрятанные в чащце. Они лежали недалеко от речки и невысоко над ее уровнем. Если грязевый поток был столь же стремителен в устье долины, как и выше, он мог все унести в море или, в лучшем случае, залить грязью.

Это сообщение Малшева сильно обеспокоило всех, и, забыв о птеродактилях, они поспешили дальше. Впрочем, Папочкин все-таки успел сфотографировать это пиршество птеродактилей.

Недалеко от устья долины нашелся крутой и узкий овраг, по которому удалось спуститься вниз. Всем хотелось бежать, чтобы скорее добраться до моря. Но не тут-то было. Грязь, разлитая повсюду, хотя и не толстым слоем, еще недостаточно засохла, и ноги вязли или прилипали на каждом шагу. Уже издали было видно, что грязевой поток и в устье поработал изрядно.

Речка в низовьях протекала по узкому коридору между стенами хвоющей и папоротников. Теперь там была проложена широкая просека, а наваленные деревья были занесены грязью. Но и вне этой полосы, по которой пронеслась главная масса воды, поток поработал: весь лес в устье долины был затоплен грязной водой, оставившей после себя повсюду толстый слой грязи.

Увязая в этой грязи, путники наконец добрались до берега залива и ахнули. Вместо чистой голубой воды перед ними расстилались бурые помои, по поверхности которых плавали

листья, ветви, сучья, кусты и целые стволы, выброшенные потоком в море. Макшеев и Громеко, прятавшие лодки и вещи, побежали к чаще, почти уверенные, что все унесено, потому что признаки опустошения были видны везде, и даже **плот** близ устья речки был покрыт слоем грязи.

— Ура! — раздался их возглас с леса. — Все цело, идите на помощь.

Вещи уцелели благодаря тому, что были сложены в лодки, а последние покрыты палаткой и плотом и кроме того крепко привязаны к деревьям. Все вздохнули свободно и припялились откалывать лодки и перетаскивать их и вещи на берег моря, где, подальше от устья речки, нашлось местечко, не покрытое трястью. Но так как речка иссякла, приходилось убираться из этого уголка, который накануне так очаровал всех. Продолжать плаванье на запад было рискованно, так как в эту сторону южный берег моря представлял голые утесы столовой возвышенности — черной пустыни, и не было надежды найти пресную воду.

— Не имея запаса воды, мы не можем ехать на запад, тогда как на востоке нам известен источник, возле которого мы ночевали, — заключил Громеко обсуждение вопроса, куда плыть.

ОБРАТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Через час путешественники уже плыли по заливу, превратившемуся в грязную лужу. Они обогнули мыс и повернули на восток, вдоль однообразного низкого берега с возвышающейся стеной леса. Все усиленно гребли, чтобы скопее добратся до пресной воды, где можно было бы наконец отдохнуть и выспаться после всех трудов и волнений последних двух дней.

Эта поспешность не помешала однако сделать привал для

охоты за игуанодонами, замеченными в одном месте на пляже.

На следующий день плавание продолжалось столь же энергичным темпом, и к вечеру достигли злополучного места в устье речки Муравьиной. Здесь был песчаный пляж и пресная вода, а дальше уже не было удобных мест для стоянки.

Остановились на ночлег, который не был нарушен никакими приключениями.

Еще один день прошел в плавании на восток через пролив между островами, разделявшими Восточное море от Западного.

В этот раз выбрали путь вблизи северного берега, чтобы определить положение устья реки, которая оказалась значительно больше реки Макшеева, но имела по видимому такой же характер.

Ее низкие берега были покрыты сплошным лесом, доходившим до воды и не оставлявшим ни единой пяди земли для стоянки. Пришлось пообедать всухомятку на лодках.

Во время отдыха после еды Напочкину внезапно пришла мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами.

— Ведь мы сейчас у северного берега моря, не так ли? — вскричал он радостно.

— Ну, конечно! — ответил Каштанов.

— Так будем держаться его и дальше до самого устья реки Макшеева: этим мы избегнем опасного переезда через море.

— Но ведь мы же собирались основательно обследовать южный берег на восток от места первого осмотра? — заявил Громеко.

— Не пора ли нам подумать об обратном пути ко льдам? — продолжал зоолог.

— Почему же так скоро?

— Потому что путь вверх по реке потребует в три или четыре раза больше времени, чем вниз. Придется все время итти на веслах против течения.

— Ну так что же, у нас времени много.

— Не так, чтобы очень! Ведь август уже на исходе. На берегах этого моря вероятно вечное лето, но там на севере, ближе ко льдам, наверно бывает и зима. Если мы поздно двинемся в обратный путь, мы рискуем захватить холода, и вместо того, чтобы плыть по реке, которая покроется льдом, будем тащиться пешком по снегу...

— Без лыж и без теплой одежды! — прибавил Макшеев.

— Это соображение конечно очень важно и его надо при-

нять во внимание, — заметил Каштанов. — Но еще одна неделя, которую мы уделили бы для дальнейшего изучения южного берега моря, не уменьшит заметно время, остающееся для обратного пути.

— Есть еще соображение! — настаивал Папочкин. — Все наши экскурсии по южному берегу моря наталкивались на опасности и препятствия, связанные с муравьями. Едва ли приходится сомневаться в том, что и в других частях южного берега водятся эти зловредные насекомые. Борьба с ними требует большого расхода огнестрельных припасов, а у нас их осталось не так много. Нужно их поберечь на обратный путь для охоты и для защиты от хищников.

— И наконец, — поддержал его Громеко, — мы едва ли найдем что-нибудь новое на южном берегу моря за те три четыре дня, которые можем посвятить дальнейшему плаванию на восток. Мы уже видели, что в эту сторону на большое расстояние тянутся отвесные обрывы столовой возвышенности, а с вершины вулкана Сатаны мы не видели на востоке ничего, кроме черной пустыни.

— В лучшем случае откроем еще одну речку и в ее верховьях еще группу вулканов, которые снова угостят нас каким-нибудь сюрпризом, — прибавил Папочкин, не забывший свои злоключения. — Два раза мы спаслись почти что чудом. Благоразумно ли еще раз испытывать судьбу?

— Итак, я вижу, что осталось в одиночестве, — сказал не без досады Каштанов. — Троє стоят за обратный путь, и доводы их очень основательны. Придется уступить голосу благородства.

— Следовательно мы поплыем теперь вдоль северного берега? — спросил Громеко.

— Ну, конечно, раз мы решили прекратить исследование южного.

— Тогда нужно набрать пресной воды теперь же, потому что сегодня мы едва ли успеем добраться до устья реки Мышеева, а есть ли ближе ее другая речка, нам не известно.

Наголнив обе жестянки водой из устья большой речки, которую окрестили рекой Громеко, путешественники продолжали плыть среди мелей и островов ее дельты, стараясь не уклоняться от северного берега. Последний имел здесь такой же низменный характер, как у устья речки Мышеева, но только был лишен песчаного пляжа, и чаща леса и тростников доходила до самой воды. Постепенно острова начали редеть, потом исчезли, и берег начал отклоняться заметно на север. На южном берегу против этого места началась область песчаных дюн; вдали видна была группа вулкана Сатаны,

который все еще продолжал выбрасывать довольно густой дым, застилавший эту часть горизонта.

Однообразный ландшафт несколько оживлялся насекомыми, реявшими над водой и над зеленою стеной, по временам мелкими летучими ящерами, охотившимися за стрекозами, и головами плезиозавров, появлявшимися над зеркалом моря на порядочном расстоянии от берега. Вблизи последнего вода была очень неглубока, и весла по временам почти касались дна.

Кое-где в зеленой стене тростников, окаймлявших лес, были протоптаны широкие дорожки, настоящие зеленые коридоры, по которым вероятно пробирались к воде различные травоядные и хищные ящеры, населявшие чалцу.

На следующий день путешественники еще до обеда приплыли к устью реки Макшеева, которое легко узнали по сооруженной ими пирамиде.

Здесь провели почти сутки, чтобы сделать последние наблюдения на берегу моря, наловить и навялить рыбы в устье речки, починить лодки и пытот для долгого плавания вверх по реке.

Это плаванье шло довольно медленно. Приходилось работать веслами без перерывов, уделяя на отдых, еду и сон только самое короткое время.

Успевали проплыть в сутки всего только тридцать-сорок километров, в зависимости от быстроты течения.

Задерживали плаванье также и приключения с ящерами, с хищными и травоядными млекопитающими, так как, сберегая заряды, путешественники стреляли только для добычи свежего мяса или в случае нападения.

За время первых недель этого плаванья природа не обнаруживала заметных изменений. Но дальше, когда начались лиственные леса более умеренного климата, оказалось, что листья на деревьях уже пожелтели и опали, и чем дальше к северу, тем больше встречалось обнаженных от листвы растений.

Изменилась и погода: хотя Плутон стоял попрежнему в зените, но густые тучи все чаще и чаще застонали его, дул прохладный северный ветер и часто моросил осенний мелкий дождь. В промежутках, когда небо прояснялось, становилось опять жарко, но средняя температура все больше и больше понижалась.

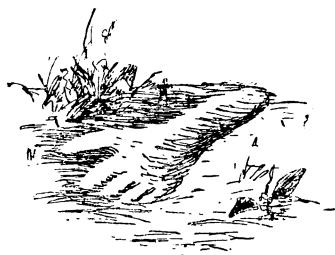
Ненастье в виде сильных дождей с холодным встречным ветром все чаще тормозило или даже прерывало плаванье: приходилось укрываться в палатке и соревноваться у костра. Путешественники, пробывшие несколько месяцев в очень теп-

лом и сухом климате, стали более чувствительными к холоду и сырости.

В поясе, где жили мамонты, длинношерстые носороги, исполинские олени и первобытные быки, путешественники застали уже начало зимы. Температура держалась около нуля и поднималась выше только изредка, при ясном небе. Но небо большую частью было скрыто сплошной пеленой густых туч, сыпавших по временам снегом; дул холодный северный ветер. Вместе с тем вода в речке начала заметно убывать, а ее узкое русло было уже стеснено ледяными краями. Только середина ее, вследствие более быстрого течения, оставалась свободной от ледяного покрова; можно было думать, что через день-другой придется прекратить плаванье. Плот же, соединявший и облегчавший лодки, был уже раньше брошен из-за узости фарватера. Сильно нагруженные лодки медленно пробирались одна за другой по быстрой речке, и скорость движения уменьшилась до пятнадцати-двадцати километров в день.

Между тем до холма с юртой оставалось еще более ста километров.

По берегам в лесах и на полянах лежал тонкий слой снега.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

Однажды после ужина Громеко и Мажшеев отправились ловить рыбу на мягкий песчаный откос, желтевший на берегу среди увядшей и побитой морозами травы. Мажшеев уже забросил удочку и следил за поплавком, как вдруг заметил на песке рядом с отпечатком своего сапога ясный след босой ноги человека.

Странно, — подумал он, — я как будто еще не снимал сапог, да и доктору едва ли понадобилось это в такую прохладную погоду.

Он наклонился и начал рассматривать след; след был оставлен левой ступней крупного размера и превышал даже след сапога инженера, нога которого была не из маленьких. Ступня был ~~плоская~~. Человек, оставивший след, очевидно всегда ходил босиком. Но всего замечательнее было то, что все пять пальцев, отчетливо отпечатавшиеся на песке, были очень длинны, а большой палец далеко отстоял от остальных. Казалось, что это был след не ноги, а громадной руки с очень длинной ладонью.

Немного дальше Макшеев увидел след и правой ноги, но большая часть ее была уже под водой и слажена ею. Очевидно субъект пошел в брод через речку, так как обратных следов ~~вверх~~ по откосу не было видно.

— Михаил Игнатьевич, подите-ка сюда на минуту! — воскликнул Макшеев.

— В чем дело? Подождите немного, у меня клюет! — ответил ботаник.

— Бросьте вашу рыбку, пойдите, посмотрите, я нашел что-то любопытное.

— Ну, что такое? Рака, что ли, или черепаху?

— Нет, след босой ноги человека на песке.

— Не может быть!

Громеко оставил свою удочку и побежал. Рассмотрев с удивлением след, он согласился, что форма ноги, оставившей след, очень странная.

— Не обезьяна ли прошла здесь? — предположил он.

— Здесь в субполярной местности, среди лиственниц и берез?

— Кто знает! Если мамонты и носороги, близкие родичи которых теперь живут там, на поверхности земли, только в теплом климате, могут жить здесь в северных лесах и тундрах, то почему не может быть и обезьяны, приспособившейся к этому климату?

— Пожалуй вы правы. Нужно позвать сюда зоолога и геолога, они лучше рассудят.

— Ловите свою рыбку, а я съезжу за ними.

Громеко поплыл к месту стоянки и привез товарищей.

— Это огромная обезьяна! — предположил геолог.

— А я думаю, что это скорее обезьяноподобный человек, — заявил зоолог. — Смотрите, он шел только на ногах, не опираясь на руки. Обезьяна, спускаясь довольно круто к воде, наверно стала бы и на руки, но следов рук не видно.

Тщательный осмотр местности обнаружил на обоих берегах тропинку, а в речке неглубокий брод. На тропинке следы видны были менее ясно, но по расстоянию между ними

можно было судить, что субъект был ростом не менее ста восьмидесяти сантиметров.

— Что же вы обнаружили? — спросил Макшеев, когда они подошли к нему. Пока товарищи изучали следы, он и Громеко возобновили рыбную ловлю.

— Вероятнее всего, что следы оставил обезьяноподобный человек, шедший по хорошо пробитой тропе к известному ему неглубокому броду через речку, — заявил Каштанов.

— Следовательно, сюда в Плутонию раньше нас забралась какие-то люди?

— И вдобавок ходят босиком, хотя уже падает снег! Переходят преслойконо в брод через ледяную воду! — воскликнул ботаник.

— Вероятно какие-нибудь дикари?

— Недаром у них форма ноги почти не отличается от обезьяньей.

— Нежелательно было бы встретиться с ними. Они по-жалуй лдоеды.

Теперь приходилось быть особенно настороже, чтобы не подвергнуться нападению врасплох. Во время отдыха поочередно дежурили, и весь следующий день зорко смотрели по сторонам.

Но еще через день плавание прекратилось. С севера налетел продолжительный буран, речка замерзла и даже покрылась слоем снега сантиметров в пятнадцать.

Чтобы не бросать лодок и не тащить имущество на себе, решили сделать полозья, поставить на них лодки с вещами и, придерживаясь русла речки, где не мешали ни кусты, ни деревья, тащить их за собой по снегу. Но итти без лыж по свежему рыхлому снегу и тащить за собой тяжелые сани было не легко, так что за день проходили только километров двенадцать-пятнадцать. Плутон больше не показывался из-за густой пелены туч, и температура опускалась до 5° и даже до 10° ниже нуля. В тонкой палатке и одежде, не приспособленной для этой температуры, было очень холодно, и во время отдыха поочередно дежурили, чтобы поддерживать огонь у входа в палатку. В борьбе со стужей и снегом совсем забыли о дикарях. Впрочем больше не встречали и следов. Все живое повидимому откочевало на юг, и редкие леса под белым саваном погрузились в зимнее безмолвие.

Только на восьмой день после начала санного путешествия передвигий лес кончился, и на северном горизонте показались белые увалы — копец льдов, а на фоне их с трудом можно было различить темную точку — юрту на холме, который почти сливался с равниной тундры.

Оставался еще десяток километров тяжелого пути, и затем предстояло свидание с товарищами и отдых в теплой юрте после многонедельного странствования. Через три часа они были только в километре от нее и с минуты на минуту ждали, что услышат лай собак, что из юрты выбегут люди и спешат к ним навстречу с нартами и лыжами.

Тащить за собой тяжелые сани с лодкой было не легко

Но никого не было видно, никто не лаял, и юрта, полузанесенная снегом, одиноко чернела на вершине холма, словно покинутая обитателями. У путешественников вставали тревожные вопросы, которыми они перебрасывались.

— Неужели они спят по целым дням?

— Почему же не видно и не слышно собак?

— Не случилось ли что-нибудь скверное?

Напрягая все силы, путники ускорили свое движение по глубокому и рыхлому снегу равнины, в котором нога погружалась почти до колена.

Бот холм уже совсем близко, но на нем попрежнему все было безмолвно и пусто. У его подножия путники остановились и хором закричали:

— Эй-эй, Боровой, Иголкин! Вставайте, встречайте!

Повторили призыв еще и еще раз, но ответом была та же могильная тишина. Кричавшие не на шутку встревожились.

— Если только наши товарищи не умерли, то можно объяснить их молчание только тем, что они отправились

куда-нибудь на нартах на охоту за крупным зверем, — сказал Макшеев. — Тем более, что нет и собак.

— Но мы уже целую неделю не видели никакой дичи, — возразил Палочкин.

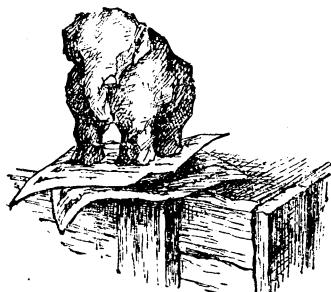
— Потому-то они и ушли куда-нибудь подальше на юг.

— Не пошли ли они нам навстречу ввиду нашего долгого отсутствия? — предположил Громеко. — После того как начались холода и пошел снег, они должны были вспомнить, что мы ушли в летней одежде и без лыж.

— Это мало правдоподобно, потому что они знали, по какой речке мы поплыли, а разойтись по ней с нами они не могли, — заметил Каштанов.

— Я думаю, что в юрте мы найдем разрешение загадки, — сказал Макшеев. — Но раньше обогнем весь холм, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь следов, которые мы можем печально затоптать.

Оставив сани у подножья, все четверо пошли вокруг холма, тщательно рассматривая поверхность снега. Но никаких следов, ни свежих, ни старых, на этой поверхности не оказалось, и можно было утверждать, что с тех пор, как снег покрыл землю, никто не поднимался на холм и не спускался с него.

В ПОКИНУТОЙ ЮРТЕ

Войлочная дверь юрты, обращенная на юг, была закрыта и снаружи завязана: следовательно, юрта была пуста. Приподняв войлок, путешественники вошли. Юрта имела жилой вид. У задней стенки были сложены экспедиционные ящики с инструментами, коллекциями и более ценным имуществом. Висели ружья, патронташи, платье товарищей, а у боковых стенок были свернуты их спальные мешки. В центре юрты чернело огнище и на треноге висел даже чай-

ник; рядом лежала кучка дров и хвороста. Все имело такой вид, словно товарищи отлучились не надолго.

При виде всех этих признаков, тревога вошедших усилилась. Их товарищи не ушли ни на охоту, ни на экскурсию, потому что и ружья и спальные мешки остались в юрте. Приходилось думать, что какие-то враги — хищники или дикари — напали на них врасплох где-нибудь поблизости юрты, например возле ледника или на тундре у ее подножия. А собаки, лишившись хозяев и мучимые голодом, погибли или разбежались. Но если напали дикари, то почему они не разграбили юрту?

Более внимательный осмотр вещей обнаружил, что чайник, ружья, вообще все вещи покрылись слоем пыли. Макшеев поднял крышку чайника: остатки чая на его дне оказались покрытыми густой плесенью. Стало совершенно ясно, что люди покинули юрту уже давно.

— А это что такое? — спросил Каштанов, указывая на странный деревянный предмет, стоявший на одном из ящиков и незамеченный раньше.

Все обступили ящик. На нем оказалась фигурка мамонта, очень грубо вырезанная из дерева. Она была покрыта бурьими мазками и слоем сала.

— Не занятся ли Иголкин со скуки скульптурой? — предположил Папочкин.

— Нет! — сказал Макшеев. — Это несомненно идол каких-то дикарей. Его мазали кровью и салом убитых животных в виде жертвоприношения. Наши товарищи нашли его где-нибудь.

— Да, сопоставляя эту находку со следами на песке, нельзя сомневаться, что здесь живут какие-то первобытные люди, — заметил Каштанов.

— Они убили или увезли с собой наших товарищей! — вскричал Громеко.

— Почему же они не разграбили вещи?

Макшеев взял фигуру, чтобы лучше рассмотреть ее. К общему удивлению под ней оказались две бумажки. Каштанов поспешно развернул их и стал читать вслух.

Первая бумажка от 25 сентября гласила:

Извещаю, что мы в плену у диких людей, неожиданно появившихся в тундре. Они захватили нас две недели тому назад врасплох безоружными в леднике, где мы проверяли склад, и увезли с собой в леса. Юрту и склад не тронули, но не дали нам ничего взять с собой; собаки побежали за нами. Нас не обижают, кормят и даже окруждают почестями, вероятно считая колдунами или богами,

но не пускают, строго караулят и отняли у нас сапоги и почти всю одежду. Самы ходят совершенно голые, живут в шалаших из жердей и шкур.

Оружие у них очень грубое — дубинки, бротики с кремневыми остриями, кремневые ножи, какие-то скребки. В орде больше ста человек мужчин и женщин, не считая детей. Их тело покрыто довольно густыми волосами и они вообще похожи на больших обезьян, но обладают речью, которую мы уже научились понимать. Поэтому мы узнали, что нашу юрту они считают чем-то вроде эсилла богов и носят туда какие-то жертвоприношения. Мы воспользовались этим, чтобы послать эту записку, которую они положат в юрте.

Нас увезли на юго-восток, вниз по речке, через которую мы с вами ходили за убитым мамонтом. Шли два дня, и расстояние можно оценить в 50—60 километров. Мы думаем, что вам удастся освободить нас без кровопролития. Привезите нам теплую одежду, табак и спички. Лето провели хорошо, в складе большой запас пропанта.

БОРОВОЙ.
ИГОЛКИН

Второй листок был от 2 ноября.

Стало холодно и часто перепадает снег. Дикари собираются откочевывать дальше на юг, где теплее. Мы научили их быстро разводить огонь, и они окружили нас еще большим поклонением. В плену нас держат главным образом женщины, которым мы нравимся, потому что мы красивее мужчин их племени и имеем такие диковинки, как блестящие ножи, спички, иголки, карманные часы, карандаши, бумага. Псылаем последнюю записку, потому что дикари большеходить к юрте не будут. Но по пути на юг мы будем оставлять записки на каждом ночлеге и по дороге, накалывая их на кусты, чтобы вы могли выследить нас. Известите нас выстрелами со своим приближением и наступайте открыто, стреляя залпами в воздух, чтобы поразить дикарей и заставить их покориться вам и отпустить нас. Мы не унываем и не боимся, только страдаем от безделья и однообразной мясной пищи. Тревожимся за вас, почему вас долго нет, благополучно ли путешествие в глубь Памяти.

БОРОВОЙ
ИГОЛКИН

P. S. Женщинам особенно нравится моя длинная борода.

БОРОВОЙ

— Они живы! — воскликнул Громеко.

— Нам нужно спешить на выручку товарищей, ведь уже почти три месяца, как они в плену: сегодня 5 декабря, — заявил Громеко, заглянув в свой дневник.

— Они пишут, что дикари здесь ничего не тронули, — сказал Макшеев. — Следовательно нарты и лыжи должны быть в леднике вместе с запасами провизии; нужно сейчас раскопать вход в склад и начать приготовления к отъезду.

— Да, в юрте все как будто на месте; должно быть и склад цел, если только дверь в него не осталась открытой и собаки не растащили провизию, — заметил Папочкин.

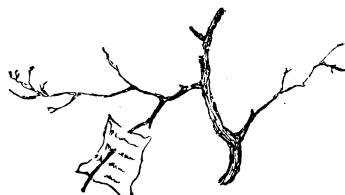
После тяжелого пути по снегу, ночлега в тонкой палатке и питания одним мясом и сухарями, — теплая юрта и запасы разных консервов сделали жизнь путешественников гораздо приятней. Они решили отдохнуть несколько дней, снаряжаясь в то же время в новое путешествие, которое могло затянуться на несколько недель в зависимости от того, как далеко откочевали дикари.

Весь холм вокруг юрты был покрыт довольно глубоким снегом. В складах все было в целости, и нарты с лыжами были сейчас же извлечены для осмотра и починки. Большой склад был заперт настоящей прочной дверью: благодаря этому хищники ничего не утащили, несмотря на отсутствие людей и собак.

Несколько поодаль на холме стояла небольшая метеорологическая будка, сооруженная Бэровым. Инструменты были в исправности. В юрте нашелся метеорологический журнал, по которому можно было судить о климате второй половины лета и начала осени на тундре.

Решили взять юрту с собою, а все лишние вещи сложить в склад, запереть его на замок и вход завалить снегом, чтобы совершенно скрыть его от незванных гостей.

Сообразно с этим решением приготовили для путешествия две нарты, шесть пар лыж, провизию на месяц, теплую одежду, спальные мешки. Отобрали также некоторое количество сахара, конфет, ножей, иголок, ниток, бус и кольцо для подарков дикарям в случае добровольной выдачи пленных. Захватили также спирт и коньяк, чтобы в случае надобности подпоить стражу.

ПО СЛЕДАМ ТОВАРИЩЕЙ

После трехдневного отдыха на холме двинулись в путь, сначала на юго-восток к речке, за которой Калтанов и Папочкин впервые охотились на мамонтов, а затем вниз по течению последней.

На второй день нашли поляну на левом берегу речки, где находилось прежде стойбище дикарей; от него остались десятка два оставших шалашей, представлявших жерди, составленные конусом, как в чумах остыков и тунгусов Азии.

На одной из жердей была приколота бумажка с следующим текстом:

Здесь мы жили в плена у дикарей все время до откочевки на юг. Сегодня орда уходит. С дороги может быть удастся бе...

Конец записки очевидно был оторван.

Решили продолжать путь по речке, тщательно высматривая поляны на расстоянии каждого пятнадцати-двадцати километров, вероятно составлявших дневной переход орды, двигавшейся медленно. На опушках этих полян могла уцелеть записка пленных товарищей.

К вечеру того же дня действительно встретили большую поляну и на одном из кустов записку, привязанную ниточкой к ветке. Она гласила:

Передвигаемся километров двадцать в день, то по тропам в лесу близ речки, то прямо по воде, которая уже очень холодна и местами глубиной выше колена. Но дикарям это нипочем. Нам отдали часть одеял, но на ночлеге снова отбирают ее и дают звериные шкуры, чтобы защититься от холода. На перекочевке они шалашей не ставят, а спят под кустами. Мы спасаемся только благодаря костру, который поддерживаем поочередно все время, пока стоим на месте.

БОРОВОЙ

На следующий день пропали километров сорок, но не нашли ни одной записи; может быть ее сорвал ветер.

Шли еще день, и после обеденного привала опять нашли записку такого содержания:

Дикари снимают наши бумажки с кустов, если заметят, и хранят, как трофеи. Они думают, что мы оставляем их в лесу злому духу, приносящему зимний холода и снег. Поэтому нам удается оставлять записки в исключительных случаях, но по пути у самой речки мы будем накалывать пустые бумажки на ветки, чтобы вы знали, что мы прошли. Когда достигнете местности, где снега не будет и где речка не замерзла, будьте особенно внимательны. Мы думаем, что дикари остановятся там надолго.

БОРОВОЙ

Так шли еще шесть дней, изредка находя записку в несколько слов, чаще же пустые бумажки, наколотые на кустах возле речки; на десятый день пути слой снега стал очень тонким, а лед на речке под ногами иногда потрескивал. Температура держалась только на один-два градуса ниже нуля. На следующий день пришлось сойти с речки, так как лед сделался слишком тонким и местами открылись большие полыни. Путешественники отыскали тропу, извивающуюся то по лесу, то вдоль берега речки, и пошли по ней. К концу перехода слой снега был не толще четырех сантиметров, а по речке лед держался только у берега.

Наконец на двенадцатый день пути остались только небольшие сугробы снега под защитой кустов и в лесу, так что нарты приходилось тащить по слою опавших листвьев, покрывавших тропу. Перед обедом опять нашли записку, в которой сообщалось, что на расстоянии одного перехода должна быть большая поляна, где дикари собираются остьаться на зимовку, если снег не прогонит их дальше.

Теперь пришлось удвоить внимание, чтобы не наткнуться случайно на дикарей, рыскающих в окрестностях своего стойбища; один из путешественников шел вместе с Генералом впереди нарт, в качестве разведчика.

На ночлег остановились на небольшой поляне вблизи речки. После ужина Махшев и Каштанов отправились вперед на разведку. Пройдя километра три, они услышали впереди какой-то шум, отдельные крики и осторожно подкрались к опушке большой поляны. На противоположной стороне они увидели стойбище дикарей.

Оно представляло двенадцать конических шалашей из жердей, покрытых звериными шкурами и расположенных по кругу на небольших промежутках друг от друга, отверстиями внутрь круга; в центре последнего находился тридцатый шалаш меньших размеров, возле которого пыпал костер. Нельзя было сомневаться, что в этом шалаше живут пленные товарищи. По размерам остальных шалашей Макшеев определил, что орда состоит приблизительно из сотни взрослых.

В круге среди шалашей видны были только дети. Они играли, прыгали, дрались и ссорились, испуская резкий визг. У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый человек. В бинокль можно было рассмотреть, что тело его покрыто темными волосами. Лицом он походил на австралийца, но имел еще более выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. Цвет лица был землисто-бурый; под подбородком чернела небольшая борода, показывавшая, что это мужчина.

Вскоре из того же шалаша высунулся второй дикарь; чтобы выйти, он толкнул первого коленом в спину. Сидевший качнулся вперед и вскочил на ноги, так что оба очутились рядом и их можно было сравнить друг с другом. Лицо у этого второго было менее безобразное, а волосы на голове длиннее и свешивались космами на плечи. Тело было покрыто менее густыми волосами, особенно на груди, форма которой обнаруживала, что это женщина.

Женщина направилась через круг к центральному шалашу. Она шла, немного наклонившись вперед и переваливаясь. Приблизившись к шалашу пленников, она подняла обе руки вверх, постояла так некоторое время, а затем, согнувшись, полезла в шалаш.

— Пришла в гости к нашим товарищам! — сказал Каштанов.

— Не воспользуемся ли мы моментом, чтобы дать им знать о нашей близости? — предложил Макшеев.

— Каким образом? К ним нельзя подойти незаметно.

— Да дадим выстрел-другой из леса; они догадаются, потому что сами предложили этот способ извещения.

— А дикарей это не встрерожит?

— Они ведь не знают огнестрельного оружия и не поймут в чем дело.

— Не бросятся ли они искать нас?

— Думаю, что нет. Они будут испуганы и не посмеют тронуться с места.

— Ну, что же, попробуем!

Они отошли немного назад в лес и дали один выстрел, потом через несколько минут другой и вернулись опять к своему наблюдательному посту на опушке.

Стойбище было встревожено. Возле каждого шалаша теперь стояло несколько взрослых, преимущественно женщин и детей разного возраста. Все смотрели в сторону, откуда раздались непонятные звуки, что-то говорили. Возле центрального шалаша у костра стояли пленники. Они были обнажены до пояса, а ниже пояса одеты в оборванные остатки брюк; их кожа была темнебронзового цвета, волосы нечесаны, лица обросли длинными бородами.

И вдруг оба, очевидно сговорившись, повернулись в ту сторону, откуда раздались выстрелы, и подняли руки вверх. Немедленно и все дикари повторили тот же жест и замолкли. Иголкин, пользуясь воцарившейся тишиной, сложил руки рупором и начал кричать:

— Товарищи! Почти все мужчины орды ушли утром далеко на большую охоту, а завтра утром туда же пойдут и женщины, чтобы делить и унести добычу. Останутся только старухи и караульные. Тогда приходите освободить нас. Все ли у вас благополучно, все ли вернулись? Покажите, что вы поняли меня, сделав еще выстрел, если все хорошо, и два, если не совсем ладно.

Макшеев немедленно отошел немного назад и выстрелил. При звуке выстрела Иголкин и Боровой опять подняли руки вверх и дикари, смотревшие с недоумением на Иголкина, пока он кричал, также подняли руки. Немного погодя Иголкин повернулся к огню и запел веселую матросскую песню. Дикари один за другим подошли ближе, уселись на корточках большим полукругом по другую сторону костра, перебрасываясь взорами удивления. Очевидно их пленники до сих пор не делали ничего подобного.

Макшеев насчитал около пятидесяти взрослых, большинство которых были женщины. Подростков и детей разного возраста было гораздо больше. Они стояли и сидели вне круга взрослых, и по их лицам было видно, что песня Иголкина доставляет им большое удовольствие, тогда как взрослые были поражены и отчасти даже испуганы ею.

Попев минут десять, Иголкин опять поднял руки вверх, а затем он и Боровой, сидевший во время пения неподвижно у костра, направились в свой шалаш. Дикари встали и стали расходиться по своим шалашам. Но две женщины подошли к шалашу пленников и сели у его входа, очевидно намериваясь охранять их сон.

Стойбище скоро затихло, и только догоравший костер потрескивал среди опустевшего круга.

Каштанов и Макшеев вернулись к своим спутникам, передали им все, что видели и слышали, и сообща обсудили план освобождения товарищей.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕНИКОВ

Выспавшись основательно, путешественники сложили все веци на нарты и подготовили все к немедленному отъезду. Затем отправились к стану дикарей, захватив с собой одежду и обувь для пленников, ружья для них и пакеты с подарками для дикарей. Приблизившись к поляне, они услышали доносившиеся оттуда крики и лай собак. Очевидно дикиари еще не ушли. Поэтому путешественники, краудучись, подошли к опушке и стали наблюдать из-за кустов.

Они увидели, что все стойбище пришло в движение. Круг между шалашами был заполнен дикарями, собиравшимися на охоту. Женщины выносили из жилищ копья, дубинки, дротики, скребки, связки ремней. Дети сновали повсюду между ними, трогали оружие, получали пинки и визжали. Подростки осматривали дротики и, испытывая их острие, покалывали в щутку друг друга. Десятка полтора собак, в которых не трудно было узнать принадлежавших экспедиции, но полуодичавших, держались вне круга, в стороне от шалашей, очевидно собираясь сопровождать охотников, а в ожидании соорудились и грызлись друг с другом.

Наконец все оружие было вынесено, и женщины, вооружившись дротиками и дубинками, двинулись толпой на восток. За ними шли подростки, несшие дротики, ножи и ремни; они очевидно играли роль оруженосцев и носильщиков добычи. Дети бежали сзади и по сторонам с визгом и криками. Собаки следовали поодаль. В конце поляны дети отстали и повернули назад, а толпа охотников, насчитывающая до полусятни человек, исключительно женщин и подростков, вытянулась гуськом по тропе, постепенно скрываясь в лесу.

На стойбище теперь видны были только старики и старухи, занявшись уборкой шалашей и вытряхиванием шкур, служивших подстилкой и покровом для спящих. Из некоторых шалашей вылезали сгорбленные старухи и уселись у входа; выползли самые маленькие дети, а грудных младенцев выносили на руках и клади на шкуры возле шалашей на время их уборки.

Только возле шалаша пленников остались три взрослые женщины, очевидно исполнявшие обязанности караульных. Одна из них занялась разрезкой шкур каменным ножом на ремни; другая строгала таким же ножом палочки для дротиков.

Вскоре из шалаша вышел Иголкин, полуобнаженный, как и накануне, подбросил дров в костер и сел возле женщин. Поговорив с ними о чем-то, он достал свой большой матросский нож и начал помогать нарезать ремни; при его помощи дело шло заметно быстрее. Затем показался и Боровой, но он не принял за работу, а стал смотреть в сторону, где накануне раздались выстрелы товарищей.

При виде этой сцены мирного сотрудничества матроса XX века и дикарок каменного периода наблюдатели в кустах не могли удержаться от улыбки. Малочисленность оставшихся дикарей и примитивность их вооружения внушали им уверенность в успешном освобождении товарищей добром или силой. Но нужно было выждать еще часа полтора или два, чтобы охотники отошли достаточно далеко, и не могли услышать ни призывов, ни выстрелов, и чтобы даже караульные женщины не могли догнать их и вернуть в короткое время.

Дети, провожавшие охотников, постепенно возвращались назад и начали разные игры в круге и вне его. Они боролись, кувыркались, дрались, а некоторые, постарше, метали дротики в воздух или в покрышки шалашей.

Разрезав шкуру, Иголкин пошел в свой шалаш и вынес оттуда кусок мяса, разрезал его на кусочки, нанизал на палочки, приготовленные для дротиков, и воткнул последнее в землю возле костра, чтобы изжарить этот шашлык.

Очевидно пленники еще не завтракали и собирались поплотнее закусить перед бегством. Когда мясо поджарилось, оба уселись недалеко от костра и принялись уплетать шашлык. Иголкин время от времени подносил кусочек мяса то одной, то другой из работавших возле огня женщин, но те смеялись и отворачивались. Потом одна из них принесла из своего шалаша большой кусок сырого мяса, и они стали есть его в таком виде, отрезая каменными ножами длинные и тонкие полоски, которые давали также подбегавшим к ним детям.

Когда завтрак кончился, сидевшие в засаде, взглянув на часы, убедились, что прошло уже достаточно времени.

Они вышли из леса, выстроились в ряд и, подняв ружья и стреляя поочередно холостыми зарядами в воздух, быстро направились к шалашам.

При первых же выстрелах в стойбище все затихло. Сидевшие дикии вскочили, стоявшие застыли на месте, повернувшись лицом к подходившим, которые издавали такие страшные звуки, подобные грому. Когда путешественники вступили в круг шалашей, дикии распростерлись на землю перед ними в безмолвии, и только самые маленькие дети заревели от страха.

Подойдя к шалашу пленников и передав им одежду и ружья, путешественники продолжали поочередно стрелять, пока Иголкин и Боровой одевались. Макшеев сказал матросу:

— Растолкуй дикарям, что вы достаточно погостили у них и что за вами пришли теперь еще более могущественные волшебники. За гостеприимство, оказанное вам, им принесли дары, чтобы дикии помнили о необыкновенных пришельцах, спустившихся из страны вечных льдов. Скажите дикарям, чтобы они не смели преследовать нас, в противном случае они будут жестоко наказаны. Скажите, что волшебники льдов умеют делать не только гром, но и молнии, поражающие непослушных.

Когда Иголкин и Боровой вышли из шалаша переодетые, их товарищи прекратили стрельбу, и матрос, лучше овладевший языком дикарей, благодаря своей общительности, обратился к распространенным на земле с речью, в которой в общем повторил сказанное ему Макшеевым. Но в конце он прибавил, обращаясь к трем женщинам, караулившим их:

— Эти дары отдайте старшим воинам, когда они вернутся с охоты, пусть они разделят их. И еще повторяю приказ — не гонитесь за нами. Мы уходим туда, в страну вечных льдов, а когда станет опять тепло, вернемся к вам.

Когда он кончил и положил пакеты с подарками у входа в свой шалаш, все шестеро, сняв стрелки поочередно в воз-

дух, прошли через круг между распластанными дикарями, не смевшими попасть в лесу.

На опушке они остановились на минуту, чтобы посмотреть, что станут делать дикари. Последние, когда выстрелы прекратились, начали подниматься с земли и негромко переговариваться, очевидно обсуждая необычайное происшествие. Часть столпилась вокруг костра и смотрела в огонь, лишившись своих хозяев, словно он мог объяснить им что-нибудь. Вскоре две из караульных женщин, вооружившись копьями, побежали в ту сторону, куда ушла орда, очевидно чтобы сообщить ей о произошедшем. Третья женщина осталась у шалаша пленников, вероятно для того, чтобы дети и старики не растаскали подарки, к которым она сама не смела притронуться.

Пройдя к нартам, оставленным в лесу, путешественники направились на север в обратный путь. Нарты приходилось тащить по узкой тропинке, покрытой опавшими листьями.

Отдалаясь от стойбища, Иголкин по временам издавал резкий свист, к которому приучил собак. Последние все время держались вокруг стойбища, повинуясь этому свисту. Иголкин кормил их отбросами, но собаки сильно одичали, так как дикари боялись их и не допускали к шалашам. Часть собак погибла в борьбе с разными хищными зверями, остальные ушли теперь с ордой на охоту, и на свист матроса прибежало только пять собак, оставшихся в окрестностях стойбища. Они следовали в некотором отдалении за нартами, но в руки не давались и огрывались на подбежавшего к ним Генерала. Их нужно было в течение нескольких дней приручать кормлением, чтобы получить упряженку, хотя бы для одной нарты.

Пропагав двенадцать часов и сделав около пятидесяти километров, расположились наконец на ночлег, уверенные, что дикари их уже не догонят.

НАПАДЕНИЕ ДИКАРЕЙ

На ночлег остановились на большой поляне. Юрту поставили на всякий случай среди поляны, чтобы дикии не могли напасть неожиданно из-за кустов. Каравулили поочередно. Кроме того собаки повидимому узнали юрту и расположились на снегу по соседству; к самой юрте Генерал их еще не допускал.

Во время дежурства Каштанова Генерал встревожился, заворчал, потом начал лаять, не переставая. Каштанов заметил, что вокруг всей поляны кусты слегка шевелятся и потрескивают. Он немедленно разбудил товарищай, которые выскошили с ружьями.

Убедившись, что неожиданное нападение не удалось, дикии вышли из леса. Окружили всю поляну и стали теперь медленно и нерешительно сходиться к юрте. Это были исключительно женщины, вооруженные копьями и державшие в зубах ножи. За ними видны были девочки с дротиками.

Пустить оружие в дело дикии не решались; они, видимо, надеялись взять колдунов голыми руками, как в первый раз, чтобы заставить их вернуться в стойбище. Поэтому Иголкин удержал товарищай от немедленной стрельбы, собираясь поговорить с ордой, но на всякий случай предложил заменить пулю в одном стволе каждого ружья патроном с мелкой дробью.

— Дробью по ногам с них будет достаточно, — сказал он. — А если, паче чаяния, это не действует, тогда уж угостим их пульями.

Когда дикии приблизились шагов на шестьдесят, Иголкин замахал руками и закричал:

— Стойте, слушайте! Я запретил вам преследовать нас. Вы не послушались. Наши молнии готовы, и кто посмеет подойти ближе, будет поражен ими! Уходите назад!

Остановившись дикии выслушали слова матроса и стали переговариваться. Потом одна из женщин крикнула что-то, а остальные в знак согласия с ней замахали руками.

— Они приглашают нас двоих вернуться к ним, орда не может без нас жить. А остальные пусть уходят, — перевел Иголкин, а потом закричал:

— Могущественные волшебники не могут жить долго с людьми. Мы уходим на зиму в свои шалаши на больших льдах, а весной вернемся. Уходите скорее!

Но часть дикарей подвинулась на несколько шагов вперед, а одна из сруженоносц с юношеской дерзостью бросила дротик, который прошел мимо правого уха Каштanova и вонзился в юрту.

— Ну, делать нечего, надо стрелять, пока они не осмелились! — вскричал Боровой, вскидывая ружье. — Дробью по ногам в разные места круга, там, где они стоят кучкой. Раз, два, три!

Это были исключительно женщины, вооруженные копьями

Грянуло шесть выстрелов, и в ответ на них из разных частей кольца дикарей раздались крики и вопли раненых. Повернувшись кругом, все бросились бежать к лесу; многие хромали, оставляя на снегу капли крови. Девушка же, нутившая дротик в Каштanova, после нескольких шагов упала и осталась лежать неподвижно.

— Ну, что же дальше? — спросил Громеко, когда последние беглецы скрылись в кустах. — Ждать еще нападения или они больше не посмеют?

— Я думаю, с них достаточно, — заметил Иголкин. — На всякий случай зайдем в юрту, чтобы дротик какой-нибудь шальной девчонки не попал в нас.

Предосторожность эта оказалась излишней. Дикари со всем отходили все дальше, и скоро все затихло. Собаки перестали лаять, устремились к упавшей дикарке и жадно лизали теплую кровь, лившуюся из раны. Иголкин, а вслед за ним и другие побежали туда же, чтобы отогнать одичавших собак.

Осмотрев упавшую, путешественники увидели, что рана только одна на правой ляшке, но кровь льется сильно.

— Странно, мелкая дробь не могла сделать такую рану, — заметил Папочкин.

— Кто-нибудь из нас выстрелил из ствола, заряженного пулей.

— Это я целился в нее! — заявил Каштанов.

— Бедняжка жива, — сказал Громеко, исследовав лежавшую, — она только лишилась сознания от испуга и боли. Пуля прошла через мягкую часть ноги, не задев кость, но сильно разорвала ей мускулы.

— Что же мы будем делать с ней? Остальные ведь убежали.

— Придется взять ее с собой как пленницу. А когда поправится, отпустим на волю.

— Отпускать! — возмутился Папочкин, — ни в коем случае! Мы ее доставим на «Полярную Звезду» как доказательство существования в Плутонии первобытного человека. К какой это будет клад для антропологов!

Громеко сходил в юрту за перевязочными материалами, остановил кровь, забинтовал рану. Во время этой операции девушка открыла глаза и, увидя себя окруженной колдунами, вся затряслась от страха.

Она была невысокого роста, но стройная, еще не обладавшая ни массивными формами, ни крепкой мускулатурой, как взрослые женщины.

Тело ее сзади было покрыто короткими, но довольно густыми черными волосами. На лице, ладонях и подошвах волос не было. Голова была покрыта недлинными, слегка волнистыми волосами. Форма ступни являлась как бы промежуточной между человеческой и обезьяньей, с сильно разеянными пальцами и далеко отстоявшим от остальных большим пальцем.

Рассмотрев лицо девушки, Боровой воскликнул:

— Да ведь это Капу, моя приятельница!

— Вы разве различали их друг от друга? — спросил

Каштанов. — Насколько я мог заметить, они все похожи одна на другую.

— Это только на первый взгляд, а если присмотреться, то разница есть, и мы многих знали по именам, особенно подростков и детей. Капу мне часто приносила мясо, корешки и вообще лакомые, по ее мнению, кусочки, выказывая этим свое расположение.

— Поэтому-то она и осмелилась пустить дротик в одного из похитителей ее милого! — засмеялся Макшеев.

— Да, на четыре сантиметра левее — и я остался бы без глаза, — заявил Каштанов.

После переезжи Капу хотели перенести в юрту; но она стала рваться из рук и выть, выкрикивая что-то. Иголкин разобрал, что она просит оставить ее умереть на месте, а не уносить для съедения в шалаше.

— Почему для съедания? — удивился Громеко, — скажите, что мы ее не съедим, а положим в шалаше спать. А когда она поправится, отпустим к своим.

Матрос с трудом убедил ее, а Боровой взял ее руку, после чего она успокоилась и позволила себя унести. В юрте ее положили на постель, она вскоре уснула, не выпуская руку Борового.

Так как время, назначенное на ночлег, уже кончалось, то стали собираться в путь; развели огонь, поставили чайники, стали завтракать.

Иголкин, выходивший из юрты набивать чайники снегом, заметил, что по опушке леса бродят еще собаки, очевидно прибежавшие с дикарями и отставшие теперь от них. Может быть вид юрты напомнил им о той вкусной юколе, которой их когда-то кормили, и они стали вспоминать своих прежних хозяев. На свист матроса собралось еще двенадцать собак, так что считая Генерала и первых пять примкнувших к путешественникам, можно было с грехом пополам запрячь все три нарты.

— Чем же мы будем кормить их? — спросил Иголкин. — Ведь удержать их при юрте и приручить можно только кормом.

— У нас было взято превизии на месяц, — сказал Громеко. — Дней через семь-восемь мы доберемся до холма. Следовательно есть запас ветчины, который можно уделять им.

— Много давать им не нужно! — прибавил Боровой. — Они побегут и так вслед за нами, в расчете на обед и ужин.

Собакам после завтрака уделили обрезки, кости и по кусочку мяса, а затем стали укладываться. На одну нарту с

войлоком и жердями юрты положили Капу, а на вторую — все остальное. Снег позволил уже пользоваться лыжами, так что несмотря на увеличившийся груз, можно было двигаться быстрее, чем накануне. Когда поезд тронулся и Капу увидела, что ее увозят не в ту сторону, где находилось стойбище дикарей, а в противоположную, она вскрикнула, соскочила с нарты и бросилась бежать, но, сделав несколько шагов, ушла. Когда ее окружили и хотели поднять на нарту, она начала сопротивляться, дралась кулаками и пыталась укусить руки.

Из объяснений Иголкина она повидимому поняла, что ее отвезут назад к стойбищу и там отпустят, а между тем теперь ее хотели увезти с собой к большим льдам. Пришлось связать ей руки и привязать к нарте, чтобы предотвратить новые попытки к побегу. Бедная Капу тряслась от страха и всхлипывала в полной уверенности, что ее увозят в страну вечного холода.

В этот день с обеда уже перешли на русло речки, где снег лежал менее толстым слоем и был уплотнен ветрами, так что нарты и лыжи зарывались меньше, чем на тропе в лесу. Поэтому движение шло достаточно быстро, и за день прошли опять пятьдесят километров.

На ночлеге караулили поочередно, но дикии не появились. Капу целый день отказывалась от пищи, и на ночлеге ее пришлось оставить связанный под надзором караульного. При виде блестящих ножей, которыми белые люди резали ветчину во время обеда и ужина, она вся дрожала и с ужасом глядела на движения рук, очевидно ожидая, что вот-вот настанет ее черед быть зарезанной.

Так продолжалось путешествие на север, и на восьмой день пути вышли в тундру, а к обеду достигли холма. Капу постепенно успокоилась за свою участь, привыкла и начала принимать сырую пищу. Есть что-нибудь вареное или жареное она с отвращением отказывалась. На третий день пути ей развязали руки, а на пятый и ноги, когда она обещала, что не убежит.

ЖИЗНЬ В ПЛЕНУ У ДИКАРЕЙ

Во время этого путешествия Иголкин и Боровой постепенно рассказывали о своей жизни с дикарями, а Каштанов записывал их рассказ.

Со дня ухода экспедиции на юг оставшиеся в юрте Иголкин и Боровой занялись устройством метеорологической будки для установки инструментов и прочной двери в складе-леднике для защиты его от своих собак и других хищников. Покончив с этой работой, они приступили к устройству новой галлерей во льду холма, ниже по склону, чтобы дать собакам приют от жары, которая постепенно усиливалась и заставляла собак убегать к окраине льдов, мало-по-малу отступавшей на север. Пока не были окончены эти срочные работы, на охоту ходили только изредка, для пополнения запаса пищи, но потом стали охотиться ежедневно, чтобы накопить запасы мяса на зиму и в сушеном виде для собак и в копченом для людей. Возвращаясь из лесу с нартой, прихватывали всегда и дрова, так что постепенно накапливался запас топлива для холодных месяцев.

На охоте попадались мамонты, носороги, первобытные и мускусные быки, исполинские и северные олени. На речках и в тундре били гусей, утек и других птиц, которыми главным образом и питались. Мясо крупных животных сушили и коптили. Дела было по горло, и в хлопотах часто недосыпали. На охоте бывали разные приключения, которые впрочем кончались благополучно.

Первое время после отъезда товарищей на юг, погода все улучшалась, покров туч все чаще разрывался, и Плутон светил по несколько часов сряду, так что температура повышалась до 20° в тени, и в тундре настало полное лето. Но с половины августа начался поворот к осени, Плутон стал чаще скрываться в тучах, по временам шел дождь, после которого в тундре поднимались туманы. Температура постепенно понижалась, и в начале сентября, иногда при сильных северных ветрах, падала до нуля. Листья стали желтеть, и к половине сентября вся тундра уже лишилась зеленой легкой одежды, оголилась, побурела. Изредка перепадал снег.

Готовясь к зиме, Иголкин и Боровой пересмотрели всю провизию и вещи в складе и часть их перенесли в юрту. Они были заняты этим второй день, и только что заперли склад, собираясь обедать, как внезапно на них напали дикари, подкравшиеся с другой стороны холма. Боровой и Иголкин, не помышлявшие о возможности существования людей в Плу-

тонии, кроме ножей не имели при себе оружия; дикари же были вооружены копьями, ножами, дротиками, так что сопротивление было невозможное. Но дикари, рассмотрев белых людей, юрту и метеорологическую будку, отнеслись к невиданным пришельцам с уважением и повели их в свое стойбище.

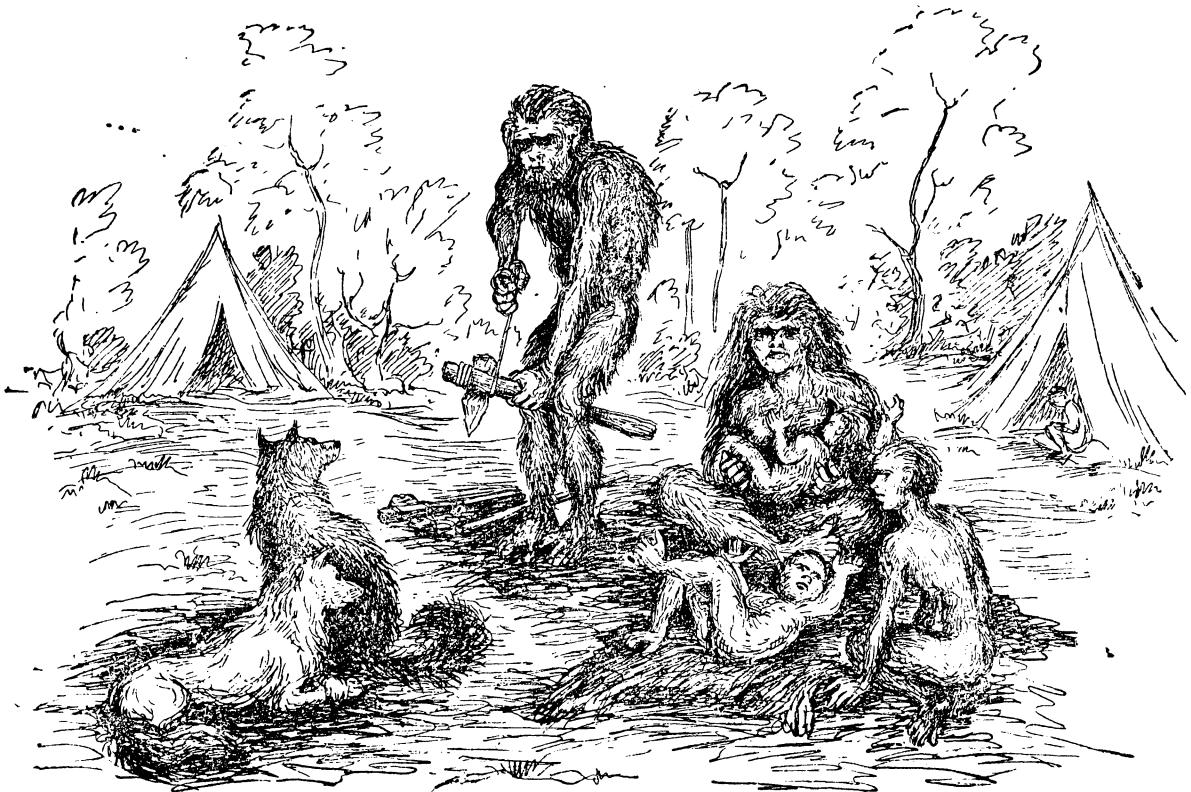
Последнее оказалось недалеко — километрах в десяти от юрты, среди мелкого леса (потом пленники узнали, что орда только накануне прикочевала с востока). Когда пленников привели, дикари долго советались, что с ними делать; мужчины предлагали принести их в жертву духам, но большая часть женщин стояли за иное. Они повидимому думали, что присутствие необыкновенных пришельцев в орде сделает последнюю могущественной, принесет им успех на охоте, в столкновениях с другими ордами, и потому советовали не отпускать пленных, не делать им зла, а поселить их в отдельном шалаше посреди стойбища.

Орда в это время собирала разные ягоды и какие-то съедобные корешки в тундре для зимних запасов и провела несколько дней на одном месте. Но затем большой снег заставил дикарей откочевать километров на сорок на юг, где более высокий лес защищал их от холодных ветров.

Первое время пленники чувствовали себя очень скверно. Им давали есть только сырое мясо, ягоды и корешки. Спать приходилось на грубо выделанных звериных шкурах и такими же шкурами укрываться от холода. Объясняться с дикарями они могли только знаками и все еще не знали, какая участь их ожидает. Убежать не было возможности, потому что их караулили зорко.

После перекочевки на новое место, — большую поляну среди густого леса, — дикари стали рубить из сухих тонких деревьев жерди для своих шалашей. Всюду валялись сухие ветки, кора, обрубки жердей, и при виде их Иголкин вспомнил, что у него в кармане сохранилась коробка спичек, так как в складе он зажигал фонарь. Набрав сухого материала, он сделал костер. При виде сгня все дикари бросили работу и сбежались к костру.

Оказалось, что они были знакомы с огнем, но добыча его была связана с большими трудностями и во время перекочевок огонь, который старухи берегли и переносили с места на место, был утрачен. Теперь дикари были поражены той быстротой, с которой пленники развели огонь, и почувствовали к последним еще большее уважение. С тех пор костер горел у шалаша пленников беспрерывно и они перестали употреблять в пищу сырое мясо.

Острые осколки кремня вставлялись в отверстия, выдолбленных дубинок, которые таким образом превращались в грозное оружие

Вскоре пленники научились понимать язык дикарей, очень несложный. Круг поцтий был ограничен охотой, едой и примитивной обстановкой жизни, и язык состоял из односложных и двусложных слов без склонений, без глаголов, наречий, предлогов, так что речь дополнялась мимикой и телодвижениями. Считать дикари умели только до двадцати по пальцам рук и ног.

В каждом шалаше жило несколько женщин и мужчин, связанных друг с другом групповым браком, а также дети этой групповой семьи, в которой ребенок имеет одну мать, но несколько отцов. Мужчины ходили на охоту, женщины собирали ягоды, корешки, выделывали шкуры, принимали участие в облавах на крупных зверей, требовавших сил всей орды.

Обиванием кремней для наконечников копий и дротиков, для ножей и скребков занимались мужчины, строганием рукояток — женщины, которые умели также вставлять осколки кремния в расщеплены дерева и искусно укреплять их тонкими ремешками. Непрочное оружие часто ломалось и портилось на охоте, так что починка и возобновление его занимали все время женщин.

Охотились дикари за всячими животными, попадавшимися им, и ели как мясо, так и все внутренности, а также червей, улиток, гусениц и жуков. Охотники наедались теплым мясом и пили кровь только что убитых животных, а остатки и шкуры уносили домой для женщин и детей. Крупных животных — мамонтов и носорогов — они окружали и загоняли в волчьи ямы, вырытые на звериных тропах в лесу, и там добивали камнями, дротиками и копьями.

На охоту ходили или небольшими группами или соединялись по две-три группы, а на крупного зверя, которого нужно было загонять облавой, шла вся орда, кроме двух-трех женщин, остававшихся караульными при пленных. Эти женщины кормили грудных младенцев всех шалашей, матери которых долго не возвращались с охоты.

На охоте бывали несчастные случаи. Хищники, а также мамонты и носороги наносили иногда раны и повреждения своим преследователям. Своих убитых или тяжело раненых охотники съедали.

Общий вид диких людей, по словам Борового, можно было характеризовать так: они имели большую голову, посаженную на коротким и объемистом туловище с короткими, грубыми и сильными конечностями. Плечи были широки и сутуловаты, голова и шея согнуты вперед. Короткий подбо-

родок, массивные надбровные дуги и покатый назад лоб придавали голове дикаря сходство с человекоподобной обезьяной. Ноги были несколько согнуты в коленях и дикари ходили, наклонившись вперед, а сидели во время еды и работы обычно на корточках.

На основании всего, что Иголкин и Боровой рассказали о дикарях, Каштанов, изучивший также их оружие и изделия, пришел к выводу, что это племя имело много общего с неандертальской расой, жившей в средней Европе в конце первой части древнекаменного века (палеолита), одновременно с мамонтом, длинношерстным носорогом, первобытным быком и другими животными последней ледниковой эпохи.

Эти первобытные люди имели только очень грубые каменные орудия, которые изготавливали из осколков твердого кремня и употребляли в виде скребков для обработки звериных шкур, рубил и ножей для резки мяса и ремней, наконечников для копий и дротиков, служивших для охоты. Острые осколки вставляли также в отверстия, выдолбленные в дубинках, которые таким способом превращались в грозное оружие.

Пленники с усиливавшейся тревогой считали уходящие дни осени и гадали, скоро ли могут вернуться товарищи с юга и освободить их. Зима постепенно надвигалась с севера, и в недалеком будущем предстояла новая перекочевка, еще дальше от холма на краю льдов. Поэтому можно себе представить, с каким восторгом они услышали выстрелы, известившие их о близости освобождения.

ОПЯТЬ В ЮРТЕ

К своему холму на краю льдов путешественники прибыли к последней неделе декабря и решили отдохнуть, празднуя Новый год, успех экспедиции на юг и освобождение пленников. Провизии и дров было запасено достаточно, и пока не было надобности отлучаться в лес или тундр.

Расчистили площадку, поставили юрту и провели по снегу, достигшему глубины более метра, траншею к складу,

Пленница часто брала лыжи Папочкина, на которых научилась ходить, и быстро бегала по снегу

собачьей галлереи и метеорологической будке. Затем можно было отдохнуть.

В юрте горел небольшой костер, было тепло и уютно. Все шестеро в промежутках между трапезами, прогулками и сном беседовали, рассказывая о своих приключениях и вспоминая разные эпизоды из путешествия на юг или из жизни у дикарей.

Капу была безмолвной участницей этих бесед и проникалась все большим уважением к белым волшебникам, которые имели в своем распоряжении столько странных вещей. Ее нога начала подживать, и она могла уже понемногу ходить. Часто заставали ее возле юрты, сидящей на корточках,

с взором, устремленным на юг, где на горизонте виднелась темная полоса лесов. Ее очевидно тянуло к своему племени.

Иголкин уговаривал Капу остаться с ними и потом уехать вместе через льды в теплую страну, где она увидит все чудеса, созданные белыми людьми. Но она упрямко и отрицательно качала головой.

Путешественники надеялись, что постепенно она привыкнет к ним и наконец согласится ехать. Каким триумфом для экспедиции был бы живой представитель первобытного человека!

Поэтому, когда нога у пленицы поправилась и она начала ходить свободно, ее стали караулить строже и не позволяли отдаляться от юрты, угрожая ружьем, действие которого она уже испытала. На ночь одну ее ногу привязывали цепочкой к большому ящику с инструментами.

Когда морозы усилились, она начала мерзнуть, но отталкивала одежду, которую ей предлагали. Выходя из теплой юрты на воздух, она куталась только в свое одеяло. В работах по уборке юрты, мытью посуды, возобновлению траншеи в снегу, подноске дров она не принимала никакого участия. Она спрашивала у Иголкина, сколько у него жен, ходят ли они на охоту, большая ли орда, к которой принадлежат белые колдуны, и с недоверием качала головой, когда ей пытались рассказать о жизни европейцев, о городах, морях, кораблях и т. п.

Единственным ее занятием в промежутках между едой и сном было строгание палочек для дротиков и вырезывание из мягкого дерева тальничковых дров очень грубых фигурок мамонтов, носорогов, медведей и тигров. Она сделала себе целую коллекцию этих идолов, поклоняясь им и все просила у Иголкина крови, чтобы вымазать их. Но путешественники на охоту не ходили, в тундре не видно было ни зверей, ни птиц, и ее желание нельзя было удовлетворить.

В январе начали делать небольшие экскурсии на нартах, чтобы привыкнуть к упряжке собак, которые уже прикорнились, привыкли к прежним хозяевам и жили в ледяной галлерее под холмом, кроме Генерала, оставшегося при юрте в качестве караульного.

Когда собаки привыкли к упряжке, стали делать более далекие экскурсии по тундре, к краю лесов, за дровами, запас которых был на исходе. В эти экскурсии ходили поочередно впятером с тремя нартами, оставляя кого-нибудь одного в юрте сторожить Капу.

Однажды в конце января очередь остаться караульным

в юрте выпала Папочкину. Капу всегда внимательно следила за уезжающими в сторону леса и не могла дождаться их возвращения; она надеялась, что они встретят какую-нибудь дичь и привезут ей свежего кровавого мяса, по которому она тосковала. Но надежды ее постоянно обманывались, так как никакой дичи не встречалось.

Просидев часа два после отъезда остальных в юрте у огня, Папочкин со скуки задремал и вероятно проспал довольно долго. Когда он проснулся, Капу в юрте не было. Он выбежал наружу и увидел уже далеко на юге, среди белоснежной равнины черную точку, все более удалявшуюся.

Пленница взяла его лыжи, на которых научилась ходить, и он не мог преследовать ее без лыж по глубокому снегу. Она захватила также свое одеяло, начатый окорок ветчины, висевший в юрте, большой нож и коробку спичек, с которыми выучилась обращаться.

Вернувшись к вечеру, товарищи узнали о бегстве Капу и были очень раздосадованы. Папочкину пришлось выступать не мало упреков за свое ротозейство. Но преследовать беглянку нечего было и думать: она успела уйти слишком далеко и нужно было снаряжать в погоню за ней целую экспедицию с риском все-таки не догнать. Капу бежала налегке и привыкла во время охоты делать до ста километров в день; экспедиция же с нартами могла делать едва ли половину этого расстояния. Итти же отвоевывать девушку у ее родичей, вопреки ее желанию, не имело никакого смысла.

К счастью, до побега успели сфотографировать Капу несколько раз спереди, сбоку и сзади, а также обмерить по всем правилам антропологии, снять гипсовую маску с ее лица и сделать отиски рук и ног.

Пуститься в обратный путь по льдам, чтобы застать на верху уже достаточно длинный день и добраться к началу лета до южного берега Земли Нансена, можно было не раньше конца марта или даже начала апреля. До отъезда оставалось еще почти два месяца. Это время решено было употреблять на тренировку людей и собак в более продолжительных экскурсиях с нартами.

В последние дни на окраине лесов стали замечать свежие следы оленей, вероятно северных, а также мускусных быков и волков. Поэтому, удалившись на расстояние одного-двух путь от юрты, можно было рассчитывать на охоту. Свежее мясо было очень нужно и людям и собакам. Ветчина сильно надоела, да и количество ее вследствие хоро-

шего аппетита Капу очень поубавилось. Приходилось беречь запас ветчины для дороги, а до отъезда для пропитания добывать дичь.

На эти экскурсии ходили поочередно втроем с двумя нартами и палаткой, тогда как трое людей и одна упряжка собак оставались в юрте, отдыхая от предыдущей поездки.

В ГЛУБЬ ЛЬДОВ

В конце марта путешественники решились тронуться в обратный путь через льды. Метеорологическая будка была оставлена на месте, и в ней, а также в складе под холмом были помещены в запаянном ящике краткие сведения о составе экспедиции, открывшей Плутонию, и главных результатах поездки на юг. Для того чтобы дикари, посещение которыми холма следовало ожидать с наступлением лета, не унесли ящики и не разорили будку, на полочке в последней была расставлена часть деревянных идолов, вырезанных Капу, а на полу будки в качестве жертвоприношения сложены все накопившиеся кости, пустые жестянки от консервов и тому подобный хлам. Да всего этого додумался Иголкин, ближе сопедшийся с дикарями, чем ученый Боровой.

Нарты, торжественно нагруженные коллекциями, провизией и имуществом экспедиции, потянулись через белоснежную тундру к подножию льдов.

Этот обратный путь через Землю Нансена затянулся на целый месяц.

Преодоление ледяного хаоса, длинный подъем на хребет Русский и спуск с него по ледопадам глетчера, упорные ветры, дувшие навстречу, перегруженность нарт, недостаточ-

ное количество собак — задерживали движение и потребовали напряжения всех сил.

Частые метели также задерживали движение, но зато давали людям и собакам лишние часы отдыха. За ледяным хаосом началась уже смена дня и ночи, которую давно не наблюдали путешественники. Из складов провизии, оставленных на пути, некоторых не удалось найти, но на мысе Труханова нашли новый склад с годовым запасом провианта, соруженный «Полярной Звездой», а в нем записку, сообщавшую, что судно остановилось на зимовку в десяти километрах восточнее мыса.

С высоты последнего судно было видно вдали, и на половине пути к нему произошла радостная встреча. Даже Труханов выехал на нарте, которую тащили молодые собаки, родившиеся на «Полярной Звезде» во время плавания. Приветствиям и расспросам не было конца. Труханов был особенно доволен тем, что его предположения о внутренности земли блестящие оправдались.

НАУЧНАЯ БЕСЕДА

Через несколько дней по возвращении экспедиции на «Полярную Звезду» разыгралась обычная для этих широт сильнейшая пурга, прекратившая всякие прогулки и работы на свежем воздухе. Коротали время в каютах-компаниях, обмениваясь впечатлениями о зимовке среди льдов и путешествии в Плутонию. Труханов особенно интересовался подробностями спуска в подземный мир, который сопровождался различными непонятными для экспедиции явлениями.

— А знаете ли, Николай Иппонентьевич, — сказал Каш-

танов, — что ваше письмо, вскрытое в тот день, когда мы увидели мамонтов в тундре, сменившей льды, объяснило нам, куда мы попали, но не удовлетворило нас. Мы хотели бы знать, на чем было основано ваше предположение, что земной шар пустотелый, предположение, которое так блестяще оправдалось.

— Если хотите знать, — ответил Труханов, — идея эта не моя и даже не новая. Ее высказывали больше ста лет тому назад некоторые ученые Западной Европы, и я наткнулся на нее, просматривая старые журналы, заинтересовался и занялся ее проверкой, которая убедила меня в ее правдоподобности.

— Не поделитесь ли вы с нами вашими доказательствами?

— С удовольствием. Если хотите, сделаю вам сегодня же вечером подробный доклад.

Вечером в кают-компании состоялась интересная научная беседа.

— Предположения о том, — начал Труханов, — что находится внутри земли, начали возникать уже в глубокой древности. Сначала землю воображали себе плоской, тлающейся на первичном океане. Таковы были взгляды вавилонян и древних евреев. Только Аристотель признал землю шаром, но по аналогии с животным организмом он предполагал, что внутри земли находится как бы очаг, служивший источником воды, ветра, воздуха и огня; поэтому оттуда и берут начало ключи и реки; оттуда же вырывается ветер, а вулканы — отдушины этого подземного мира — выбрасывают огонь.

— Это учение перешло к ученым средневековой Европы. Они полагали, что внутри земли находится центральный огонь, созданный для согревания земли и, в качестве ада, для обитания душ грешников. Вулканы являются входами в этот ад. Поэтому монахи показывали богомольцам в кратере Этны вход в ад, а шум, исходящий из глубины, объясняли стенами и криками терзаемых греховых душ. Вспомним, что Данте, величайший итальянский поэт XIII века, в своем бессмертном творении «Божественная комедия» изображает свой спуск в ад по кратеру Этны.

— Философ Декарт попытался разрешить вопрос с точки зрения естественного образования земли. По его мнению, земля произошла от сгущения атомов мировой материи на поверхности мирового вихря, на которой образовалась твердая земная кора, под которой, при дальнейшем охлаждении, вещества группировались по своей плотности слоями вокруг

еще не остывшего огненного ядра, именем: сначала тяжелая металлическая оболочка; вокруг нее водяная оболочка и над ней воздушная оболочка.

Таким образом кора окружала воздух и воду. Но эта кора, высыхая, стала трескаться, проваливаться, вытесняя воздух и воду на поверхность металлической оболочки. Так образовались горы и материки, вода собралась в океаны, а воздух окружил земной шар. Эту катастрофу и представлял всемирный потоп.

— В самом конце XVIII века ученый Лесли утверждал, что внутренность земли заполнена воздухом, самосветящимся вследствие давления. В этом воздухе движутся две планеты — Прозерпина и Плутон...

— Плутон? — не удержался Боровой. — Мы, следовательно, не придумали ничего нового для внутреннего светила!

— Да, это имя у вас предвосхитили, — продолжал Труханов. — И некоторые ученые даже высчитали пути этих планет, приближение которых к земной коре будто бы производит магнитные бури и землетрясения. По мнению Лесли, на внутренней стороне земли царствует вечная весна и поэтому там существует чудная растительность и своеобразный мир.

— И он был совершенно прав! — воскликнул изумленный Палочкин.

— Вход в земную внутренность, по учению Лесли, должен находиться около 82° северной широты.

— Но ведь это же изумительно! — всплеснул руками Мажеев. — Как он мог указать так точно? Мы нашли южный край этого входа под 81° с чем-то.

— Лесли определил его по месту наибольшей интенсивности северных сияний, так как предполагал, что последние исходят именно изнутри земли, представляя электрические лучи, освещающие внутренность земли.

Учение Лесли напало многих сторонников, и даже вполне серьезно разбирали вопрос о снаряжении экспедиции внутрь земли.

— Вот так-так, — улыбнулся Громеко, — и в этом отношении у нас чуть не явились предшественники!

— Но экспедиция не состоялась, потому что авторитетные ученые того времени — Бюффон, Лейбниц, Кирхер — высмеяли гипотезу Лесли, назвав ее фантазией. Они отстаивали отненно-жидкое ядро земли, одно общее или с многочисленными второстепенными очагами, которые назывались профилактиами. В конце XVIII века стройная гипотеза Канта-Лапласа об образовании всей нашей планетной

системы из газообразной раскаленной туманности завоевала почти все умы и отодвинула на задний план все другие.

— Но Кормульс в 1816 году доказывал, что земля внутри пустая и кора ее имеет не более трехсот английских миль толщины. Он полагал, что многие разрушения поверхности, например впадину между Дувром и Кале, невозможно объяснить иначе.

— Галлей, Франклин, Лихтенберг и Кормульс старались объяснить явления земного магнетизма и его вековые изменения с точки зрения существования гипотетической внутренней планеты. Немецкий профессор Штейнгаузер в 1817 году считал существование этой планеты, которую он называл Минервой, почти несомненным. Он построил глобус, внутри которого был укреплен короткий магнит в наклонном и эксцентрическом положении. Когда на поверхность глобуса ставили магнитную стрелку, она принимала такое положение, т. е. показывала такое склонение, которое наблюдается в соответствующем месте земного шара. На основании этого казалось несомненным, что склонение стрелки компаса на земле зависит от притяжения какого-то магнитного тела, находящегося внутри земли. Но ведь склонение стрелки, как известно, не является постоянным, а подвержено суточным, годовым и вековым, наиболее значительным, изменениям. Штейнгаузер произвел ряд вычислений, пользуясь данными о вековых изменениях склонений, которое можно было объяснить только медленным движением внутренней планеты. Оказалось, что последняя движется по круговой орбите и имеет период обращения в четыреста семьдесят шесть-четыреста восемьдесят лет.

— Возникли опять проекты экспедиции внутрь земли. Отставной пехотный капитан Симмес, живший в Сен-Луи в штате Миссури, в апреле 1818 года напечатал в газетах письмо и разоспал его во многие учреждения Америки и Европы, адресованное «всему миру».

Вот что он писал:

Земля внутри пустая и обитаемая. Она содержит ряд концентрических сфер одну в другой и имеет у полюсов отверстия, шириной от 12 до 16°. Я готов прозакладывать свою жизнь за истинность этого и предлагаю исследовать эту пещеру, если мир поможет мне в этом предприятии. Я приготовил к печати трактат об этом предмете, в котором привожу доказательства вышеуказанных положений, даю объяснения различных явлений и

разгадываю „золотую тайну“ доктора Дарвина. Мое условие — патронат этого и новых миров. Я завещаю его моей супруге и ее десяти детям. Я избираю доктора Митчела, сэра Дэви и барона Александра фон-Гумбольда в качестве своих покровителей. Мне нужно только сто смелых спутников, чтобы выступить из Сибири в конце лета с северными оленями на санях по льду Северного моря.

Я обещаю, что мы найдем теплые и богатые земли, изобилующие полезными растениями и животными, а может быть и людьми как только минуем 82° северной широты. В следующую весну мы вернемся.

— Что же, состоялась эта экспедиция? — спросил Каштанов.

— К несчастью или, если хотите, к нашему счастью, она не состоялась. Письмо Симмеса обратило на себя внимание, и в редакции газет и журналов, а также к ученым посыпалось вопросы заинтересованных читателей. Предложение отважного капитана, не боявшегося оставить после себя вдову и десять сирот, обсуждалось в печати, но ни ста смелых спутников, ни денег на экспедицию не собрали. Ученые, избранные покровителями, вероятно сочли бедного Симмеса просто фантазером или сумасшедшим. Дело в том, что многие были убеждены в существовании пустоты внутри земли и нахождении там планеты, но в существование отверстия, через которое можно было бы проникнуть внутрь, не верили.

— Так, физик Хладни в статье о внутренности земли, вызванной письмом Симмеса и напечатанной в ученом журнале (*Annalen der Physik*, 62, 1819), указал, что отверстие невозможно: если бы такое когда-либо существовало, оно бы неминуемо заполнилось водой. Крайне медленное движение планеты, обнаруженное Штейнгаузером, Хладни объясняет тем, что сно происходит в весьма плотной среде сдавленного воздуха, может быть под влиянием притяжения солнца и луны. Он строит еще следующие интересные предположения, не выдавая их конечно за бесспорные: так как при сильном сжатии воздуха выделяется тепло, а сильно нагретое тело должно светиться, то в центре земной пустоты, где давление со всех сторон наибольшее, сжатый воздух должен образовать светящую и согревающую массу, нечто в роде центрального солнца. Размеры последнего должны зависеть от пределов сжимаемости воздуха.

— Обитатели внутренней поверхности земли, если такие существуют, видят это солнце всегда в зените, а вокруг

себя всю внутреннюю поверхность, освещенную им, что должно дать очень красивую панораму. Но о силе тяжести эти обитатели должны иметь совершенно иное представление, чем мы, так как эта сила действует там иначе. Крайне плотный воздух должен прижимать к внутренней поверхности, подобно тому как картезианский чортик в баночке с водой падает на дно под давлением пальца. То, что у нас тяжело, должно казаться там легким, так как оно может проникать глубже в слои уплотненного воздуха, легкие же предметы должны прижиматься к поверхности. Поэтому, если там есть реки и озера, они могут располагаться только в самых глубоких долинах, а на высотах могли бы состоять только из ртути. Если там есть облака, они должны состоять из самых тяжелых веществ, например из ртути, из зерен золота и платины. И если эти металлы имеют там ценность, то их не извлекают из почвы, как у нас, а выуживают из воздуха.

Слушатели не мало смеялись над соображениями Хладни о золотых и платиновых облаках и о ртутных озерах на вершинах гор.

— Теоретически это совершенно правильно, — заметил Труханов, — если принимать замкнутую пустоту с сильно сжатым воздухом. Но будем излагать дальше. Гипотезы о внутренней планете еще держались некоторое время. Берtrand в тридцатых годах прошлого века также полагал, что земной шар пустой, и в этой пустоте находится магнитное ядро, которое перемещается под влиянием комет от одного полюса земли к другому. Благодаря этому перемещается центр тяжести земли и масса воды морей, которая и наводняет попрежнему то одно, то другое полушарие. Этим он объяснял трансгрессии и регрессии¹ моря, констатированные геологами в течение многих геологических периодов.

— Позже гипотеза о внутренней планете постепенно стала забываться, и много десятилетий о ней не вспоминали.

— В XIX веке наибольшее число приверженцев имела гипотеза об огненно-жидком ядре земли, согласно учению Канта-Лапласа. Ее защитники спорили только что вопросу о том, такую толщину имеет твердая земная кора; одни находили достаточной кору в сорок-пятьдесят километров толщины, другие же вычисляли ее в сто километров, а третьи

¹ Трансгрессия и регрессия — наступления и отступания моря, явления, которые можно наблюдать и в настоящее время на берегах некоторых современных морей. Объясняются эти явления различными геологическими причинами и могут быть вызваны с одной стороны абсолютными изменениями уровня моря, с другой — поднятиями и опусканиями материков.

даже от тысячи двухсот семидесяти пяти до двух тысяч двухсот двадцати, т. е. от одной пятой до одной трети земного радиуса. Такую толстую кору они находили необходимой, чтобы объяснить современную величину прецессии и нутаций, т. е. колебаний оси вращения земли под влиянием притяжения солнца и луны, и чтобы объяснить, почему огненно-жидкая масса ядра не уничтожает приливов и отливов морей на поверхности земли. Но такая толщина коры противоречит вулканическим и геотермическим явлениям земли, как противоречит им гипотеза, предполагающая, что земля представляется совершенно остывшее твердое тело. Поэтому в качестве корректива защитники толстой коры принимают, что среди нее еще сохранились отдельные бассейны расплавленной массы, которые и являются вулканическими очагами. Но это произвольное предположение доказать трудно, а согласовать его с закономерным расположением вулканов по земле еще труднее.

— Поэтому во второй половине XIX века больше сторонников получила четвертая гипотеза, гласящая, что земля имеет твердую нетолстую кору, твердое ядро и в промежутке между ними более или менее толстый слой расплавленных пород, так называемый оливиновый пояс.

Твердое ядро допускается на том основании, что ближе к центру земли вследствие громадного давления, существующего там, все тела несмотря на высокую температуру, превышающую во много раз их точку плавления (при нормальном давлении), должны быть в твердом состоянии.

— Поэтому притяжению солнца и луны может подвергаться только сравнительно нетолстая расплавленная масса оливинового пояса, да и та, согласно этой гипотезе, представляет густое вязкое вещество вследствие огромного давления. Земная кора состоит из более легких пород, а в оливиновом поясе сосредоточены более тяжелые, богатые оливином и железом; в самом ядре преобладают наиболее тяжелые вещества, например металлы. Полагают, что железные метеориты, которые состоят преимущественно из никелевого железа, представляют обломки планетных ядер, а каменные метеориты, состоящие из оливина и других богатых железом минералов с включениями никелевого железа, дают нам понятие о составе вещества оливинового пояса.

— Эта гипотеза и сейчас еще имеет много сторонников, но наряду с ней за первенство борется и другая, именно гипотеза Цеприца, который развил в новой форме учение Лесли, Франклина, Хладни, Штейнгаузера и других ученых конца XVIII и начала XIX веков.

— Эта гипотеза исходит из того физического закона, что при высоких температурах, которые непременно должны существовать в недрах земли, все тела должны быть в газообразном состоянии несмотря на огромное давление.

— Вам известно, что существует так называемая критическая температура газов, при которой они не сжимаются и не переходят в жидкость ни при каком давлении. Несомненно, что в центре земли эта критическая температура превзойдена во много раз. Поэтому самое ядро должно состоять даже из так называемых одноатомных газов, потерявших уже свои характерные химические свойства, так как молекулы их уже распались на атомы под влиянием высокой температуры. Это ядро окружено слоем газов в перегретом надкритическом состоянии, в свою очередь окруженным слоем обычных газов.

— Далее следует слой жидкости, вещества в расплывшемся состоянии, затем слой жидкости густой, вроде лавы или смолы, и еще слой, переходный от жидкости к твердому телу, в так называемом скрыто-пластическом состоянии.

— Наконец, сверху находим твердую кору. Все перечисленные слои конечно не отграничены резко друг от друга, но связаны постепенными переходами, вследствие чего при движении земли эти слои не могут перемещаться друг относительно друга, влиять на приливы и отливы, на перемещения земной оси. Относительно толщины земной коры существует разногласие. Шведский геофизик Аррениус предполагал что газообразное ядро занимает 95% земного диаметра, огненно-жидкие слои 4%, а твердая кора только 1%, т. е. имеет около шестидесяти четырех километров толщины.

— Другие же дают коре мощность более значительную — в восемьдесят, сто и даже тысячу километров. Но более тонкая кора шестьдесят-сто километров, не больше, лучше согласуется с явлениями гулканизма, горообразования, геотермическими и т. п.

— Вы видите, что эта гипотеза воспресила учение Лесли и других, правда без внутренних планет и наружных отверстий, оправдала даже мнение капитана Симмеса о концентрических сферах. Но об обитаемости недр земли при температуре, разлагающей даже атомы газов, конечно не могло быть и речи.

— А между тем, они обитаемы! — воскликнул Каштанов. — И снаряжая туда экспедицию, вы ведь предполагали эту обитаемость?

— Совершенно верно, и теперь я перехожу к изложению своей гипотезы, — ответил Труханов. — Я давно уже являюсь

сторонником гипотезы Цеприца и производил наблюдения и вычисления для ее дальнейшего развития и подтверждения. Наблюдения касались определения силы тяжести, явлений геомагнетизма и распространения землетрясений.

— Как известно, волны землетрясений распространяются не только по твердой земной коре, но и по прямому пути через недра земли. Поэтому, если случится землетрясение у наших антиподов, то чувствительные инструментыловят две серии ударов — сначала идущие по кратчайшему пути земного диаметра, а затем уже распространяющиеся по земной коре, т. е. по периферии шара. Скорость распространения сотрясений зависит от плотности и однородности среды, и по этой скорости можно судить о состоянии среды.

— И вот целый ряд наблюдений на разных сейсмических станциях земли и в особенности моей обсерватории на Мунку-Сардыке, где я установил новые, чрезвычайно точные и чувствительные инструменты на дне глубокой шахты, у подножия горного хребта, обнаружили факты, не согласные с гипотезой Цеприца. Эти факты могут быть легче всего объяснены при допущении того, что земное ядро состоит не из сильно уплотненных давлением газов, а наоборот, из разреженных, немного разве плотнее нашего воздуха, занимающих около трех четвертей диаметра. Иными словами, это газообразное ядро должно иметь примерно восемь тысяч километров в диаметре, так что на долю жидких и твердых слоев остается не более двух тысяч четырехсот километров толщины с каждой стороны. Мало того, среди газообразного ядра приходилось допустить существование твердого или почти твердого тела, т. е. внутренней планеты, диаметром не более пятисот километров.

— Как вы могли определить диаметр этого невидимого тела? — поинтересовался Боровой.

— Очень просто. Это тело попадалось на пути ударов только тех землетрясений, которые случались прямо на антиподах моей обсерватории, именно в Тихом океане к востоку от Новой Зеландии; если же землетрясение случалось в самой Новой Зеландии или в Патагонии, то на прямом пути его распространения твердого тела не оказывалось. Целый ряд наблюдений позволил определить максимальные размеры этого тела, конечно с приблизительной только точностью.

— Итак, получились результаты, не только не подтверждающие гипотезу Цеприца, но вообще более согласные не с ней, а с гипотезами старых ученых. Сейчас же возникло сомнение: если внутри земли такое большое пространство занято не сильно сдавленными, а следовательно тяжелыми га-

зами, то как же объяснить большую среднюю плотность земли, достигающую, как известно, 5,5? Так как плотность пород, господствующих у поверхности земли, только 2,5—3,5 и даже меньше, если принять во внимание большие массы воды океана, плотность которой равняется единице, то для получения средней плотности всей земли 5,5 необходимо, чтобы по направлению к центру земли залегали тела с плотностью все более и более высокой, а у самого центра даже таковые с плотностью 10—11, т. е. примерно серебра. А тут у меня получается не сдавленный, а разреженный газ. Даже твердое тело у центра диаметром в пятьсот километров, будь оно хоть сплошь из золота, не восполнит этого недостатка.

— Я проверял все свои вычисления, но не нашел ошибок. Произвел ряд определений плотности земли разными способами и не нашел существенной разницы; величина 5,5 была близка к средней из моих данных. Тогда мне пришло в голову: не преуменьшаем ли мы плотность самой коры, принимая ее за 2,5 и меньше? Хотя такова средняя плотность горных пород, однако при вычислениях упускают из виду массы тяжелых руд, которые мы встречаем так часто и добываем ценные горы железа на Урале, в Сибири, Северной Америке, Германии, Франции... Не так ли, Петр Иванович?

— Совершенно верно, — ответил Каштанов, — но эти склонения так малы сравнительно с площадью земной коры, что их едва ли можно принимать во внимание.

— Вы правы, — продолжал Труханов, — они сами по себе слишком малы, чтобы повлиять на результат вычислений. Но не свидетельствуют ли эти и все другие металлические массы, встречаемые так часто у самой поверхности земли, что тяжелый слой, богатый металлами, или даже сплошь состоящий из железа, меди, серебра, золота и т. д., залегает вовсе не так глубоко, как полагают некоторые геологии. Если бы он залегал на глубине сотен или тысяч километров ниже оливинового пояса, то как могли бы изверженные породы, происходящие, как известно, не из столь больших глубин, выносить так много металлов к самой поверхности?

— Гораздо более вероятно, по моему мнению, что оливиновый пояс, а под ним пояс сплошных тяжелых металлов залегают не глубоко, например на глубине всего 15—25 километров. Возьмем даже 50—77 километров, если хотите. При толщине коры, окружающей газообразное ядро, в 2 377 километров, на долю металлического слоя остается еще 2 300 километров, так как радиус земли равен 6 377 километрам.

— Теперь произведем некоторые вычисления, — сказал Труханов, подходя к доске, устроенной из линолеума. — Я

предполагаю, что в центре находится шарообразное твердое тело диаметром в 250 километров, состоящее из никелевого железа, плотность которого можно принять в 8, так как плотность железа 7,8, а никеля 8,6. Почему я считаю это тело состоящим из никелевого железа, вы узнаете немного позже. Вычислим объем A этого тела по известной формуле $\frac{4}{3} \pi R^3$ или $4,19 R^3$. A будет равно 8 183 594 кубическим километрам.

— Помножим эту величину на плотность 8 и получим массу этого тела 65 468 752.

— Определим теперь объем внутренней полости земли B , принимая ее радиус в 4 000 километров; B будет равно 268 160 000 000 кубическим километрам. Но так как часть полости занята твердым телом, то из B нужно вычесть A , полученное выше: получим $B - A$ равно 268 151 816 406 кубическим километрам. Плотность чистого воздуха, как известно, равна 0,0013 при температуре 0° , давлении 760 миллиметров под широтой в 45° . Положим, что во внутренней полости он немного плотнее, и примем величину 0,002. Умножим на эту величину вычисленный объем $B - A$ и получим 536 303 633 для массы этой полости.

— Объем нашей земли, как известно, равен 1 084 872 000 000 кубическим километрам. Из этого объема нужно вычесть объем внутренней полости, конечно вместе с твердым телом, чтобы получить объем коры $Y - B$; он составит 816 712 000 000 кубических километров. Принимаем, что легкая поверхностная часть коры вместе с водой океанов имеет только 77 километров толщины, а остальные 2 300 километров представляют тяжелую металлическую кору, состоящую главным образом из железа. Если среднюю плотность легкого слоя коры примем всего за 2,0, то при плотности железа в 7,8 мы имеем полное основание принять среднюю плотность всей коры в 7,3. Умножим на эту величину полученный объем $Y - B$; находим 5 961 997 600 000 для массы всей коры.

— Теперь сложим все полученные величины наших масс: $A + (B - A) + (Y - B)$ и получим: 5 962 599 371 385. Если мы разделим эту величину на известный нам объем земли, то мы получим среднюю плотность последней. Она оказывается 5 496, т. е. почти равна 5,5 выведенной разными учеными разными способами. Если мы прибавим к толщине коры за счет внутренней полости 1—2 километра или примем среднюю плотность коры не 7,3, а примерно 7,32, то этого будет вполне достаточно, чтобы получить нужную величину 5,5.

— Итак, — продолжал Труханов, — вы видите, что боль-

шая средняя плотность земли вовсе не требует, чтобы земля являлась сплошным тяжелым телом с массами серебра, свинца и тому подобным в центре или же телом, ядро которого состоит из страшно сдавленных, а следовательно тяжелых газов. Внутри земли может быть пустота весьма солидных размеров, наполненная воздухом почти такой же плотности, как на земной поверхности. Вы видели, что величина массы центрального твердого тела небольших размеров в общей сумме играет ничтожную роль. Если мы примем диаметр этого тела вместо 250 километров только 125 или, наоборот, 500 километров, то общий результат вычислений почти не изменится.

— Он зависит главным образом от толщины твердой коры и ее большой плотности.

— Будем рассуждать дальше. Если внутри земли имеются не сильно сдавленные газы, а нечто в роде воздуха, то вполне правдоподобно допустить отверстие, которым эта полость сообщается с земной поверхностью. Как же это отверстие образовалось? Нельзя допустить его извечно существовавшим, потому что первоначально полость должна была быть заполнена сдавленными и сильно нагретыми газами согласно гипотезе Цеприца, иным образом мы не сможем себе представить образование земли из первичной туманности.

— Предположить, что газы сами когда-то прорвали кору и вырвались в мировое пространство, также нельзя: в таком случае не было бы центрального твердого тела, на существование которого указывают сейсмические наблюдения.

— Приходится прибегнуть к другим предположениям. Вы конечно знаете, что на нашу землю из мирового пространства попадают метеориты разнообразной величины. Допустим, что когда-то на землю упал колоссальный метеорит диаметром в 250 километров, т. е. целая маленькая планета, в поперечнике меньше луны в 13 с лишним раз, а по объему даже в 2 200 раз. Такой метеорит должен был пробить земную кору и ворваться внутрь земли подобно артиллерийскому снаряду, пробивающему стену, которая в несколько раз толще его длины. Газы внутренней полости вырвались через пробоину наружу, а метеорит остался внутри. Он раскалился уже в пределах нашей атмосферы, а сопротивление коры при страшном ударе еще подняло его температуру; в довершение всего он попал в сферу нагретенных газов, где находился известное время, пока они не вышли все наружу. Естественно, что он превратился в самосветящееся тело, которое может быть теперь уже значительно уменьшилось в объеме вследствие потери тепла. Можно себе представить, какая это была

катастрофа на земле — падение такого метеорита и затем выход газов. Результатом ее могло быть перемещение оси вращения земли, что вполне совпадает с данными геологии, затем может быть изменение наклона эклиптики и скорости вращения земли вокруг солнца и вокруг своей оси.

— Но метеориты, падающие на землю, имеют небольшую величину, какие-нибудь десятки сантиметров, редко метр в диаметре, — заметил Боровой. — Имеем ли мы основание полагать, что бывают очень большие, особенно такой гигантский — в 250 километров? Не слишком ли это смелое предположение?

— Конечно смелое. Но относительно размеров метеоритов вы ошибаетесь, Иван Андреевич, — ответил Труханов. — В Северной Америке, недалеко от глубокой долины Дьябло в штате Аризона известна круглая котловина диаметром в 1200 метров и глубиной в 180 метров, врезанная в горизонтальные пласты и окруженная валом из обломков величиной в хороший дом. Иные глыбы весом до 150—300 килограммов отброшены на расстояние в один-пять километров. Не так ли, Петр Иванович?

— Вы говорите о Метеорном кратере, Николай Иннокентьевич? Он действительно представляет геологическую загадку, — сказал Каштанов.

— Которая еще не совсем разъяснена. Эту огромную впадину считали кратером взрыва, но вулканический материал нигде не нашли, зато нашли вокруг кратера множество метеоритов, от крошечных до сотен килограммов весом. Предположили, что главная масса углубилась в породу на дне впадины, но буровые скважины показали, что на глубине 240—270 метров залегают нормальные породы, выше — отложенные, пемзовидные, а до глубины 180 метров — содержащие в изобилии кусочки никелевого железа.

— Странно! Как же образовалась эта выбоина? — спросил Боровой.

— Полагают, что здесь упал целый рой метеоритов, один из которых имел до 150 метров в диаметре. Выбоина создана потоком раскаленного воздуха, двигавшимся впереди роя и рассеявшимся при встрече с земной поверхностью с силой страшного взрыва, во все стороны разбрасывая пласти.

— А куда же девался большой метеорит?

— В этом и состоит загадка. Он мог рассыпаться на куски; но полагают, что он отскочил подобно гигантскому мячу, и упал в Тихий океан. Во всяком случае образование этой огромной выбоины связано с падением метеорита или целого роя метеоритов, поэтому мое предположение не является не-

возможным, что один раз в длинной истории земли случилась встреча земли с громадным метеоритом. А при соответствующих размерах этого гостя из вселенной и выбоина могла проникнуть через всю твердую кору. Вы представьте себе силу удара ядра в 250 километров в диаметре, несущегося со скоростью нескольких сот километров в секунду!

— Хорошенькая катастрофа!

— Все это были мои предположения, которые и заставили меня снарядить экспедицию для их проверки, прежде всего для поисков отверстия, пробитого метеоритом. Я не думал, что в это отверстие можно будет спуститься. Вы блестящим образом разрешили задачу, и теперь мою гипотезу можно считать теорией.

— Но скажите, пожалуйста, Николай Иннокентьевич, — спросил Каштанов, — почему вы снарядили экспедицию в Северный Ледовитый океан? Почему вы думали, что метеорит упал именно там?

— Вы слишком высокого мнения о моих способностях, — улыбнулся Труханов, — а ответ прост до-нельзя. Поверхность всех пяти материков в настоящее время уже настолько исследована, что отверстие диаметром в 250—300 километров не могло бы ускользнуть от внимания путешественников. Если бы оно существовало в населенных странах, мы давно знали бы о нем, даже если оно было где-нибудь в пустыне Гоби или в Тибете. Единственные значительные неизвестные площади, на которые никогда не ступала нога человека, сохранились только в обеих полярных областях. Итак, только там и можно было искать отверстие. Я выбрал сначала Арктическую область и ту именно ее часть, где по всем данным, о которых я вам докладывал при нашем первом знакомстве в Москве, можно было предполагать существование достаточно большой земли. Вот и все. Если бы вы не нашли отверстия, а обнаружили только обычную полярную землю, — я бы немедленно снарядил экспедицию в Антарктику, где простор для поисков гораздо больше, так как там большой материк. И послал бы одну экспедицию за другой, пока вся площадь не была бы обследована.

— Но метеорит мог упасть в море, — заметил Каштанов, — площадь морей на земле гораздо больше площади суши.

— Если бы он упал в море и пробил отверстие на дне его, то после выхода газов вода устремилась бы во внутреннюю полость, заполнила бы ее и оправдалась бы старая гипотеза Удварда. Но это не согласовалось с моими сейсмическими наблюдениями, показавшими, что внутри земли не вода, а газ. Следовательно метеорит упал на сушу или

в мелкое море, в котором из обломков коры, нагроможденных вокруг пробоин, создал большой остров, который и не позволил воде устремиться в пробоину.

— Когда же могло произойти падение? — поинтересовался Макшеев. — Можно ли определить время?

— Благодаря вашим трудам это вполне возможно. Вы встретили во внутренней полости в качестве наиболее древних представителей жизни юрскую фауну и флору. Поэтому можно думать, что метеорит упал на землю раньше юрского периода, например в триасовое время. В юрский период, как показали исследования геологов, в полярных странах климат был теплый, субтропический.

— Почему это так было, еще не разъяснено; может быть благодаря падению метеорита переместилась ось вращения земли, и Ледовитый океан очутился недалеко от тропиков. Так или иначе, но через отверстие, пробитое метеоритом, юрская флора и фауна постепенно распространились по внутренней полости.

— Вы обнаружили, что климат этой полости, в части ее, более близкой к отверстию, находится в известной зависимости от климата земной поверхности вследствие проникающих внутрь холодных ветров, туманов и туч. Естественно, что когда вокруг отверстия юрская жизнь уступила место меловой, последняя распространилась и во внутреннюю полость, оттеснив представителей юрской флоры и фауны дальше на юг, где ухудшение климата не произошло.

— В третичный период произошел аналогичный процесс, и меловая жизнь в свою очередь была оттеснена на юг, оставив в распоряжении юрской только узкую полосу на обоих берегах моря Ящеров.

— Наконец в начале послетретичного периода через отверстие распространились внутрь представители флоры и фауны холодного пояса — мамонт, длинношерстый носорог, северный олень и тому подобные и вместе с ними первобытный человек. Эти новые климатические условия оттеснили третичную жизнь внутренней полости более к югу. Затем началось великое оледенение северного полушария, околополярные земли покрылись снегом и льдом, оттеснившими жизнь и на земной поверхности далеко к югу. Всякое сообщение с внутренней полостью прекратилось, льды проникли в нее и оттеснили мамонтов в тундру на некоторое расстояние.

— По окончании великого оледенения околополярные страны не освободились от снега и льда, и ледяная пустыня,

окружающая отверстие на сотни километров, попрежнему составляет непреодолимую преграду для животных и растений.

— Пока Земля Нансена скована льдами, внутренняя полость гарантирована от проникновения в нее представителей современной флоры и фауны с земной поверхности. И только человек XX века в вашем лице отважно преодолел эту преграду и проник в таинственную страну, где чудесно сохранились, благодаря постоянному климату и жизненным условиям, представители флоры и фауны, давно исчезнувшие на земле. Вы открыли этот палеонтологический музей, о существовании которого я не мог и думать.

— Бы прекрасно обрисовали заселение внутренней поверхности, — заметил Каштанов, — хотя палеонтологи может быть найдут и спорные пункты в ваших предположениях. Но я хотел еще спросить, куда же исчезли обломки земной коры, получившиеся при образовании пробоины?

— Я полагаю, что более мелкие были выброшены обратно вырвавшимися из недр газами, а более крупные могли частью сплавиться вместе с метеоритом в светящееся тело Плутона, частью могли упасть на внутреннюю поверхность и образовать там холмы и целые плоскогорья.

— Может быть те большие холмы из оливиновой породы, богатой железом, которые вы открыли на берегах реки Макшеева в ее среднем течении, представляют такие обломки. Может быть и все плато черной пустыни на юном берегу моря Ящеров состоит из подобного огромного обломка, — все это требует дальнейшего изучения.

— А вулканы, потухшие и действующие, которые мы нашли на этом плато, — как объясните вы их существование?

— Мне кажется это нетрудно. Согласно гипотезе Цеприца, поверх слоев или поясов, состоявших из газов, расположался слой огненно-жидкий. После образования пробоины, когда газы устремились в нее и давление внутри земли начало резко ослабевать, часть этого слоя должна была превратиться в пары и газы, а остальная представляла кипящее огненное море. Пары и газы постепенно вышли через отверстие, температура и давление во внутренней полости все более понижались, и лавовое море начало покрываться твердой корой. Сначала последняя была тонка и слаба, часто разрывалась под напором газов и паров, продолжавших еще выделяться из расплавленной массы. Но постепенно она окрепла, прорывы случались все реже и реже, — как на поверхности земли в первый период ее жизни. Вул-

каны показывают только, что на некоторой глубине под этой корой сохранились еще бассейны с огненно-жидкой лавой, которая и производит извержения, как на земной поверхности, с той разницей, что продукты представляют сплошь очень тяжелые переполненные железом породы, каких мы на земле не знаем.

— Но ведь если внутренняя поверхность представляла сначала огненное море, как вы сказали, — заметил Макшеев, — то обломки коры, упавшие в него, должны были утонуть в нем или расплываться.

— Это не обязательно, — вступил Каштанов. — Мелкие обломки конечно расплывались, но крупные благодаря своим размерам, — ведь они могли достигать нескольких километров в диаметре, — подверглись расплавлению только отчасти. Что же касается их погружения в глубь огненного моря, то это зависело от их удельного веса. Если они были легче расплавленной массы, — а это вполне допустимо для части обломков, — то они плавали на ее поверхности, подобно льдинам на море, и, подобно льдинам, по краям и снизу таяли.

— Я не настаиваю на своей мысли, — заявил Труханов, — это было первое предположение, которое пришло мне в голову при вашем вопросе. Все это требует дальнейшего исследования. Мы знаем теперь только узкую полоску Плутонии вдоль реки Макшеева и по берегам моря Ящеров, а что представляет эта огромная страна в обе стороны от реки? Далеко ли уходит черная пустыня на юг? Что лежит за этой пустыней? Нет ли там опять оазисов жизни?

— Мне кажется, что нет, — заметил Папочкин, — и вот почему. Влагу, без которой жизни быть не может, приносят ветры, дующие с севера, из отверстия. Эта влага — продукт главным образом земной поверхности. Как мы убедились, дожди не распространяются дальше южного берега моря Ящеров. Ветры оставляют всю свою влагу на этом сравнительно небольшом расстоянии от отверстия, а за морем, на всем остальном пространстве внутренней поверхности, заливают безводная и бесплодная пустыня застывшей лавы. Я думаю даже, что первоначально юрская жизнь распространялась на очень близкое расстояние от отверстия, и только постепенно, по мере того как количество влаги в виде речек и озер увеличилось благодаря постоянному притоку ее через отверстие, эта жизнь продвигалась все дальше и дальше на юг. Может быть и море Ящеров образовалось сравнительно недавно, и потому вода его не так солона, как вода океана.

— Ну, с этим нельзя согласиться, — сказал Каштанов. — Если бы это море образовалось недавно, в нем не могли бы жить представители юрской фауны, подобно рыбам, ихтиозаврам и плезиозаврам. Ни рыбы, ни ихтиозавры не могли переселиться с земной поверхности внутрь посуху, подобно муравьям, или по воздуху, подобно птеродактилям. Из этого следует, что в пробоину все-таки проникло море, хотя бы на непродолжительное время, и узким проливом.

— Но позвольте! — воскликнул Папочкин. — Как могло море проникнуть вслед за метеоритом внутрь? Оно встретило бы раскаленные газы и огненную поверхность, и все завры и рыбы дали бы только колоссальную уху, но не потомство.

Все рассмеялись, но Каштанов возразил:

Вы делаете слишком поспешные выводы из моих слов, Семен Семенович. Я же не говорил, что море проникло вслед за метеоритом. Последний упал, как предполагает Николай Иннокентьевич, в триасовый период, а фауна моря юрская. Следовательно мы имеем достаточный промежуток времени для выхода газов и охлаждения внутренней полости. Может быть метеорит упал даже раньше, в конце палеозоя. И нет ничего невозможного в том, что в юрское время вследствие размыва части берега того большого острова или материка, на котором была пробоина, море проникло во внутреннюю полость, но не надолго, иначе оно бы всю ее затопило. Может быть в другой части Плутонии море Ящеров тянется значительно дальше на север, указывая тот путь, по которому морская фауна переселилась когда-то внутрь.

— Вот видите сколько вопросов, крайне интересных и важных, возникает тотчас же, как мы начинаем рассуждать о природе Плутонии, — сказал Труханов. — И каждый из нас может наметить их целый ряд по своей специальности. А в итоге — необходимо снарядить вторую экспедицию для дальнейшего исследования Плутонии. Не так ли?

ЭПИЛОГ

Наступил и прошел май, но не принес еще долгожданной весны. Хотя солнце уже не сходило с горизонта, только немнога спускаясь на севере и поднимаясь на юге, но грело оно слабо, и снег таял только на южной стороне корпуса судна и на крутых береговых утесах. Кроме того солнечные дни часто сменялись пасмурными; поднимался ветер, крутился снег, нередко разыгрывалась настоящая пурга, и казалось возвращалась зима. Этот свежий снег постоянно задерживал таяние старого, уже осевшего и готового превратиться в воду при первых же достаточно теплых днях. Но эти дни пришли только в первой половине июня и принесли наконец долгожданную весну.

С утесов стекали бесчисленные ручейки, на маленьких оголившихся площадках появились крошечные цветы, распускающиеся на глазах; в лужицах, согретых солнцем, копотились какие-то водяные насекомые, неизвестно откуда явившиеся. Но море, крепко скованное льдами, еще дремало. Впрочем, в тихие дни с верхушки мачты можно было различать далеко на юге темную полосу воды.

— В этом году весна здесь запоздала! — заметил как-то Нордстрем собравшимся на палубе путешественникам, которым из-за воды, покрывавшей лед почти всюду, теперь приходилось большую часть дня проводить на судне.

— Да, в прошлом году мы в это время уже подплывали к берегу этой земли.

— Потому что сильные ветры разволновали море и разбили лед. А теперь вот уже десять дней как тихо или дует слегка южный ветер.

— Не придется ли зимовать второй раз, если море не вскроется? — заинтересовался Папочкин, которому становилось скучно.

— Ну, нет! В июле, самое позднее в августе, море очистится, даже если ветров не будет.

В июле или августе! — воскликнули Громеко и Мажшеев. — Половину лета просидим еще здесь?

— Да, в полярных плаваньях с этим нужно считаться. В плохие годы только один или полтора месяца остается для навигации; в хорошие — два-три месяца.

Терпение населения «Полярной Звезды» действительно подверглось долгому испытанию. Июнь простоял тихий, но во второй половине пасмурный и холодный. По ночам подмерзло, иногда шел снег, и в такие дни казалось, что лето

уже кончилось. Наконец в начале июля налетевшая с востока буря хотя и засыпала все снегом, но разломала лед, и судно, давно уже обколотое, готовое к плаванию, простились салютом с печальной Землей Нансена и направилось на юг.

Однако погода все еще стояла пасмурная и сырая, часто шел дождь или снег; иногда туманы заставляли стоять целые часы.

Только в начале августа «Полярная Звезда» вырвалась из плена и полным ходом пошла по Берингову проливу. Все вздохнули свободно. Оставались две-три недели плаванья до Владивостока.

В половине августа плыли на широте устья реки Камчатки; берега полуострова, конусы вулканов и дымящаяся Ключевская сопка хорошо виднелись вдали. День выпал на редкость тихий и ясный, и бурное Берингово море расстилалось, словно зеркало, до горизонта. Благодаря прозрачности осеннего воздуха на юго-востоке чуть виднелись вершины острова Беринга, ближайшего из группы Командорских. С этой стороны полным ходом шло большое судно, как будто направлявшееся в Нижне-Камчатск.

— Вероятно русский крейсер, который дежурит в этих водах, — сказал Макшеев на вопрос собравшихся на палубе товарищей, находившихся в самом радужном настроении по случаю спокойного моря и успешного плаванья.

— Кого же тут караулить? — поинтересовался Каптанов.

— Хищников — американцев и японцев. Командорские острова известны как лучшее, если не единственное в мире лежбище ценного морского котика, количество которого вследствие беспощадного истребления стало быстро уменьшаться. Поэтому приходится допускать бой котика только в определенное время года и с разными ограничениями относительно самок и молодняка. Но промышленники стараются обойти запрещение. Поэтому острова часто посещаются судами военного флота, имеющими право останавливать подозрительные суда, плавающие в этих водах.

— Пожалуй, что и нас осмотрят! — воскликнул Труханов. — Крейсер держит курс прямо на нас.

Действительно, крейсер, крупное трехмачтовое судно, шел полным ходом наперерез «Полярной Звезде». На нем уже можно было различить блестящие дула орудий, группу людей на капитанском мостике. И вдруг из одного из орудий вырвался клуб дыма, прокатился гром выстрела, и од-

новременно на мачте взвился сигнал: «Остановитесь или буду стрелять».

«Полярная Звезда» послушно застопорила машину. По морским правилам капитан, как только заметил крейсер, отдал приказ поднять русский флаг. Но крейсер не последовал этому примеру.

Пассажиры столпились у борта, рассматривая быстро приближавшееся красивое судно.

— Что такое? Это не русский крейсер, он называется «Гамбург», и название сделано латинскими буквами! — воскликнул Нордстрем, наблюдавший в подзорную трубу.

— Какое же право он имеет останавливать русское судно в русских водах? — удивился Каштанов.

— Какой национальности этот «Гамбург»? Германский вероятно?

— Сейчас узнаем! — ответил Нордстрем, просматривавший карманный морской календарь.

— Нашел! «Гамбург» — крейсер германского военного флота, построен в 1909 году, столько-то тонн водоизмещения, 10 орудий такого-то калибра и т. д., 250 человек команды, скорость хода и т. д.

В это время крейсер совсем приблизился, замедлил ход и остановился в кабельтове от «Полярной Звезды»; с него тотчас же спустили шлюпку, и можно было видеть, как человек двадцать матросов, вооруженных ружьями, и два офицера сошли по трапу. Шлюпка направилась к «Полярной Звезде», пассажиры которой, капитан и вся команда столпились у борта в полном недоумении. Но для приема непрошенных гостей пришлось волей-неволей спустить трап.

На палубу поднялись оба офицера и десять матросов.

— Это русский судно? — спросил старший из гостей, подносят правую руку к козырьку фуражки.

— Русское. Яхта «Полярная Звезда», частная собственность, — ответил Труханов.

— Ви сам капитан?

— Нет, я владелец судна. Капитан и команда норвежцы.

— Норвежски подданы? Зо-оо! А зачем на русский судно норвежски команда? Торговий судно или китобой?

— Ни то, ни другое. «Полярная Звезда» везет научную экспедицию из плавания по Ледовитому океану. Но я хотел бы знать, на каком основании вы останавливаете русское судно в русских водах и подвергаете нас допросу?

— На основании военно-морской прав и военной положений.

— Что такое? Какое военное положение? В чем дело? —

посыпались вопросы встревоженных до-нельзя пассажиров.

Офицер улыбнулся.

— Ви ничего не знайте? Ви давно плавайт на Ледовитый океан?

— С весны прошлого года.

— Diese Russen sind wie vom Himmel gefallen¹ — обратился немец к своему товарищу, который видимо плохо понимал по-русски, а теперь тоже улыбнулся и ответил:

— Sie wissen gar nichts vom Kriege².

Затем старший продолжал:

— Так я вам объявляйт, что Австро-Венгерская империя и Германская империя уже целый год ведут война с Россией, и ми, крейсер императорски флот «Гамбург», будем взять ваш судно, как военный приз. Понимайт?

— Но моя яхта не военное судно, а научное, мирное. Частные суда не конфискуются.

— Мирный судно? А это что такое? — он указал на маленькую пушку на носу, служившую для салютов и сигналов. — Это орудий!

Труханов только улыбнулся.

— Всякий мирный судно, — продолжал офицер, — можно вооружайт, привозить десант, военный груз, военный почта. Мирный судно нужно забирайт, нишего не поделайт!

— Нельзя ли мне переговорить с командиром крейсера?

— А ви немецкий язык говорить, понимайт?

— Нет, по говорю по-французски и по-английски

— Карапю! Поедем крейсер.

Офицер сказал что-то вполголоса своему товарищу и затем спустился с Трухановым в шлюпку, понесшуюся к крейсеру. Второй офицер и вооруженные матросы остались на «Полярной Звезде».

Каштанов, хорошо говоривший по-немецки, вступил в беседу с офицером, который охотно отвечал на вопросы и познакомил пассажиров с главными событиями, приведшими в июле 1914 года к европейской войне. Некоторые норвежцы завели разговор с матросами крейсера, и незаметно прошло время до возвращения Труханова. Последний прибыл с двумя офицерами и еще несколькими невооруженными матросами.

— Нам предстоит высадка на берег Камчатки, — заявил он. — Пойдем в каюты укладываться, пока «Полярную Звезду» поведут под конвоем к берегу. Ее конфискуют безусловно со всем грузом.

¹ Эти русские словно с неба свалились!

² Они ничего не знают о войне.

В каюте без присутствия немцев, которые остались распоряжаться на палубе, Труханов рассказал следующее:

— Командир крейсера объявил мне то же, что и этот офицер. Сначала он, посовещавшись со своими помощниками, хотел высадить норвежцев, а нас увезти в качестве пленных. Я ведь прекрасно говорю и понимаю по-немецки, — пояснил Труханов, — но нарочно скрыл это, чтобы узнать, о чём они будут говорить между собой по поводу своих намерений. И вот я узнал, что у них мало провианта, и они рассчитывают поживиться нашими запасами. Поэтому лишние рты в виде пленных им не нужны. Хотя один из помощников настаивал, что они должны увезти по крайней мере всех, кто моложе 45 лет, как военно-обязанных, т. е. всех, кроме меня, но командир успокоил его тем, что пока мы доберемся из Камчатки в Москву, война наверно будет кончена разгромом России и Франции.

— Похоже на то, — заметил Каштанов, — мы узнали, что германцы уже недалеко от Парижа, а Варшава накануне сдачи.

— Итак, — продолжал Труханов, — они решили высадить всех, но позволяют взять с собой только необходимую одежду, немного припасов и принадлежащие каждому деньги, но не экспедиционную кассу. Она и все прочее подлежит конфискации.

— Как, и все коллекции, все результаты экспедиции? — воскликнул Папочкин с негодованием.

— Да, все безусловно! Дневники мы конечно попрячем по карманам, но фотографии, черепа, шкуры, гербарии и т. д. придется оставить. Они обещают, что все это в целости и сохранности будет доставлено в Берлин и выдано нам по окончании войны.

— Если по дороге туда их не пустит ко дну французская или русская подводная лодка или мина! — возмущенно заметил Боровой.

— Это вполне возможно! — продолжал Труханов, — тем более, что в войну вмешалась Англия...

— Словом, экспедиция ограблена дочиста, как тогда, когда нас обчистили муравьи, — грустно усмехнулся Макшеев.

— Есть некоторая возможность вернуть наше имущество, — сказал Труханов. — Из их намеков я догадался, что у них где-то поблизости есть база, скорее всего на Командорских островах, откуда шел к нам крейсер. Они отведут туда «Полярную Звезду». По прибытии во Владивосток, мы сообщим это нашим военным судам и базу накроют.

— Ну, когда-то мы доберемся туда!

— Во всяком случае это единственная надежда. А теперь давайте уладываться.

Все разошлись по каютаам. «Полярная Звезда» шла уже полным ходом к Камчатке под конвоем крейсера, держа курс на Усть-Камчатск, единственное жилое место к северу от Петропавловска на берегу моря. Вскоре приунывшие пассажиры собрались со своими чемоданами и узлами на палубе, где немцы подвергли багаж легкому осмотру, но не рылись в нем и не лазали в карманы. Поэтому Макшеев избег опасности лишиться своего золота, которое он пересыпал в широкий кожаный пояс золотоискателей, представляющий длинный и узкий мешочек. Навьючив на себя целый пуд, инженер сделался очень неповоротливым. Но колбаса, начиненная золотом, которой он опоясался, была скрыта под кухлянкой, и немцы не обратили внимания на неуклюжесть ееносителя. Коллекция и все экспедиционное имущество, давно упакованное в ящики для перевозки по железной дороге, были сданы по описи. О том, где в действительности побывала экспедиция, им конечно не сообщили.

— Мы побывали в Чукотской земле, зимовали на острове Врангеля, — заявил Труханов офицеру, принимавшему имущество, который сочувственно закивал головой и сказал:

— Мой отец был в полярной экспедиции, земля Франц-Иосиф, австрийский корвет Тсгетгоф, ви, конечно, читаль?

— О, да! — улыбнулся Труханов.

Под вечер оба судна остановились у длинной косы в устье реки Камчатки, за которой находится небольшой рыбачий поселок. Быстро сгрузили пассажиров, норвежцев и их багаж на три цлюпки и свезли на берег. Иголкин и Нордстрем немедленно отправились в поселок добывать средства передвижения. Остальные стояли на берегу и с грустью смотрели, как подняли на борт цлюпки и как оба судна повернулись и полным ходом ушли в море. Уже в сумерки, прежде чем пришли из поселка люди с лошадью — единственной в поселке — суда скрылись в вечерней мгле.

Нашим путешественникам пришлось прожить в Усть-Камчатске целых десять дней ввиду отсутствия средств передвижения. Редкое население по реке Камчатке было усилено занято рыболовством вследствие начавшегося осеннего хода рыбы, и бросать промысел, дающий людям и собакам пищу на всю зиму, ради перевозки многочисленной компании в батах (долбленах лодках) вверх по реке никто ко-

нечно не имел никакого желания. Только Иголкин, торопившийся к жене в Петропавловск, взяв с собой Генерала, отправился этим путем и повез письмо губернатору. В этом письме Труханов сообщал о конфискации «Полярной Звезды», о вражеской базе на Командорских островах и просял помощи.

В конце августа японская рыболовная шхуна зашла в Усть-Камчатск и согласилась доставить, за большие деньги, всех высаженных в Японию. Чтобы очистить место для пассажиров, ей пришлось оставить часть своего рыбного груза.

Это путешествие, продолжавшееся три недели, было далеко не из приятных. Одни разместились на палубе, другие в трюме между бочками с рыбой. Питались по-японски — рыбой, рисом и чаем, испытывали сильную качку, туманы, дожди и метели. Возле Курильских островов чуть не потерпели крушение на рифах во время бури; в заливе Терпения японцы хотели всех высадить под предлогом, что японский Сахалин — та же Япония, и согласились везти дальше лишь за добавочную плату.

В Вакканай, на северной оконечности Хоккайдо, северного из японских островов, измученные пассажиры сами покинули шхуну, так как дальше, в порт Хакодате, можно было ехать по железной дороге, скорее и удобнее.

Из Хакодате — на южном конце острова и почти на широте Владивостока — сообщение с последним было довольно частое и правильное. После ряда опросов и формальностей, вызванных тем, что и Япония присоединилась к воюющим державам на стороне Антанты, почтовый пароход быстро доставил всю компанию во Владивосток.

Велико было изумление путешественников, когда они, подъезжая к пристани, заметили среди судов на рейде «Полярную Звезду», на палубе которой маячил часовой. Быстро навели справки, и оказалось, что губернатор Камчатки, получив письмо Труханова, но не располагая судами достаточной величины для нападения на германский крейсер, телеграфировал во Владивосток. Посланный отсюда быстроходный крейсер нашел на Командорских островах «Полярную Звезду», но крейсер, имевший наблюдательные посты на высотах, успел заблаговременно скрыться.

Командир порта, сообщивший эти сведения, тут же разочаровал наших путешественников, уже рассчитывавших на возврат своих коллекций. «Полярная Звезда» была обобрана немцами дочиста — коллекции, снаряжение, припасы, даже обстановка кают и ценные части машины были увезены, так что судно пришлось тащить на буксире. Без солидного

ремонта оно не могло уже плавать, и Труханову пришлось согласиться на предложение морского ведомства отдать его на время войны для вестовой службы.

Удрученные путешественники сели в сибирский экспресс и направились на родину. Обсудив создавшееся положение, они решили, что до окончания войны, на близость которого все еще рассчитывали, и до возвращения коллекций и фотографий, об экспедиции в Плутонию нужно молчать. Чем могли они доказать, кроме своих слов, что Плутония с ее чудесами существует, и что в нее можно проникнуть? Без всяких фактических доказательств их доклад легко мог быть принят за плод фантазии.

Но война затянулась, за ней последовала революция и другие события... Миновало десять лет, участники экспедиции рассеялись: одни были убиты на фронтах, другие умерли. Коллекция и документы неизвестно где находятся. На их возврат Труханов, возвратившийся в свою обсерваторию на Мунку-Сардыке и живущий там отшельником, уже не надеется.

Случайно в руки автора попал дневник и рисунки одного из умерших участников экспедиции. По этим материалам и составлена настоящая книга в виде фантастического романа для пытливого юношества. Может быть кто-нибудь из вас, молодые читатели, возмужав, решится отправиться на поиски входа в чудесную Плутонию среди полярных льдов? А других, быть может, заинтересует изучение остатков исчезнувшей фауны и флоры минувших периодов жизни нашей земли.

БИБЛИОГРАФИЯ

Молодым читателям, которые заинтересуются наукой о земле и о населявших ее вымерших животных, можно указать нижеследующие популярно изложенные сочинения:

- Алексеев Ю.** О происхождении животных и человека. ГИЗ.
- Бельше В.** Материки и моря в смене времен. „Природа“, М.
- Вальтер И.** Первые шаги в науке о земле. ГИЗ.
- Гаазе Е.** Земная кора. Введение в изучение геологии. М., изд. „Космос“.
- Гейки А.** Геология. ГИЗ.
- Гетчинсон.** Вымершие чудовища. ГИЗ.
- Готан В.** Ископаемые растения. М., изд. „Природа“.
- Елаич Е.** О вымерших животных (пресмыкающиеся). ГИЗ, 2-е изд.
- Его же.** О происхождении птиц и о вымерших птицах.
- Ланкестер Э.** Вымершие животные. ГИЗ.
- Лебавиль.** Чудеса полярного мира. ГИЗ.
- Максвелл Рид.** Следы на камне. История Земли и жизни на ней. Переработка Л. Савельева, под ред. акад. В. А. Обручева. ОНТИ, 1936.
- Неймайр М.** Корни животного царства. М., 1919.
- Нечаев А. И.** Что говорят камни. ГИЗ.
- Обзорн Г.** Человек древнего каменного века. Жизнь, среда, искусство. Перевод с английского, под ред. антрополога Академии наук Б. Н. Вишневского. С дополнительной статьей „Доисторический человек в России“. Л., изд. „Путь к знанию“.
- Павлова М. В.** Причины вымирания животных в прошедшие геологические эпохи. „Современные проблемы естествознания“. ГИЗ.
- Шульга-Нестеренко.** Вулканы и землетрясения. ГИЗ.

Читателям, интересующимся полярными путешествиями, можно указать следующие сочинения:

Путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе „Вега“ в 1878—1880 г. Перевод с шведского. СПб. 1881.

Нансен Ф. Среди льдов и во мраке полярной ночи. Перевод с норвежского (имеется несколько изданий).

Свердруп Г. У. Плаванье на судне „Мод“ в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Изд. Акад. наук. Л. 1930.

Уреванцев Н. Н. Два года на Северной Земле. Изд. Главсевморпути. Л. 1935.

Пир Роберт. Северный полюс. Пер. с англ. В. Л. Дуговской. Изд. Главсевморпути, Л. 1935.

Самойлович Р. Л. Во льдах Арктики. Поход Красина летом 1928 г. 3-е изд. Всесоюзн. аркт. инст. Л. 1934.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Изд. Главсевморпути. Л. 1935.

Читатель

*Сообщите свое мнение о прочитанной книжке
акад. В. А. Обручева „Плутония“ в адрес редакции
Научно-популярной и юношеской литературы ОНТИ — Москва, Метростроевская, д. № 1.*

Ответственный редактор *И. Иорданский*. Технический редактор *О. Залышкина*.
Переплет и титульный лист худ. *И. Тенгенбаум*.
Сдано в производство 27/III 1937 г. Подписана к печати 3/VII 1937 г.
Формат 62×94¹/₁₆. ОНТИ № 4. Бум. листов 10. Печ. л. 20. Тип. зн. в 1 б. л. 38320.
Уполн. Главлита № Б-21662. Индекс Н.П.Ю.-95-3. Тираж 60 000. Уч.-авт. л. 18. Заказ 2395.
Цена 4 р., переплёт 1 р. 50 к.

Отпечатано с матриц во 2-й типографии ОНТИ имени Евгении Соколовой. Ленинград,
пр. Красных Командиров, 29.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует	По чьей вине
86	1 сверху	Макшеев	Макшеева	типогр.
112	3 снизу	эккурсию	экскурсию	типогр.
143	23 снизу	зеленой	земной	редакт.
158	15 сверху	озарт	азарт	типогр.
239	17 снизу	вескликнул	воскликнул	коррект.
275	16 снизу	периода	века	редакт.
316	15 снизу	заметил	заметили	типогр.
319	4 сверху	параход	пароход	типогр.

Зак. 2395. В. Обручев „Плутония“.

H. C. S. neg. 1 p. 56 v.

41307-001-2